

СТО
НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

сочиненія

ГОСПОЖИ ГОМЕЦЪ.

ТОМЪ X.

съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ

Въ Санктпетербургѣ.

1768. году.

СТО НОВЫХЪ

НОВОСТЕЙ

XXX НОВОСТЬ.

НУМЕРАНА

Любовь и ревность суть наиопаснѣйшія изъ всѣхъ страстей, и бываютъ еще гораздо страшнѣе, когда честолюбіе къ нимъ присоединится, и когда происходя другъ отъ друга располагаютъ онѣ поступки тѣхъ, кои ихъ чувствуютъ.

Евдъ, Герцогъ Аквитанскій, современникъ Карлу Мартелу завидуя успѣхамъ оружія сего героя, два раза побѣдившаго Хильперика и Раимфроя, увидѣлъ съ нѣкоторымъ порадованіемъ скороспѣшные за-

военанїи учиненныя Сарацинами во Франконїи, надѣясь, что остановятъ онѣ скоро подвиги Карловы, а онъ воспользуясь замѣшательствами толь бѣдственныя войны, возможетъ оспорить ему въ коронѣ, коей обое они равно домогались. Калифъ Исканъ Мирамолинъ овладѣлъ ужѐ большею частїю Ишпанїи, и храбрый Абдерамъ предводитель его войскъ перешедъ Пиринейскїя горы, угрожалъ равномѣрнымъ жребїемъ провинцїямъ Франконскимъ, когда Карлъ Мартелъ воспротивясь побѣдамъ сего храбраго Сарацина, побудилъ его чувствовать то, что сильна произвесть рука подкрѣпляемая богомъ оружїй, и принудилъ его возвратиться вспять. Но какъ препятствуя Невѣрнымъ войти во Франконїю, ускорялъ онъ своими побѣдами надъ всѣми державами на пути его находившимися, то Евдъ, Герцогъ Аквитанскїй не почиталъ себѣ то за прибытокъ; ибо только лишь освободившись отъ Сарацинъ, надлежало ему сражаться съ Карломъ, а получивъ наималѣйшее спокойствїе отъ онаго, ожидать паки возврату Сарацинъ.

Сїи

Сїи два сильные непрїятеля побуждали его опасаться сильнѣйшаго нападенїя на его области. Онъ не хотя по честолюбїю своему уступить Карлу, помышлялъ о смерти съ меншимъ ужасомъ нежели о стыдѣ, быть въ числѣ его Невольниковъ, а въ разсужденїи своей храбрости не хотя поддаться Сарацинамъ, не зналъ какое принять намѣренїе, ниже какимъ образомъ сообразить свою политику съ честолюбїемъ. Однакожъ не взирая на толикїя замѣшательства, дворъ сего Государя былъ великолѣпенъ и наполненъ забавами, либо желая увѣрить Карла въ томъ, что онъ его не опасался, или доказать Невѣрнымъ, что онъ былъ довольно силенъ, имъ противиться, либо для того, что нравъ его и свойство побуждали его къ веселостямъ, не выходилъ онъ инако отъ сраженїя, какъ для отправленїя торжествъ и прїятнѣйшихъ пированїй. Дворъ его состоявшїй изъ младыхъ воиновъ и прекраснѣйшихъ женщинъ просїевалъ многоразличными образы; но наиболѣе знатности придавала оному младая Принцесса Нумерана, дщерь его, коей удивительная

ная красота налагала оковы на всѣхъ тѣхъ, кои возводили на нее свой взоръ ; взгляды ея были неминуемыя, поражавшїя сердца, стрѣлы; Цари, Герои, старые и младые, никто не былъ отчужденъ отъ неограниченной власти оныхъ. Хильперикъ обремененный несчастїями, и принужденный искать пристанища у Герцога Аквитанскаго не могъ защититься отъ ея прелестей. Раимфрой начальникъ его палатъ, старый воинъ, коего казалось, что воинскїя попеченїи и престарелыя лѣта приводили въ безопасность отъ любви, здѣлался солюбовникомъ своего Государя.

Единый ея портретъ воспалилъ Фроилу, младаго Короля Астурїйскаго, причинилъ безпокойство въ душѣ Калифа Мирамолина, и принудилъ его перенесть оружїе свое за Пиринейскїя горы, дабы овладѣть толь прелестнымъ предмѣтомъ, Раимфрой скрывалъ свое пламя ; Хильперикъ объявилъ оное, но получилъ отказъ ; Король побѣжденный и обратившїйся въ бѣгство не удовлетворялъ честолюбїя Евдова. Ему надобенъ былъ такой зять,

который бы освободилъ его отъ Карла Мартела, коего боялся онъ болѣе нежели всѣхъ Сарацинъ совокупно, и такимъ образомъ по жестокости своей политики хотѣлъ онъ соблюсти сїю Принцессу, дабы быть жертвою страха его и корысти. Дѣла были въ такомъ расположенїи, и Нумерана вступила на осмнатцатый годъ возраста своего, какъ Герцогъ Аквитанскїй повелѣлъ обнародовать славное Конское ристанїе въ честь дамамъ, коего вызывъ посланъ былъ до самой Африки съ потребными пашпортами для желающихъ при ономъ находиться. Сей случай показался толь удобнымъ для почитателей Нумераниныхъ, что не хотѣли они пропустить онаго. Тѣ, кои ее обожали, и тѣ, кои хотѣли посмотрѣть, соотвѣтствуютъ ли прелести ея пронесшемуся объ нихъ слуху, вмѣняли себѣ въ законъ туда ѣхать. Между первыми, младый Фроила былъ наистарательнѣйшїй; портретъ Принцессинъ воспалилъ толь сильное въ сердцѣ его пламя, что вознамѣрился покуситься на все, дабы обладать подлинникомъ онаго: но будучи

дучи столь же разборчивъ сколь нѣженъ и страстенъ, хотѣлъ привесть себя въ любовь прежде нежели представить себя супругомъ, и что бы Факелъ брачный получилъ все свое сїянїе отъ Факела любви. Ласкался тѣмъ, что нѣчего ему бояться съ стороны Герцога Аквитанскаго, потому что будучи Королемъ, партїя сїя не могла быть противна; одно только то ево безпокоило, что бы понравиться несравненной его дщери. Странное дѣйствїе ослѣплѣнїя сея страсти: Фроила, Король Астурїйскїй думая, что довольно было одной Короны къ полученїю согласїя Евдова, и помышляя точїю о величествѣ своего состоянїя, забывалъ выгоды полученныя имъ отъ природы, кои гораздо болѣе его удостовѣряли въ томъ, что возможетъ ими паче тронуть сердце Принцессино, нежели ослѣпить ея родителя сїянїемъ Престола. Сей Монархъ будучи наипрекраснѣйшїй мущина своего времени, обладая всѣми качествами героямъ сродными, въ двадцать два года своего возраста, трепеталъ о томъ, что не возможетъ

притти

притти въ любовь къ осмнатцатилѣтней Принцессѣ, а не боялся такого Государя, который Королевства, добродѣтели, да и самый законъ ни во что вмѣнялъ, когда не могъ воспользоваться оными для своего честолюбія.

Фроила былъ одинъ Государь изъ всей Ишпаніи, который укрѣпился въ своихъ областяхъ несмотря на завоеваніи Сарациновъ. Онъ началъ ихъ атаковать, да и многократно побѣждалъ, и принудилъ столько же себя почитать, сколько бояться чрезвычайною своею храбростію и щедротою, съ коею поступалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, попадавшимися во власть его. Храбрый Аблерамъ, начальникъ сихъ невѣрныхъ, коего великодушныя поступки чувствительно трогали, плѣнясь производимыми Фроилою, возъимѣлъ безмѣрное желаніе узнать его особенно, и для того повелѣлъ здѣлать ему толь выгодныя мирныя предложеніи, что совѣтъ сего Государя неразсудилъ за благо отказать ему во оныхъ, и положено было, что бы Сарацины признавали впредь короля Астурійскаго за друга и союзника

зника своего, не дѣлали бы болѣе никакихъ нападенїй на его области, и оставили бы его спокойнымъ оныхъ обладателемъ, съ тѣмъ договоромъ, чтобъ призналъ онъ Калифа Искана Мирамолина за самодержца всей Ишпанїи, не мѣшаясь оборонять тѣхъ, на коихъ восхощетъ онъ нападать; чтобъ запретилъ онъ своимъ подданнымъ дѣлать ругательство Сарацинамъ, а чтобъ они съ своей стороны признали его за законнаго Короля Астурїйскаго, и поступали съ его подданными со всякимъ почтенїемъ.

Королевство Астурїйское не было довольно сильно, дабы выдерживать одному свирѣпство сихъ завоевателей, коими Ишпанїя была наполнена, и Астурїйцы не могли рано или поздно избѣжать смерти или неволи; и для того приняли сїи договоры толь благопрїятные въ сравненїи того, чего надлежало имъ опасаться, что Фроила принужденъ былъ подписать оные; и когда артикулы со обѣихъ сторонъ были утверждены, Абдерамъ желающїй нетерпѣливно видѣть сего юнаго Монарха, отправился въ Овїедо, гдѣ

сей

сей Государь имѣлъ дворъ свой. Свиданіе ихъ было странно. Абдерамъ удивившійся, нашедъ въ Фроилѣ, красоту, младость, храбрость и благоразуміе вмѣстѣ сопряженныя, не могъ удержаться чтобъ не оказать своего удивленія; а Фроила не видавшій ни коли сего великаго полководца инако какъ подъ оружіемъ, изъявилъ томужъ подобное, узрѣвъ его столь же преисполненна тихостію, кротостію и величествомъ, сколь былъ онъ горделивъ и страшенъ въ сраженіяхъ. Взаимное почтеніе овладѣло въ сію минуту ихъ сердцами, и скоро присоединилося ко оному нѣжное дружество, такъ что Абдерамъ и Фроила не имѣли болѣе ничего другъ отъ друга сокровеннаго. Сіе искреннее согласіе здѣлало трактатъ его съ Мирамолиномъ неразрушимымъ. Абдерамъ могъ все произвесть у Калифа, и показалъ толь изрядно кредитъ свой въ пользу Фроилы, что наслаждался онъ глубокимъ миромъ посреди ужасовъ войны, коими вся Ишпанія была обремѣняема. Абдерамъ не покидалъ почти болѣе двора Короля Астарійскаго, а сей младый

дый монархЪ желая привлечь его кЪ себѣ болѣе новыми узами, примѣтивЪ, что прелести Принцессы Алазинды сестры его восторжествовали надЪ его вольностїю, и что она не была нечувствительна кЪ любви сего Героя, отдалЪ ее за него вЪ замужество.

Когда сей бракЪ предалЪ совершенно храбраго Сарацина соизволенїю Фроилину, тогда открылЪ онЪ ему ту страсть, которую портретЪ Принцессы Аквитанской возбудилЪ вЪ душѣ его. АбдерамЪ искавшїй точїю случая, дабы ворваться вЪ сїю прекрасную землю, обѣщалЪ ему вступить во оную сЪ 100000 воиновЪ, и привести кЪ нему Нумерану; но когда Фроила далЪ ему знать, что не силою хотѣлЪ онЪ быть счастливЪ, и что сїе предпрїятїе, сверхЪ неизвѣстности успѣха, побудитЪ взирать на него какЪ на непрїятеля паче нежели подвластнаго любовника, тогда принужденЪ онЪ былЪ здѣлаться его повѣреннымЪ, не могши оказать ему своего усердїя. Между тѣмЪ видя, что любовь сїя ежедневно брала новыя силы, и положено было

привлечь

привлечь къ себѣ сердце Принцессино, прежде нежели свататься за нее у Герцога, предложилъ онъ ему ѣхать въ Аквитанїю, перемѣнить имяна, и провесть себя во дворецъ Евдовъ подъ видомъ путешественниковъ изъ единаго любопытства странствующихъ.

Какъ сїе средство ласкало младому монарху, то принялъ онъ его, и приводилъ ужѐ дѣла въ такое состоянїе, дабы отсудствїе его не произвело смятенїя въ его Королевствѣ, когда вызовъ на Конское ристанїе обнародованъ былъ въ Астурїи. Сїе празднество подавающее Фроилѣ случай увидѣть Нумерану, и оказать себя за нее, внушилъ въ него намѣренїе, какимъ образомъ предстать ея взорамъ. Абдерамъ восхотѣлъ за нимъ туда послѣдовать; и хотя любезная Алазинда обладала совершенно его сердцемъ, и онъ не имѣлъ никакова намѣренїя биться за Короля Астурїйскаго, однако неотпустилъ онъ его ѣхать безъ себя. Ристанїе назначено было къ первому числу Апрѣля, но какъ нетерпѣливость Фроилина не давала ему нималѣйшаго покоя, то поѣхалъ

ѣхалъ онъ съ Абдерамомъ въ началѣ Марта мѣсяца, имѣя при себѣ точїю по два конюшихъ, по осми лошадей съ ихъ проводниками, и столько людей, кои къ ихъ услуженїю необходимо были нужны. Какъ сїе торжество привлекло безконечное множество чужестранцевъ въ Аквитанїю, и городъ Аквита видѣлъ ежедневно прибытїе оныхъ, то не дивились увидя въѣхавшихъ туда сихъ двухъ кавалеровъ, кои, дабы не быть узнанными, заняли для себя домъ не весьма великолѣпный, и не подавали нимало знать о своемъ достоинствѣ, взявъ на себя единственно титулы приватныхъ людей, коихъ любопытство влекло къ обнародованному празднеству.

Между тѣмъ обоимъ симъ Принцамъ довольно было трудно, утаиться совершенно. Абдерамъ былъ притцати лѣтъ отъ роду, ростъ имѣлъ выгодный и сановитый, видъ воинственный, а притомъ и человѣколюбивый. Фроила не такого былъ высокаго росту, но собою безмѣрно дороденъ, лицемъ весьма прекрасенъ, и не имѣлъ ничего въ себѣ женскому полу свойственнаго; видъ

вели-

величественный, взоръ нѣжный, былъ разуменъ и проницателенъ; поступку имѣлъ благородную, ходилъ и говорилъ съ пріятностію, былъ съ природы краснорѣчивъ, проворенъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и одинъ изъ искуснѣйшихъ верховыхъ ѣздоковъ своего времяни. Таковыя совершенства не могши сокрыться подъ притворною наружностію, не долго пребывали, не поразивъ очей того, у коего они по незапному случаю жилище себѣ избрали. Онъ назывался Ерихъ де Монтобанъ; былъ знатныя породы, имѣлъ разумъ украшенный, сердце благородное, душу прекрасную, и особа его имѣла въ себѣ все то, что нужно человѣку желающему нравиться. Онъ былъ надзиратель двора Герцогскаго, и правитель Аквиты, столицы Аквитанской. Надмѣру пріобыкши быть при дворѣ Государскомъ, не могъ не знать ихъ поступокъ, и не усумнился, увидя обоихъ нашихъ чужестранцевъ, чтобъ не происходили они отъ знатныя крови, и воспріялъ къ нимъ отмѣнное почтеніе; наипаче сердце его преклонилося къ Фроилѣ,

коему

коему оказывалЪ отмѣнныя почести. Оный назвалЪ себя АлфонзомЪ, имя обычайное между Ишпанцами; АбдерамЪ наимяновалЪ себя РодригомЪ, и обое имѣли служителей своихЪ вЪ толь совершенномЪ повиновенiи, что невозможно было Ериху узнать ничего обЪ нихЪ болѣе.

ОднакожЪ будучи увѣренЪ, что они были состоянiя гораздо превосходящаго простыхЪ дворянЪ, и видя, что не хотѣли они никоимЪ образомЪ открываться, не говорилЪ онЪ обЪ нихЪ при ГерцогскомЪ дворѣ, и приставилЪ кЪ нимЪ служителей, кЪ коимЪ имѣлЪ наиболѣе довѣренности. Сiи отмѣны были надмѣру видимы, почему не могли ихЪ не примѣтить сердца великодушныя и чувствительныя: АбдерамЪ и Фроила извѣщенные о изящныхЪ его поступкахЪ, и разсуждая, что могутЪ вЪ немЪ имѣть надобность, свели сЪ нимЪ дружбу и просили его помогать имЪ вЪ намѣренiи осмотрѣть дворЪ ГерцоговЪ, и появиться при ристанiи, не подвергнувЪ себя ни чьему любопытству. ЕрихЪ ожидавшiй точiю

сея

сея прозьбы, дабы показать самимъ дѣломъ влїянное ими въ него почтенїе, обнадеживалъ ихъ, что услужитъ имъ въ томъ по желанїю, чувствуя себя влекома къ тому собственною склонностїю: между тѣмъ, сказалъ онъ имъ, не можете вы избѣжать того, чтобъ васъ не увидѣли, стараясь увидѣть другихъ, естьли по малой мѣрѣ не восхотите быть участниками тѣхъ увеселенїй, коимъ довлѣетъ преслѣдовать конскому ристанїю. Тогда увѣдомилъ ихъ, что имѣютъ быть сельскїя балы и празднества, причемъ каждой будетъ имѣть свободу переодѣться и прикрыть лице маскою, дабы не давать о себѣ знать, примолвя, что какъ Герцогъ и Принцесса, дщерь его удостоиваютъ всѣ сїи празднества своимъ присутствїемъ, то не можно имъ обрѣсть благопрїятнѣйшаго случая, дабы увидѣть всего двора собранїе; потому что дамы и кавалеры вмѣняютъ себѣ въ законъ, появиться съ знатностїю при свитѣ своихъ Государей. Свѣтлѣйшїе наши чужестранцы похвалили сей способъ; но Фроила не могши уменшить обладавшей имъ

нетерпѣ-

нетерпѣливости увидѣть Принцессу, спросилъ у него, не можно ли ему посредствомъ его насладиться симъ удовольствїемъ? Младый Государь произнесъ сей вопросъ съ таковымъ жаромъ, что Ерихъ догадался о части истинны, и наполненъ будучи мнѣнїемъ, что сей любезный незнакомецъ значилъ въ себѣ нѣчто чрезвычайное, не усумнился обѣщать ему все, чего отъ него требовалъ. Нумерана, сказалъ онъ ему, ходитъ всякой день послѣ обѣда въ увеселительный садъ, отъ коего я одинъ имѣю ключь; не можно никому туда войти безъ ея приказанїя, она препровождается туда точїю ближайшими своими наперстницами, младыми, знатными и къ ней прилѣпившимися особами, кои почти всѣ равныхъ съ нею лѣтъ: тамъ, свободна будучи отъ должности, къ коей обязуетъ ее состоянїе ея, забавляется она невинными играми, гуляетъ или разговариваетъ съ ними, какъ ей хочется; и въ сїе то прекрасное мѣсто могу я васъ ввести, такъ что никто васъ тамъ увидѣть не можетъ. Но государь, продолжалъ онъ, посмотрѣвъ на него

быстро,

быстро, я думаю, что не здѣлаю никакой отваги, подавая вамъ сей опытъ моего усердія; и что естьли Нумерана васъ увидитъ, то не возможетъ укорять меня тѣмъ, что подвергнулъ ее взорамъ дерзновеннымъ.

Не пріѣжжаютъ толь далеко, отвѣчалъ съ холодностію мнимый Алфонзъ, для нарушенія почтенія наипрекраснѣйшей въ свѣтѣ Принцессѣ, и хотя я чужестранецъ, и по одной молвѣ ее узналъ, однако увѣренъ, что между всѣми ея подданными нѣтъ ниодного сердца столь подвластнаго ея законамъ, сколь мое. Я то такъ думаю, отвѣчалъ ему Ерихъ улыбнувшись, и естьли всѣ мои мнѣніи столь же справедливы, то не обманываюсь я, разсуждая, что вы гораздо преимуществуете предъ тѣмъ, чемъ казаться хощете: но государь, наблюденіи мои не будутъ простираться далѣе; и сообразуясь съ вашими намѣреніями, буду способствовать таинству оныхъ наиточнѣйшею моею скромностію.

Великодушный Ерихъ, сказалъ ему Фроила, пожавъ его руки, сво-

бода ристанія подаетъ всякому вольность, большіе могутъ скрыться подъ видомъ простолюдиновъ, а малые могутъ притомъ почитаемы быть за большихъ господъ. Но кто бы мы ни были, или за кого бы ты насъ ни почелъ, только будь обнадеженъ о нашей благодарности, и что не будешь николи имѣть причины раскаеваться въ томъ, что для насъ дѣлаешь. Какъ сей разговоръ возбудилъ обоюдную довѣренность, то продолжался онъ со всею откровенностію, какая могла быть между особами незнающими другъ друга инако, какъ по оказующимся достоинствамъ. Ерихъ не имѣя намѣренія услужить гостямъ своимъ не совершенно, предложилъ имъ итти въ тужъ минуту въ садъ Принцессинъ, дабы узнать всѣ закоулки онаго, пока она въ немъ не будетъ, и разсмотрѣть ихъ въ точность къ завтрешнему дню, въ который надлежало имъ туда опять итти. Они нато согласились; и хотя въ сію жъ минуту получили они важныя письма, однако отложили чтеніе оныхъ, дабы не пропустить назначеннаго отъ проводника ихъ времени, и

поѣхали

поѣхали съ нимъ въ сіе прелестное мѣсто. Ето было тако уединеніе, гдѣ встрѣчалося все могущее ласкать взоръ и обоняніе; наипрекраснѣйшій видъ во всей вселенной; покрытые ходы изъ деревъ померанцовыхъ, лимонныхъ и ясминныхъ по всѣмъ сторонамъ, Гроты чрезвычайные, воды играющія многоразличными видами; безконечное множество фигуръ мраморныхъ, и сосудовъ великолѣпныхъ, гдѣ искуство по видимому преимуществовало предъ натурою, составляли тамъ различіе украшеній, кои при каждомъ шагѣ новыя промышляли увеселеніи.

Фроила и Абдерамъ пришли отъ того въ восхищеніе, и толь же мало уставали итти, сколь много изъявляли знаковъ своего удивленія. Ерихъ показывалъ имъ все, и толковалъ съ точностію многіе причины басни, которую представляли находящіяся тамъ фигуры; но между кабинетами изъ мелкихъ камешковъ составленными, Фроила нашелъ одинъ толь новаго вкусу, что не могъ изъ онаго вытти. То былъ нѣкоторой родъ выкопанныя изъ подъ

камня пещеры на берегу рѣки, изъ коей казалось, что Дїанна съ своими подругами выходя купаться, забавлялася собиранїемъ на пескѣ камешковъ, дабы здѣлать Гротъ самимъ собою; различныя положенїи Нимфъ, хитрость взглядовъ, кои метали другъ на друга смѣясь избранному ими упражненїю, и какъ будто радуясь своему проворству, и хвалясь успѣть въ томъ одна предъ другою лутче, крайнѣе приносили взору ихъ увеселенїе: иныя наклонясь къ берегу брали камешки, другїя подавали ихъ богинѣ, нѣкоторые дѣлали изъ того рисунки на камнѣ; иныя взирали на то смѣясь трудамъ ихъ. Но наипаче Дїанна привлекала вниманїе Фроилино; онъ познавъ въ ней черты Нумеранины, и красоты, коихъ въ нарисованномъ минїантурою портретѣ не могъ онъ толь совершенно разсмотреть, представившись глазамъ его въ изваянной статуѣ съ большею живостїю, здѣлали его неподвижнымъ. Сїя Дїанна представляющая въ самомъ дѣлѣ Принцессу Аквитанскую, казалась прикрытою только серебренымъ гасомъ, который отъимая отъ взоровъ часть

ея

ея прелестей, показывалъ точїю грудь ея, плеча, руки и половину ноги, но въ толь великомъ совершенствѣ, что можно было не оскорбивъ ее подумать, будто бы художникъ забавляясь дѣлалъ то, что внушало въ него воображенїе, паче нежели что глаза его видѣли. Лице ея обращено было къ сторонѣ входа во Гротъ, почему и видна она была ходящимъ совершенно; одною рукою ударяла по плечу одну изъ своихъ Нимфъ, улыбаясь нѣжно, дабы побудить ее воззрѣть на ея имя, которое она вмѣстѣ съ своимъ выклала камешками; радость, невинность, разумъ и стыдливость были толь живо изображены во всемъ поступкѣ богининомъ, что не можно было себѣ представить, чтобъ не была она оживотворенная. Влюбленный Фроила разсматривалъ ее долгое время, не могщи промолвить ни единаго слова.

Ерихъ не спускавшїй его съ глазъ, примѣтилъ его безпокойство; и дабы его изъ онаго вывесть: государь, сказалъ ему смѣючися, чтожъ здѣлаетъ подлинникъ, естьли копїя приводитъ тебя въ сїе состоянїе?

какъ сей случай привелъ паки въ себя мнимаго Алфонза, то и отвѣчалъ онъ на то только вздохомъ; и прося Ериха извинить его смятеніе, спросилъ у него, одна ли только Діана изъ всѣхъ находившихся въ Гротѣ фигуръ имѣла подобіе: вы видите въ немъ, отвѣтствовалъ надзиратель, наизнатнѣйшихъ придворныхъ особъ подъ видомъ Нимфъ; четыре младшія суть фрелины Принцессины, коихъ она, какъ кажется, наиболѣе всѣхъ любитъ, либо за то, что онѣ почти одних съ нею лѣтъ, либо достоинство оныхъ побуждаетъ ее ихъ отличать: другія будутъ вами скоро знаемы, естьли нѣсколько поживете въ Акитѣ; но та, которую видите улыбающуюся старанію прилагаемому ея подругами, дабы понравиться Діанѣ есть Принцесса крови, отъ Герцоговъ Акитанскихъ, поимени Менина; красота ея неуступаетъ ни чьей кромѣ Нумераниной, но разумъ ея и нравъ суть изъ наиопаснѣйшихъ, горда, высокомѣрна и спесива будучи, почитаетъ себя весьма знающею, и рѣшитъ всѣ дѣла съ превеликою властію; ненависть ея непримирима, почтеніе

почтенїе ея неменше страшно, есть ли не отвѣтствуютъ оному по ея желанїямъ. Однакожъ естьли хощетъ она разставить какїя нибудь сѣти, отмстить или понравиться, то нѣтъ такого дружества, угожденїя, ласковыхъ поступокъ и самой подлости, коей бы не здѣлала для достиженїя онаго. Праведное Небо! вскричалъ Фроила, да какъ же прекрасная ваша Принцесса можетъ жить съ сею женщиною? Нумерана, отвѣтствуетъ ему Ерихъ, будучи тиха, разумна, умѣренна и одарена самыми рѣдкими добродѣтельми, знаетъ погрѣшности Менинины, не получая изъ того иной пользы, опричь того что не мѣшается ни въ какое съ нею дѣло; и стараясь паче ее извинить, нежели охуждать, поступаетъ съ нею милостиво, и тѣмъ наипаче принуждаетъ себя оказывать ей почтенїе, что взяла она неограниченную власть надъ Герцогомъ, который не поступаетъ почти инако какъ по ея волѣ, и празднества сїи учреждаетъ, менѣе для Принцессы нежели для увеселенїя Менины, которая желала ихъ, дабы имѣть удовольствїе,

какъ сказывала она, увидѣть вдругъ различныхъ народовъ вмѣстѣ смѣшенныхъ.

Но сїе въ самомъ дѣлѣ происходитъ для того, чтобъ удовольствовать безмѣрное ревнованїе, которое имѣетъ къ Принцессѣ, потому что большая часть нашихъ придворныхъ объявили себя ея Кавалерами, боясь навлечь на себя ея ненависть. Я стараюсь тебѣ ее изобразить для того, примолвилъ надзиратель, дабы побудить тебя беречься ея хитростей, естьли познакомишься при дворѣ. открываю столько потаенныхъ склонностей твоего сердца, что не могу не напомнить тебѣ, либо скрывать отъ ней оныя тщательно, либо здѣлать ее къ себѣ толь благопрїятною, чтобъ не могла тебѣ вредить; я говорю тебѣ сїе изъ искуства, она причинила все несчастїе моея жизни; и когда удовлетворю данному мною тебѣ обѣщанїю, и умъ твой будетъ нѣсколько спокойнѣе, тогда докажу тебѣ повѣствованїемъ моихъ приключенїй, сколь надобно Менины боятся.

Ерихъ не могъ окончать рѣчи своея, не проливъ слезъ, кои заставили

вили думать принцевъ, что онъ имѣлъ сильныя причины къ жалобамъ, противъ сей принцессы, и здѣлали ихъ чувствительными къ его печали; они изъявили то ему съ нѣжностїю, благодаря его за поданное имъ наставленїе, обнадеживая притомъ, что будутъ они всегда готовы его слушать, когда похощетъ онъ ввѣрить имъ то, что ему приключилось, и перемѣнивъ рѣчь, дабы вывесть его изъ печали, въ которую ввергло его сїе напоминовенїе, спросили они его, что значилъ тутъ высокїй заборъ, который повидимому отдѣлялъ звѣринецъ отъ того саду, въ коемъ они находились. Ето дворецъ Принцессинъ, отвѣтствовалъ имъ Ерихъ, она входитъ изъ своихъ покоевъ въ звѣринецъ, а изъ звѣринца ходитъ сюда сквозь рѣшетку, отъ коей одна она ключь имѣетъ. Итакъ можетъ она сюда войти, сказалъ ему Алфонзъ, безъ вѣдома твоего? безъ сомнѣнїя, отвѣчалъ онъ, но сїе бываетъ весьма рѣдко; между тѣмъ какъ съ моей стороны никто не можетъ туда входить безъ моего дозволенїя, ни тѣ самые, кои опредѣлены тамъ

къ

къ работѣ, и какъ она въ томъ увѣрена, то можетъ она прогуливаться во всякое время въ безопасности.

Послѣ многихъ другихъ увѣдомленій, и обошедъ все сіе прекрасное мѣсто, пошли они вонъ, и возвратились къ Ериху, плѣнясь тѣмъ, что видѣли, и въ нетерпѣливости, быть тамъ на другой день. Когда надзиратель оставилъ ихъ на свободѣ, тогда Абдерамъ, видя что Фроила преисполненный своею любовію, позабылъ читать полученныя ими письма, напомнилъ ему объ оныхъ. Какъ находилось между оными одно отъ Принцессы Алазинды, и сей нѣжный супругъ не хотѣлъ пропустить ничего приходящаго отъ толь дражайшей руки, то принуждалъ онъ его прочитать оное, хотя и имѣлъ сверьхъ того цѣлый пакетъ оныхъ. Король Астурійскій любя ее съ чрезвычайною горячностію, и стыдясь тому, что страсть отвращала его толь долгое время, узнать то, очемъ она его увѣдомляла, искалъ записной книжки, въ коей находилось ея письмо, и не нашелъ оной; онъ взялъ ее съ собою при выходѣ своемъ, и не сомнѣваясь, чтобъ

не

не упала она въ саду Принцессиномъ, приказалъ увѣдомить отомъ Ериха, который немедлѣнно послалъ искать во всѣхъ мѣстахъ, кои они осматривали, но тщетно. Сїе приключенїе безпокоило Фроилу, не для того, что бы Принцесса Алазинда могла написать что нибудь могущее дать о немъ знать, ибо онѣ согласились межъ собою, что бы не инако къ нему писала, какъ къ постороннему: но увѣдомивъ ее, что онъ живетъ у Ериха, и о почтенїи, кое къ нему возъимѣли, боялся онъ, чтобъ не было въ немъ чего нибудь до него касающагося, и что бы сїе письмо не попалось въ руки Менинѣ, а сїя Принцесса, которую ему толь опасною онъ изобразилъ, не употребила бы его во вредъ ему. Ерихъ вошедшїй въ покой его, дабы изъявить ему свое сожалѣнїе о потерянїи сей записной книжки, нашелъ его въ сихъ мысляхъ. Нѣтъ сомнѣнїя, сказалъ ему надзиратель, что кто нибудь вошелъ въ садъ послѣ нашего выходу, потому что книжка твоя не сыскалася; но въ томъ я увѣренъ, что не Менина ее нашла, потому что не возвратится она прежде изъ увесели-

селительнаго дому, который имѣетъ въ довольномъ отстоянїи отъ сего города, какъ за нѣсколько дней предъ назначеннымъ торжествомъ; и что я не дѣлаю отваги, показать тебѣ завтра Принцессу, потому что отсутствїе ея не дозволяетъ мнѣ бояться, ибо и Герцогъ не гуляетъ никогда съ несравненною своею дщерїю, когда Менины притомъ нѣтъ; и такъ Нумерана будучи свободна отъ принужденїя, кое причиняютъ въ ней худой нравъ одной, и почтенїе наложенное на нее другимъ, бываетъ тогда стократно любви достойнѣе и веселяе. Какъ сїи слова удостовѣрили мнимаго Алфонза о судьбинѣ его письма, то сожалѣлъ онъ точїю о неизвѣстности, въ коей находился въ разсужденїи увѣдомленїя Алазиндина; но когда Абдерамъ сообщилъ ему о томъ, что къ нему писано, то желалъ онъ тайно, что бы дошло оно до познанїя Принцессы Аквитанской.

Между тѣмъ какъ воображенїе его то ласкало, то безпокоило въ разсужденїи различныхъ предмѣтовъ представляемыхъ ему отъ страха и надежды, и какъ сообщалъ

щалъ онъ Абдераму часть своихъ безпокойствъ, незапный случай послужилъ ему болѣе нежели онъ надѣялся. Въ самомъ дѣлѣ Ерихъ и Принцы лишь только вышли изъ саду, какъ прелестная Нумерана предложила прогуливанїе во ономъ младому знатному обществу составляющему дворъ ея: оное на то склонилось, и послѣдовало за нею въ скорости. Онѣ забавлялися тамъ, нѣсколько времени всѣ вмѣстѣ; но Принцесса уставши отъ игры, и будучи насупротивъ Грота Дїанина, вошла во оный, дабы отдохнуть съ тою изъ госпожъ, которую наипаче другихъ любила; ето была младая и прекрасная особа знатнаго происхожденїя по имени Іустина де Севинъ: доброта ея свойства и веселый нравъ привели ее въ крайнюю милость у Нумераны, и снискали всю ея довѣренность. Она шла позади Принцессы, и готовилась вступить въ Гротъ, какъ почувствовала нѣчто противящееся подъ ея ногами; и наклонившись, дабы видѣть, что сїе было, нашла она ту записную книжку, которая причиняла въ сїю минуту

толико бозпокойства Королю Астурїйскому.

Какъ великолѣпїе оной побудило Іустину думать, что Нумерана ее уронила, то представила она ей оную не развертывая. Вы очень щастливы, государыня, сказала ей смѣючися, что не Менина на моемъ мѣстѣ; сїя драгоцѣнная вещь не избѣжала бы ея любопытства. Нескромность ея, отвѣчала Принцесса, была бы для меня весьма неважна въ семъ случаѣ; сїя книжка мнѣ не принадлежитъ, и я незнаю, что ето значитъ. Что, подхватила въ удивленїи Іустина, она не ваша? нѣтъ, клянусь тебѣ, сказала она, взирая на оную, и не знаю, чья бы она могла быть. Тогда поварачивая ее на всѣ стороны, препроводили нѣсколько минутъ въ удивленїи и въ разсматриванїи оныя. Она была здѣлана изъ жемчужной раковины, и осыпана золотомъ, а замокъ украшенъ дорогими каменьями. Конечно, сказала Нумерана, принадлежитъ она Ериху, онъ одинъ только сюда ходитъ. Ето можетъ статься, отвѣчала Іустина, но какъ проводитъ онъ сюда часто и другихъ, то его ли она или

нѣтъ,

нѣтъ, когда не пріемлете вы въ томъ участія, то не буду я болѣе наблюдать скромность, и узнаю хозяина оной, посмотрѣвъ, что въ ней заключается. Сказавъ сіи слова развернула оную; но лишь только обратила взоръ свой на письмо, какъ посмотрѣвъ на Нумерану съ удивленіемъ: Ахъ! Принцесса! вскричала она, сіе ни мало не касается до Ериха; ето писмо отъ Ишпанца, и имя ваше въ немъ упоминается.

Какъ сіи слова возбудили любопытство Нумеранино, которая Ишпанскій языкъ совершенно разумѣла, то взяла она письмо, и читала въ немъ слѣдующія слова.

ПИСЬМО.

Сколь отсутствіе твое меня печалитъ, и сколь состояніе сердца твоего меня безпокоитъ: надобно что бы любила я тебя столь горячо, какъ то въ самомъ дѣлѣ, дабы не пожелать смертельнаго зла сей опасной Принцессѣ Аквитанской, которая похищаетъ у меня дражайшаго моего Альфонза.

Увѣдоми меня, удалося ли тебѣ ее увидѣть, должна ли я тѣмъ хвалиться, или на то жаловаться; наконецъ не пренебреги ничемъ могущимъ прекратить печаль той, которая бы твоему благополучїю всею своею жизнїю жертвовать не отрѣклася.

Сїя госпожа, сказала тогда Іустина, изъясняется довольно нѣжно, но то меня удивляетъ, что открываю въ ней по мыслямъ ея любовницу ревнивую, совмѣстницу не могущую васъ ненавидѣть, и прїятельницу прїемлющую участїе въ благополучїи такого человѣка, который васъ любитъ, и коего однакожъ боится она потерять сердце. Между тѣмъ какъ она такимъ образомъ говорила, Нумерана находилась въ глубокой задумчивости, устремивъ глаза на записную книжку. Любезная Іустина, веселясь симъ произшествїемъ, и видя, что она хранила безмолвїе: я думаю, государыня, говорила ей продолжая издѣваться, что вы хотите на сїе писмо отвѣтствовать. Нѣтъ, отвѣчала она ей, но признаюсь тебѣ,

бѣ, дражайшая моя Іустина, что оно меня безпокоитъ; боюсь Менины; не одна ли то изъ ея хитростей и не употребила ли она къ тому ково нибудь изъ твоихъ подружекъ? Голосъ, коимъ Нумерана произнесла сіи слова, заставилъ ее думать, что она помышляла ревностнѣе о семъ незапномъ случаѣ, и такъ принуждена она была окончать шутку, дабы вывесть ее изъ скуки, коей начинала предаваться, обнадеживая ее, что никто изъ комнатныхъ ея женщинъ не входитъ безъ ней въ сей садъ, и потому невозможнымъ кажется, что бы сіе отъ нихъ произошло; въ протчемъ онѣ всѣ столько къ ней привязаны, что не вступятъ никогда въ таковый умыселъ, дабы угодить Менинѣ; и какъ надобно вамъ сказать, что думаю я о сей записной книжкѣ, продолжала она, то увѣрена я, что какой нибудь чужестранецъ потерялъ ее прогуливаясь: я думаю притомъ, что сей незнакомецъ, будучи потаенный обожатель насравненныя Принцессы Аквитанской, зашелъ сюда единственно съ тѣмъ, чтобъ ее увидѣть;

дѣть; что писмо сїе не отъ оставленной любовницы, но отъ родственницы или искренней прїятельницы, безпокоющейся о судьбѣ, какую возъимѣетъ любовь сего Алфонза, въ коей она у него повѣренною.

Вотъ что я думаю, и чувствую въ сердцѣ моемъ раждающееся такое почтенїе къ госпожѣ и къ незнакомцу, что не буду имѣть покоя, пока не узнаю, кто онѣ таковы. Всѣ тѣ, кои носятъ на себѣ ваши оковы, мнѣ милы: я почитала Хильперика единственно за то, что онъ о васъ воздыхалъ; раимфрой не инако снискалъ мое почтенїе, какъ тою страстїю, которую вы въ него вселили, и старанїемъ, кое прилагалъ скрывать оную; и думаю, что Мирамолинъ и всѣ вообще Сарацины перестали бы приводить меня въ трепетъ, естьли бы любовь здѣлала ихъ вамъ подвластными. Младая Севина выговорила сїи слова толь шутливымъ выдомъ, что Нумерана не могла удержаться отъ смѣху. Дражайшая моя Іустина, отвѣтствовала она ей, не желай мнѣ таковыхъ невольниковъ; дѣлай все что похощешь

хощешь въ разсужденіи незнакомца, но не говори никому, что я видѣла записную книжку. Іустина обнадеживала ее въ томъ, сказавъ ей, что умѣетъ она смѣяться и шутить; но знаетъ еще лутче то почтеніе, коимъ ей долженствуетъ, и какимъ образомъ довлѣетъ щадить ея славу. Принцесса обнявъ ее взяла подъ руку, и не отвѣтствуя ей ничего пришла къ своимъ фрелинамъ, и мало времени спустя возвратилась въ свои комнаты. Іустина не покидавшая ее никогда, примѣтивъ, что она была печальна и задумчива, не смѣя начать говорить, ожидала взирая на нее пристально, чтобъ пресѣкла она молчаніе. Нумерана поднявъ глаза, и нашедъ ее въ такомъ состояніи, улыбнулась закраснѣвшись: извини любезная Севина, сказала ей, то состояніе, въ коемъ меня видишь; не имѣю ничего отъ тебя сокровеннаго, и не отрѣкуся, что прочтенное нами писмо, виною моея задумчивости

Чемъ болѣе разсуждаю я о томъ, какимъ образомъ оно писано, тѣмъ болѣе примѣчаю въ немъ тайности. Женщина боящаяся, что бы другая

гая не похитила у ней сердца, коимъ она владѣетъ, не говоритъ такимъ образомъ; и я нахожу нѣчто толь нѣжное въ изъясненїи до меня касающемся, что изъ особливаго движенїя, коего не открываю вины, чувствую въ себѣ склонность, любить и усерднѣйшее желанїе узнать ее.

А Донъ Алфонзъ, отвѣчала ей Іустина, не имѣетъ ли также какого нибудь участїя въ вашемъ любопытствѣ? такой мущина, къ коему пишутъ толь нѣжно, не долженъ быть того недостоинъ. Дражайшая моя Іустина, сказала ей Принцесса, перестанемъ издѣваться, и поищемъ какихъ нибудь способовъ, дабы навѣдаться о томъ, что мы знать желаемъ. Я не знаю къ тому другаго средства, отвѣчала Іустина, какъ ввѣриться Ериху, онъ одинъ можетъ вводить въ сей садъ ково похощетъ: книжка потеряна конечно сего дня, потому что мы тамъ вчера были, а ей не было; и такъ не безъизвѣстно ему, ково онъ туда водилъ, онъ назоветъ ихъ вамъ по имени; а изъ сказаннаго имъ, легко намъ того

узнать

узнать будетъ, чья сїя записная книжка.

Нумерана похвалила сїе средство; но колебалась открыть Ериху то, что видѣла она писмо. Однако младая Севина склонила ее къ тому, представляя ей, что надзиратель человѣкъ вѣрный привязанный къ ней съ своего младолѣтства, преисполненный благоразумїемъ, и знающїй то, что надлежало сказывать или таить; и что она почитаетъ его удобнымъ не обьявлять ничего о томъ, естьли отъ ней ему приказано не будетъ. Когда сїи причины преодолѣли ея сомнѣнїе, тогда послала она за Ерихомъ. Онъ выходилъ тогда изъ покоя Алфонзова, прямо безпокоясь о судьбинѣ записной книжки, боясь, чтобъ не попалась она въ худыя руки. Тотчасъ послушался, и пошелъ къ Принцессѣ, которую нашелъ одну съ Іустиною: Ерихъ, сказала ему Нумерана усмѣхнувшись, я призвала тебя, дабы узнать, вводилъ ли ты сего дня кого нибудь въ садъ Дїанинъ, и кто таковы тѣ, коихъ ты туда пустилъ.

Ерихъ изумѣлся отъ сего вопроса. Онъ не хотѣлъ досадить своимъ гостямъ, кои желали быть незнаемы, а притомъ не хотѣлъ здѣлать неугодность и Принцессѣ; и не зная, какъ сообразить откровенность свою съ скромностію, колебался отвѣтствовать. Нумерана проникая мысль его, къ томужъ будучи возбуждаема открыть сію тайну тѣмъ смятеніемъ, которое въ немъ примѣчала, принявъ на себя видъ ревностный: Ерихъ, сказала ему, не должно тебѣ ничего отъ меня скрыть, повелѣваю тебѣ сказать мнѣ истинну. Надзиратель видя себя такимъ образомъ понуждаема, и разсуждая, что естьли оба чужестранца не таковы въ самомъ дѣлѣ, каковыми хотятъ казаться, то не носятъ они на себѣ прямыхъ своихъ имянъ, слѣдовательно не подвергается онъ опасности ихъ наименовать, и что когда пріѣхали они для коискаго рыстанія и дабы увидѣть Принцессу, то онъ имъ паче тѣмъ покажетъ услугу нежели досаду, естьли предъупредитъ ее въ ихъ пользу; и такъ престалъ, колебаться, и отвѣтство-

вѣтствовалъ немодлѣнно, что онъ показывалъ въ сей день красоты сада Діанина двумъ кавалерамъ недавно прибывшымъ для пріуготовляемаго празднества, что одинъ изъ нихъ именуетъ себя Альфонзомъ, а другой Родригомъ. Но государыня, продолжалъ онъ, могу обнадежить Ваше Высочество, что я не видалъ еще мущины дороднѣе и любви достойнѣе Альфонза; все означиваетъ въ немъ высокую породу; наималѣйшія его поступки имѣютъ видъ благородства возбуждающаго почтеніе; онъ богатъ и великолѣпенъ. Оба они повелѣли дѣлать для себя съ великою тайностію то оружіе, кое намѣрены имѣть насебѣ во время ристанія; но я видѣлъ такое великолѣпіе, которое не дозволяетъ мнѣ сомнѣваться, что мало въ свѣтѣ людей ихъ превосходящихъ, особливо младшаго, коего называютъ Алфонзомъ. Онъ сказываетъ, что одно точію празднество привлѣкаетъ его въ сіи мѣста; но безмѣрное его желаніе, видѣть Ваше Высочебтво, глубокое почтеніе и удивленіе, съ коимъ говоритъ о томъ почти ежеминутно, побуждаютъ

меня думать, что вы имѣете гораздо больше участія въ его поѣздкѣ, нежели придворныя забавы.

Но Принцесса, сказала тогда Іустина, ему совсемъ не знакома, портреты несравненныя Нумераны, отвѣчалъ онъ, носимы были по всей подсолнечной, и невозможно, что бы Алфонзъ не видалъ одного изъ оныхъ, кажется, что свѣдомо ему сіяніе ея прелестей, и что пронесшейся слухъ положилъ въ немъ тому начало, что присутствіемъ своимъ онъ совершить желаетъ. Сей прелестный незнакомецъ, продолжалъ онъ, толь жестоко позабылся въ Гротѣ Діанинонъ, что потерялъ въ немъ невѣдомо какъ богатую записную книжку, въ коей находилось письмо весьма важное: я приказалъ искать оное весьма мало времяни спустя послѣ того; но не можно было найти, можетъ быть попалася она въ руки Ея Высочества, и причиною даннаго мнѣ повелѣнія.

Во время всего сего разговора Нумерана стояла съ потупленными глазами, не говоря ни слова, и казавшись терзаемою нѣкоторымъ безпокойствомъ; но наконецъ устремивъ оныя

на

на Ериха: Усердіе, которое ты мнѣ всегда показывалъ, сказала ему, увѣряетъ меня столько о твоей вѣрности, что не боюся я съ тобою изъясниться; и такъ, храбрый Ерихъ, признаюсь тебѣ, что у насъ въ рукахъ книжка сего чужестранца, котораго описалъ ты толь прекраснымъ: вотъ она, примолвила она, подавая ему оную, возврати ее ему: но берегись открыть ему когда нибудь, что дошла она до моего познанія, и здѣлай чтобъ могла я видѣть сего Альфонза не бывъ имъ видима. Ерихъ радуясь, что сіе любопытство согласовалося толь изрядно съ желаніемъ чужестранца, принесъ благодарность за ея довѣренность, клялся ей не здѣлаться николи того недостойнымъ; и несказавъ ей ничего обѣщаннаго имъ незнакомцамъ, просилъ ее только притти на другой день въ аллею находившуюся подлѣ Грота Діанина, откуда можетъ она слышать и видѣть чужестранца, не будучи имъ видима; что онъ введетъ его въ гротъ, и оставитъ тамъ на свободѣ разговаривать съ своимъ пріятелемъ, подъ видомъ, чтобъ итти навѣдаться, какой часъ

избрала она къ своему прогуливанію, дабы ихъ о томъ извѣстить.

Нумерена склонилась на то, и препоручивъ ему тайну, отпустила его отъ себя. Уже толь было поздно по пришествіи его домой, что не могъ онъ видѣть уже ушедшихъ въ покои свои Принцевъ; а сіе принудило его отложить до другаго дня возвращеніе записной книжки. Въ самомъ дѣлѣ Король Астурійскій не находя пріятнѣйшаго упражненія, какъ помышлять о Принцессѣ Аквитанской, заперся дабы предаться совершенно нѣжному сему воображенію, а Принцъ Сарацинскій, дабы писать дражайшей своей Алазиндѣ. Между тѣмъ какъ препровождали они нощь, одинъ въ спокойствіи, кое причиняетъ любовь удовольствованная, а другой въ движеніи страсти, коея жребій еще безъ извѣстенъ, прекрасная Нумерана препровождала оную съ неменшимъ безпокойствомъ. Она удержала при себѣ Іустину для прогнанія своея скуки; а сіе дѣлала она толь часто, что оно не могло казаться чрезвычайнымъ. Но что бы она себѣ ни воображала, дабы обратить разговоръ на постороннія

дѣла,

дѣла, однако обращалась всегда на чужестранца: учиненное о немъЕрихомъ описанiе безмѣрно ее поразило, писмо приходило непрестанно на мысль ея; и не взирая ни на что надлежало говорить точiю о семъ происшествiи. Iустина будучи жива и проницательна, примѣтила легко часть происходившаго въ ея сердцѣ; но зная, что сiя младая Принцесса была столькожъ разумна и воздержна, сколь любви достойна и прекрасна, дивилась скоропоспѣшной склонности, которую казалася имѣть къ такому человѣку, коего никогда не видала, и не могла удержаться, чтобъ не изъявить причиненнаго ей чрезъ то мученiя. Дражайшая моя Севина, отвѣчала ей Принцесса съ прiятною тихостiю, страхъ, въ коемъ кажешься ты быть, чтобъ я не заблудилася, столь совершенно доказываетъ мнѣ твое дружество, что была бы я виновна, естьлибъ не соотвѣтствовала тебѣ онымъ, открывъ наиважнѣйшую жизни моея тайну; многiя выгоды можетъ мнѣ принести сiя повѣренность, оправданiе движенiя моего сердца, услажденiе долговремяннаго безмолвiя, и

утѣшенiе

утѣшенїе подаваемое отъ такой прїятельницы, какова ты. Любезная Севина хотѣла говорить, дабы возблагодарить за ея милости; но Нумерана остановя ее: Дражайшая Іустина, сказала ей, оставь сїи пустыя умствованїи, и слушай меня; то, что намѣрена я тебѣ объявить гораздо важнѣе всѣхъ сихъ околичностей.

Ты знаешъ, что за полгода предъ симъ, продолжала она, приѣжжалъ къ здѣшнему двору славный живописецъ изъ Италїи; онъ списывалъ портретъ Герцога моего родителя и мой; но ты не вѣдаешь, что сей человѣкъ, имѣлъ портреты почти всѣхъ Европѣйскихъ Государей; я была столь любопытна, что хотѣла ихъ посмотрѣть: онъ показалъ мнѣ многія изъ оныхъ, въ коихъ не нашла я ничего довольно поразительнаго, дабы заслужить мое вниманїе. Видя меня толь разборчиву: я думаю Государыня, сказалъ онъ мнѣ, что етотъ будетъ достоинъ вашихъ взоровъ, и не претерпитъ судьбины другихъ. При сихъ словахъ придставилъ онъ мнѣ портретъ юнаго Героя, коего черты лица

лица подобїе иприятности вперили въ меня почтенїе и удивленїе. Я разсматривала оный долгое время; и не могши отвратить отъ него моихъ взоровъ, спросила у живописца о имени его подлинника. Ето Король Астурїйскїй, сказалъ онъ мнѣ, наи прекраснѣйшїй и мужественнѣйшїй Государь, каковаго не бывало во Ишпанїи. Сей младый Монархъ, продолжалъ онъ, имѣетъ портретъ Вашего Высочества, къ коему онъ толь ревнителенъ, что не хотѣлъ никогда дозволить мнѣ снять со онаго копїю; но дабы мнѣ воказать, что то произошло не изъ презрѣнїя къ моему знанїю, то дозволилъ онъ мнѣ написать ево портретъ и Принцессы Алазинды сестры ево. Между тѣмъ какъ живописецъ говорилъ, продолжала Нумерана, признаюсь тебѣ, что чувствовала я потаенное порадованїе о почтенїи, которое Фроила имѣлъ къ моей живописи, и что воспрїяла я къ нему подобное; но дабы скрыть отъ живопица движенїи моего сердца, спросила я его о портретѣ Принцессы Астурїйской. Онъ мнѣ показалъ оный: совершенное ея сходство съ своимъ братомъ

здѣлало

здѣлало меня къ ней въ ту минуту весма склонною; и не могши болѣе покинуть сей любви достойной четы, купила я ихъ у живописца запретивъ ему не говорить о томъ никому.

Онъ мнѣ то обѣщалъ, и содержалъ свое слово; и какъ поѣхалъ онъ нѣсколько дней спустя, дабы возвратиться въ свою отчизну, то дѣло сїе осталось въ невѣденїи. Между тѣмъ вѣчно прилѣпившись къ обѣимъ симъ портретамъ, препровождала въ разсматриванїи ихъ тѣ минуты, кои могла скрыть отъ окружающихъ меня. Сперва думала, что сердце мое склонялося къ сестрѣ, и что имѣла къ брату ея единственно то удивленїе, въ коемъ не можно отказать заслуживающимъ безпрекословно оное. Въ сихъ мысляхъ замкнула я портретъ Фроилинъ, и носила съ собою Алазандинъ; но увы! сказать ли мнѣ тебѣ то, дражайшая моя Іустина? взоръ онаго во мнѣ причинялъ точїю слабое и томное удовольствїе, напротивъ того не возводила я никогда глазъ на Короля Астурїйскаго не почувствовавъ себя возбужденною безмѣрною радостїю,

стїю, и крайнимъ желанїемъ ему понравиться, равно какъ онъ мнѣ полюбился; и видѣла съ несказаннымъ прискорбїемъ, что воспрїятое мною къ сестрѣ его дружество, долженствовало своимъ происхожденїемъ единственно той любви, которую начинала я чувствовать къ брату. Устрашившись смущенїю моего сердца, осудила я сїи оба портрета не видѣть болѣе свѣта, и поставила ихъ въ такомъ мѣстѣ, отъ куда не могла ихъ вынимать инако, какъ съ великою осторожностїю, надѣясь, что трудности изтребятъ во мнѣ помышленїи, и невидя ихъ больше возможно мнѣ будетъ восторжествовать надъ моею склоностїю: но ударъ уже былъ нанесенъ; Фроила гораздо внятнѣе, запечатлѣнный въ моемъ сердцѣ, нежели представленный на портретѣ, воображался непрестанно моимъ взорамъ съ новыми прїятностьми. Воображенїе мое шутствуя такъ сказать надъ усилїями моего разсудка, ссужало онаго еще оружїемъ, представляя мнѣ его стократно любви достойнѣе, нежели каковъ онъ есть, можетъ быть въ самой вещи,

нощїю ли, днемъ ли, пробудившись или въ объятїяхъ сна Фроила былъ единымъ предмѣтомъ всѣхъ моихъ мыслей. Тщетно для изгнанїя его изъ оныхъ говорила я себѣ повсяминутно, что не дозволено мнѣ сооружать желанїи, что особы моего достоинства долженствуютъ взирать на себя, какъ на жертвъ посвященныхъ государству, и не сомнѣваясь, что бы честолюбїе Герцога Аквитанскаго не довело его жертвовать мною своимъ прибыткамъ; почему и надлежитъ мнѣ соблюдать вольность мою въ склонности, дабы сердце мое въ состоянїи было послѣдовать моей руки, и покориться безъ отвращенїя своей должности; образъ Короля Астурїйскаго боролся совсѣми сими умствованїями съ такимъ усилїемъ, что разсудокъ, долгъ и послушанїе принуждены были ему уступать. Я препроводила два мѣсяца въ сихъ сердечныхъ движенїяхъ; и какъ сїе время только лишь умножило мою горячность, то перестала я одолѣвать оную. будучи увѣрена, что чинимыя мною старанїи къ побѣжденїю оныя только лишь ее усиливали, искала моея

отрады

отрады въ различныхъ моихъ упраженіяхъ: но дражайшая Іустина, чудись могуществу сей жестокой страсти. Всѣ забавы, кои я себѣ для прогнанія сей скуки избирала, по нещастію сопряженному съ моимъ рокомъ, имѣли съ тѣмъ соотвѣтствіе. Я хотѣла знать многія языки; Ишпанскому скоряе всѣхъ обучилась: однако не взирая на таковую ревность наложила я на себя вѣчное безмолвіе, не здѣлала никому повѣренности въ моихъ мученіяхъ, безпокойствахъ и слабостяхъ; и вознамѣрясь горячность мою покорить добродѣтели, не искала помощи въ опасномъ угожденіи наперстницы и почитая себя всегда повелительницею моего сердца, равно какъ и моея тайны, вмѣняла себѣ въ законъ, здѣлать оную непроницательною: я уже и начинала вкушать нѣсколько болѣе спокойствія, какъ произшествіе съ записною книжкою подало мнѣ знать, что Фроила сталъ мнѣ гораздо миляе прежняго. Письмо привело мнѣ его тотчасъ на умъ; думала его видѣть читая оное, или по малой мѣрѣ, что оно къ нему писано; само имя Алфонза

фонза не скрыло его отъ меня, ибо такъ назывался Король его родитель.

Я вообразила себѣ, что письмо было отъ Алазинды, нашедъ во ономъ слогъ сестры горячїя паче нежели любовницы; и какъ надлежитъ тебѣ наконецъ открыть всѣ мои слабости, то ласкалася я, что Фроила прiѣхалъ можетъ быть въ Аквитанiю препровождаемый тоюже самою склонностiю, которая заставляетъ меня любить его противъ моей воли. Сказанное намъ отъ Ериха подтвердило меня въ моихъ догадкахъ, и побудило просить увидѣть его не бывъ отъ него видимой. Вотъ, любезная Севина, вина моихъ безпокойствъ, моея задумчивости, и источникъ того любопытства, о коемъ ты по благоразумiю своему печалишься. Вѣдаю, что я столь же виновна любить Фроилу, сколько любить другаго; но по малой мѣрѣ сiя горячность не имѣетъ въ себѣ ничего могущаго заставить меня стыдиться. Онъ Король, не обязанъ ни съ кемъ клятвою, и сей союзъ есть дѣло не невозможное. И такъ не

къ незнакомцу, ниже по учиненному мнѣ описанiю, воспрiяла я склонности приведшiя тебя въ удивленiе; но по сходству изящныхъ качествъ сего Альфонза съ Королемъ Астурiйскимъ. Надобно чтобъ это былъ онъ, дражайшая моя Iустина, потому что всѣ гласы соединились обнародывать, что сей Государь наипрекраснѣйшiй мущина нашего вѣка; Ерихъ говоритъ тоже о чужестранцѣ, и не можно быть двоимъ заслуживающимъ равную похвалу.

Я столько удивляюсь всему тому, что ваше высочество мнѣ разсказываете, сказала тогда Iустина, что кажется мнѣ, будто во снѣ то вижу. Не дивлюся я той страсти, которую возмогъ вселить въ васъ Король Астурiйской, уразумѣваю еще лутче ту, которую долженъ имѣть къ вамъ сей Монархъ; но то побуждаетъ меня чудиться, что благоразумiе ваше подало вамъ толико способовъ, скрыть такъ вашу склонность, что никто не имѣлъ объ ней свѣденiя: между тѣмъ не взираю я на сiю страсть столь строгими глазами сколь вы; не нахожу

 ничего

ничего порочнаго для великой Принцессы, любить великаго Государя. Хотя особы вашего состоянія суть жертвы государства, однако сей резонъ не назначиваетъ васъ быть оною, и никогда союзъ не бывалъ столь приличенъ какъ сей. Остается намъ только узнать, подлинно ли сей Алфонзъ Фроила; но для чего бы скрываться сему Монарху? Какая причина могла бы ему воспрепятствовать дать о себѣ знать? или для чего не сватается онъ за васъ чрезъ своихъ пословъ?

Естьли то правда, отвѣчала Нумерана, что король Астурійскій воспріялъ нѣкое ко мнѣ почтенію по моему портрету, то не удивительно, что воспользовался онъ случаемъ ристанія, дабы узнать меня лучше. Портретъ не открываетъ нимало погрѣшностей своего подлинника: онъ хочетъ можетъ быть увѣриться въ моемъ нравѣ, прежде нежели о себѣ обьявить; и какъ чувствую я сіе любопытство въ себѣ въ разсужденіи ево, то не невозможно, чтобъ и онъ чувствовалъ въ себѣ таковоежъ. А естьли всѣ ваши догадки найдутся

ся правильными, примолвила Іустина, то что здѣлаете вы тогда? Не знаю, отвѣчала Принцесса, и въ семъ то случаѣ совѣты мнѣ будутъ потребны: подай мнѣ твои дражайшая моя Севина; сердце мое находится въ такомъ состояніи, коего не могу я изобразить; политика Герцогова заставляетъ меня трепетать; состояніе мое меня оскорбляетъ, а хитрости Менинины причиняютъ во мнѣ ужасъ: ей то особливо, любезная Іустина, надлежитъ намъ, недовѣряться; судьбина нещастныя Лавры Агенъ приходитъ мнѣ всегда на мысль, и не можно бояться женщины удобной толь подлыя измѣны, какова была Менинина противъ сей прекрасной дѣвицы.

Не спорю, отвѣчала младая Севина, что не можно взять довольно осторожности, дабы свободиться отъ злаго нрава сея Принцессы; но какъ въ семъ произшествіи не будете вы имѣть никакой съ нею распри, склонности ваши ей не извѣстны, и Король Астурійскій не имѣетъ желанія любить, какъ нещастный Ерихъ, то нѣчего вамъ

съ сей стороны бояться. Политика Герцога не должна равнымъ образомъ васъ безпокоить: онъ боится Сарациновъ; и по моему мнѣнію не можетъ найти лутчаго способа, остановить успѣхи ихъ въ Аквитаніи, какъ соединиться съ Королемъ, принудившимъ ихъ просить мира, и который въ состояніи привести ихъ въ трепетъ, естьли предпріимутъ они что нибудь противъ его тестя. Въ протчемъ бракъ, который сей Монархъ недавно Принцессою Алазиндою заключилъ съ Абдерамомъ, Генераломъ Сарацинскимъ и Губернаторомъ Ишпанскимъ во владѣяніи Мирамолина, подаетъ ему такую власть въ совѣтѣ Невѣрныхъ, что Герцогу нѣчего будетъ тогда опасаться; и такъ не вижу я, чтобъ могъ онъ вамъ избрать супруга пристойнѣйшаго его интерессамъ. Ты мнѣ льстишь, дражайшая моя Іустина, сказала Принцесса, ее обнимая, но тѣмъ мнѣ угождаешь; наружный видъ, который находишь моему щастію, удаляетъ съ пріятностію тѣ страхи, которыя подаетъ мнѣ будущее: между тѣмъ посмотримъ чужестранца,

странца, узнаемъ, Фроила ли онъ, и расположимъ надежду нашу и поступки потому что откроемъ. Такимъ то образомъ, Нумерана и ея любезная наперстница проговорили большую часть ночи. Король Астурїйскїй препроводилъ оную почти равномѣрно; и хотя не имѣлъ никого, комубъ говорить о Принцессѣ Аквитанской, однако образъ ея толь изрядно ему сотовариществовалъ, что всего представляемаго онымъ его воображенїю довольно было его увеселить.

Лишь только проглянулъ свѣтъ въ его покояхъ, какъ Ерихъ пошелъ къ нему, и представя ему записную его книжку сказалъ ему, что онъ былъ щастливѣе людей его; что ходилъ самъ въ садъ, и помощїю многихъ факеловъ нашелъ оную при входѣ въ Гротъ Дїанинъ. Мнимый Алфонзъ многократно благодарилъ за его старанїе, и снявъ съ пальца своего перстень алмазный великой цѣны, надѣлъ оный на руку Ерихову, прося его принять оный и хранить какъ знакъ его почтенїя. Надзиратель удивился нѣсколько сей живости; порода его не дозволяв-

 шая

шая принимать подарковъ отъ равныхъ себѣ, приводила его въ недоумѣнiе, какъ поступить при семъ случаѣ: однакожъ боясь обидѣть Алфонза отказомъ, естьли онъ высочайшаго достоинства, принялъ оный съ почтенiемъ, прося его воспомянуть, что прiемлетъ онъ его не инако какъ въ залогъ дружества. Какъ Абдерамъ вошелъ къ нимъ въ сiю минуту, то Фроила продложилъ ему ѣхать осмотрѣть всѣ красоты города Аквиты, достойнаго по справедливости любопытства чужестранныхъ своею древностiю. Какъ супругъ Алазиндинъ на то согласился, то Ерихъ хотѣлъ дать имъ колесницу; но они захотѣли лутче ѣхать верхами; а надзиратель имѣя исполнить нѣкоторую должность, препятствовавшую ему ихъ провожать, далъ имъ одного дворянина, дабы препроводить ихъ въ тѣ мѣста, куда они ѣхать желали.

Въ ту самую минуту, какъ они выѣжжали, захотѣлось Принцессѣ ѣхать молиться въ церковь построенную ею неподалеку отъ дворца Тутелы, древняго знака памяти язычниковъ, и изъ котораго

здѣлали

здѣлали они капище посвященное Вертумму и Помонѣ, богамъ садовъ и огородовъ. Для сей причины сѣла она въ свою колесницу съ Іустиною Севинъ безъ всякой чрезвычайной свиты. Сія церковь была внѣ города, равно какъ и дворецъ Тутела, и не въ дальнемъ отстояніи отъ рѣки. Колесница уже вышла изъ вратъ Аквитанскихъ, какъ лошади взбѣсясь понесли съ такою жестокостію, что збросили долой кучера болѣе нежели на сто шаговъ, и продолжая бѣшенство свое съ равномѣрною скоростію, хотѣли свергнуть колесницу въ воду, какъ Абдерамъ и Фроила, возвращающіеся отъ стариннаго дворца, поражены были симъ печальнымъ зрѣлищемъ. Принцесса отворила двѣрцы, и силилась вырваться изъ обьятій Іустины, дабы броситься на землю, и обѣ произносили крикъ самый болѣзненный. Принцы не колѣбались въ томъ, что надлежало имъ дѣлать: какъ любовь влекла Фроилу, то направилъ онъ коня своего къ той сторонѣ гдѣ была Принцесса, которая протягала ему руки, не зная сама что дѣлала, и

вытащивъ

вытащивъ ее изъ колесницы привелъ въ безопасность, между тѣмъ какъ Абдерамъ остріемъ своея сабли обрѣзавъ вожжи у лошадей, отдѣлилъ ихъ отъ колесницы, и принудилъ ихъ тѣмъ бѣжать однихъ и броситься въ рѣку Гарону; и разсуждая, что Принцесса была въ безопасности, предсталъ онъ предъ Іустину, которая блѣднѣя и трепеща отъ ужаса увидѣла опасность и помощь съ равнымъ удивленіемъ.

Абдерамъ сошелъ съ лошади, и подавая ей руку просилъ почтительно дозволить ему проводить ее во дворецъ Тутельскій, въ который увидѣлъ вошедшую Принцессу съ своимъ избавителемъ. Видъ величественный Абдерама ободрилъ младую Севину, и познавъ по оному, что онъ чужестранецъ, просила она у него прощенія, что не была еще въ состояніи, принесть ему благодарность, будучи въ крайнемъ безпокойствѣ о Нумеранѣ. Не бойся ни чего о ней, сударыня, отвѣтствовалъ ей храбрый Сарацинъ, она находится съ такимъ ковалеромъ, который потеряетъ скоряе жизнь свою, нежели оставитъ ее въ опасности: говоря

сіи

сїи слова помогалъ онъ ей выходить изъ колесницы. Въ самую ту минуту были они окружены людьми Принцессиными, и множествомъ народа вышедшаго изъ города на вспоможенїе Нумеранѣ: но Іустина обнадеживъ ихъ всѣхъ, повелѣла заложить другую колесницу, и привесть ко двору Тутельскому. Абдерамъ просилъ ее сѣсть на лошадь, но она отговорилась, потому что дорога была не далека. Дворянинъ Ериховъ взявъ за поводъ лошадь мнимаго Родрига, который подавъ руку Іустинѣ повелъ ее малыми шагами туда, гдѣ прекрасная Нумерана ее ожидала, дабы сообщить ей радость свою и удивленїе.

Въ самомъ дѣлѣ сїя отъ ужаса умирающая Принцесса, коей страхъ придалъ силы при взорѣ опасности, лишь только находилась въ рукахъ Фроилы, какъ упала въ обморокъ. Влюбленный Король Астурїйскїй не столько опечаленный слабостїю, коея вина ему была извѣстна, сколько плѣненный тѣмъ, что могъ свободно разсмотрѣть сїю удивленїя достоиную красоту, которая давно составляла причину его мученїй, и предмѣтъ

предмѣтъ всѣхъ желаенїй, предался совершенно сладчайшему удовольствїю, которое нечайный случай ему промыслилъ; и не помышляя чтобъ былъ кто другой въ свѣтѣ кромѣ Нумераны и ево, поворотилъ лошадь свою ко двору Тутельскому, дабы наслаждаться тамъ безъ свидѣтелей толь дражайшимъ взоромъ.

Сей старинный храмъ наполненъ былъ точїю весьма простымъ карауломъ, и дворникомъ, съ его семьею, кои не были люди довольно знатные, дабы принудить Фроилу къ какой нибудь осторожности; и не видя ничего ближе могущаго вывесть Принцессу изъ ужаса, проводилъ онъ ее туда. Лишь только онъ туда въѣхалъ, и готовъ былъ сойти съ лошади, какъ Нумерана получила паки свои чувства: но сколь велико было ея удивленїе, открывъ глаза, нашедъ себя въ объятїяхъ такого человѣка, коего черты во всегдашнемъ были у ней воображенїи? Удивленїе ея здѣлало ее безмолвною, и препятствовало противиться нѣжнымъ старанїямъ своего избавителя, который сошелъ съ лошади посреди всѣхъ водворцѣ нахо-

находившихся людей, кои узнавъ свою Принцессу, собрались для ея принятія. Фроила высадилъ ее на землю, и отведши въ покой спросилъ у ней съ почтительнымъ видомъ какъ она находится, и не дѣлаетъ ли ей присутствіе его принужденія.

Нѣтъ, Государь, сказала она ему покраснѣвъ, взоръ такого человѣка, коему должна я жизнію, не можетъ мнѣ быть тягостенъ, и изъ всего моего ужаса остается мнѣ только безпокойство узнать, что зделалося съ Іустиною Севинъ, которая была со мной, и какимъ образомъ могу я возблагодарить за сію важную услугу. Принцесса сидѣла на постелѣ поставленной для отдохновенія, Фроила стоялъ передъ нею, и какъ протчіе находились изъ почтенія въ довольномъ отъ нихъ отстояніи, дабы ихъ не слышать, то воспользовался онъ толь благопріятною минутою; и посмотрѣвъ на нее со всею любовію, коею онъ пылалъ: услуга, о коей вы говорите, отвѣчалъ ей, приноситъ награжденіе свое сама съ собою; безъ сей славной выгоды заслуживала бы она толь вы-

высокую цѣну, что бы боялся я быть не въ силахъ получить оную. Что касается до Госпожи, которую вы наимяновали, то признаюсь, что не знаю ея судьбины, и устремивъ взоры и все мое вниманіе на несравненную Принцессу Аквитанскую, все протчее здѣлалось для меня равнодушнымъ. Однако какъ кажется, что Небо защищаетъ тѣхъ, кои къ ней привязаны, то ласкаюсь, что послало оно на помощь ея одного Кавалера, товарища моего въ пути, который равно какъ и я былъ свидѣтелемъ вашего приключенія.

Нумерана готовилась ему отвѣчать, какъ показалась Іустина въ провожаніи Абдерама. Сія прекрасная дѣвица бросилась тотчасъ къ ногамъ Принцессинымъ, и цѣлуя съ жаромъ ея руку: и такъ, государыня, сказала ей, наслаждаюсь я еще удовольствіемъ васъ видѣть; чемъ должна я тому, который сохранилъ обожаемую Нумерану. Дражайшая моя Севина, сказала она ее обнимая, я не менѣе долженствую подавшему тебѣ помощь, но позабудемъ взаимные наши страхи,

и

и станемЪ помышлять только, какЪ возблагодарить по долгу нашему симЪ КавалерамЪ. При сихЪ словахЪ Іустина, которую усердіе и дружество кЪ НумеранѢ принуждали отвращать глаза отЪ тѢхЪ, кои сЪ нею были, обративЪ оныя на Короля Астурійскаго, была толь сильно поражена прелестьми его особы, что предавшись совершенно природному своему веселому нраву: я догадывалась, сказала сЪ нѢкоторою улыбкою, что нѢкому было кромѢ боговЪ вывесть насЪ изЪ опасности, которой мы были подвержены, и вы увидите, что ето тѢ удивительные незнакомцы, коихЪ прежде сего боготворили вЪ семЪ храмѢ.

Ето правда, отвѢтствовалЪ Фроила, покраснѢвЪ отЪ остроумной похвалы Іустининой, что божеству единому надлежало бы имѢть право приближиться кЪ толикимЪ красотамЪ. Но хотя мы и смертные, АльфонзЪ и я, сказалЪ тогда АбдерамЪ, поклонившись низко ПринцессѢ, однако блажимЪ на всегда сію минуту нашея жизни, потому, что она допустила насЪ спасти дни толь драгоцѢнные.

Кто бы вы ни были, сказала ему Нумерана, откланиваясь, однако пребудете вѣчно въ нашей памяти; а между тѣмъ отъ васъ точїю зависитъ, примолвила она, посмотрѣвъ на Фроилу, дать о себѣ знать лутче, и привесть меня въ состоянїе, не быть неблагодарною. Какъ услышали тогда въѣхавшїе на дворъ екипажи, то встала она окончавъ сїи слова, и подала руку Королю Астурїйскому; Абдерамъ взялъ Іустину за оную; а Монархъ желая воспользоваться всѣми минутами: дозволено ли мнѣ будетъ, сказалъ Принцессѣ, унизивъ свой голосъ, показываться иногда очамъ несравненныя Нумераны? не могу ли испросить свиданїя не столь многолюднаго, и незнаемый Альфонзъ отважится ли объявить вамъ тайну своея жизни.

Здѣланное теперь для меня незнаемымъ Альфонзомъ, отвѣчала она ему тѣмъ же голосомъ, не дозволяетъ мнѣ отказать ему въ толь маломъ удовольствїи; но требую отъ него, чтобъ подождалъ того до тѣхъ поръ, пока его увѣдомлю, и молю его ради имени

Прин-

Принцессы Алазинды не открываться никому кромѣ меня. О небо! вскричалъ онъ услышавъ имя своея сестры; обожаемая Принцесса, возможно ли, чтобъ щастливая Алазинда, и страстный Фроила!... Государь, преcѣкла нумерана, скрывай имена толь милые, и будь обнадеженъ, что Принцесса Аквитанская неслушала бы толь долго никого другаго кромѣ Короля Астурїйскаго. Она находилась толь близко отъ своей колесницы, говоря такимъ образомъ, и сѣла во оную толь поспѣшно, что сей Монархъ не могъ ей отвѣтствовать. Іустина сѣла подлѣ ее и обѣ поклонились своимъ избавителямъ, давъ имъ знакъ удалиться; и такъ принуждены они были оставить ихъ и ѣхать не изъясняясь болѣе. Когда колесница находилась въ нѣкоемъ отстоянїи отъ Принцевъ, тогда сѣли они паки на своихъ лошадей, и поскакали во весь опоръ къ Ериху, будучи въ нетерпѣливости разговаривать о приключенїи толь благопоспѣшномъ ихъ намѣренїямъ.

Что касается до Принцессы Аквитанской, то трудно изъяснить

 проис-

происходившее тогда въ душѣ ея: сладчайшее породованіе обладѣло оною, и глаза ея толь изрядно показывали удовольствіе ея серца, что Іустинѣ не нужно было спрашивать ее дабы отомъ извѣститься. Ну, сударыня, сказала она посмотрѣвъ на нее пристально, обманулася ли я, сказавъ вамъ, что самъ богъ вамъ подалъ помощь, и не самъ ли то былъ Купидонъ, коему долженствуете вы жизнію? Ахъ! дражайшая моя Іустина, отвѣчала она ей, сколь пріятно быть такимъ образомъ одолженной тѣмъ, ково любишь; но сколь удивительно найти его толь къ стати! ибо наконецъ ты безъ труда угадываешь, кто таковъ сей любезный чужестанецъ, и я думаю, что не нужно тебѣ подавать о немъ знать. Надобно мнѣ быть безъ чувства, отвѣчала Іустина смѣючись, чтобъ не видѣть Короля Астурійскаго въ мнимомъ Алфонзѣ, вы мнѣ толь изрядно его описали, что не могу я ошибиться; и видъ удовольствія, который я въ васъ видѣла послѣ случая лишившаго меня разсудка, не оставилъ мнѣ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Но,

Но, Принцесса, продолжала она съ обыкновенною своею веселостїю, когда Небо благоугождая вашимъ намѣренїямъ допустило васъ увидѣть Фроилу въ такое время, когда вы наименѣе всего надѣялись, и сїе приключенїе сократило множество между вами околичностей, то оставимъ на минуту то, что до васъ касается, и помыслимъ обо мнѣ. Сей Родригъ, примолвила она, который мнѣ вспомоществовалъ, сотоварищъ Короля Астурїйскаго, кажется мнѣ не недостойнымъ вашего вниманїя, и я думаю, что имя его такъ же подложное, какъ и Алфонзово. Не Король ли ето еще? видъ его, осанка, и станъ величественный подбуждаютъ меня думать, что онъ не подалеку отъ Престола. Ахъ боги! дражайшая Севина, отвѣчала Нумерана, не уже ли и твое сердце такъ слабо какъ мое, и сей незнакомецъ не ужé ли возмогъ похитить твою свободу? Нѣтъ, нѣтъ, пресѣкла съ торопостїю сїя прекрасная дѣвица, я не имѣю нималѣйшїя готовости его любить, имѣю много благодарности за то, что онъ для меня здѣлалъ; но оная такова же свой-

ства, какъ и та, коею подвигнута я къ Фриолѣ спасшему вашу жизнь; а что Родригъ во мнѣ возбуждаетъ, есть точїю одно любопытство.

Мы скоро о томъ извѣстимся, сказала ей Принцесса. Тогда разсказала она ей все произшедшее между ею и Королемъ Астурїйскимъ, и про наложенную отъ ней на него тайну. Я поступаю такъ, продолжала она, въ разсужденїи Менины: сїя Принцесса меня ненавидитъ, и я увѣрена, что не успѣетъ она провѣдать, что Король Астурїйскїй оказалъ мнѣ услугу и меня любитъ, какъ употребитъ всѣ свои силы, дабы ему вредить; и такъ хощу я, чтобъ скрывался онъ рачительно, и будучи надеженъ въ моемъ согласїи возвратился бы въ свои области, и прислалъ посла къ Герцогу моему родителю, который бы удобенъ былъ заключить бракъ нашъ съ такимъ таинствомъ, дабы дворъ не могъ о томъ прежде извѣститься, какъ тогда, когда не возможно ему будетъ разрушиться. Какъ Іустина похвалила сей поступокъ, то согласились онѣ сказать явно, что долженствовали онѣ жизнїю двумъ простымъ

стымЪ КавалерамЪ, кои по незапному случаю прилучились вЪ проѢздѢ ихЪ, не сомнѢваясь, чтобЪ сїе произшествїе не привело весь дворЪ вЪ движенїе.

ВЪ самомЪ дѢлѢ слухЪ пронесшїйся о томЪ во дворцѢ ГерцогскомЪ, причинилЪ во ономЪ печаль и смятенїе. ВсѢ господа повскакали на коней, а самЪ ГерцогЪ посреди сего шляхетства выѢхалЪ изЪ града на встрѢчу ПринцессѢ, которую нашли они вЪ готовности во оный вЪѢхать. Нумерана лишь только увидѢла Герцога своего родителя, какЪ хотѢла вытти изЪ своей колесницы; но онЪ воспрепятствовалЪ ей вЪ томЪ поздравя ее сЪ избѢжанїемЪ опасности и спрашивая ее, кому должна она была награжденїемЪ за таковую услугу. КакЪ приготовилася она уже кЪ сему вопросу, то тѢмЪ не смутилася, и отвѢтствовала не обинуясь, что то были двое мущинЪ, показавшїеся ей чужестранными, кои не хотя о себѢ дать знать, скрылись тотчасЪ, какЪ привели ее вЪ безопасность. ЕвдЪ казался весьма чувствительнымЪ кЪ сему одолженїю, и повторялЪ многократно,

гократно, что сожалѣетъ онъ о томъ, что принудили они его чрезъ то остаться неблагодарнымъ; но дѣло сіе осталося притомъ. Ерихъ, который былъ не послѣднїй изъ провождающихъ его, и не зналъ еще того участїя, кое свѣтлѣйшїе гости его имели въ семъ произшествїи, приближась ко Іустинѣ, между тѣмъ, какъ Герцогъ говорилъ Принцессѣ изъявилъ ей, сколь сїя вѣсть ему была чувствительна, и сожалѣлъ, что не провѣдалъ о томъ прежде, какъ тогда, когда помощь его имъ была не нужна. Нумерана услыша то, воззрѣла на него весьма ласково; и оборотясь къ нему, когда Герцогъ ее покинулъ: я тобою одолжена Ерихъ, сказала ему тихимъ голосомъ; но ты имѣешь въ произшедшемъ теперь болѣе участїя, нежели думаешь.

Колесница пустившаяся въ путь воспрепятствовала ей продолжать; и какъ Герцогъ съ своимъ дворомъ проводилъ Принцессу, то въѣхала она въ городъ какъ въ Трїумфѣ при восклицанїи обожавшаго ее народа. Всѣ госпожи ея двора вышли къ ней на встрѣчу, и прекрасная Нумерана

тронутая

тронутая любовїю, которую изъявляли ей радостїю возбужденною ея присутствїемъ, соотвѣтствовала тому множествомъ знаковъ ласковости и благоволенїя. Остатокъ того дня не говорили болѣе ни о чемъ иномъ при дворѣ Герцогскомъ; но какъ скоро Ерихъ могъ отстать отъ должности, къ коей обязанъ былъ по чину его у своего Государя, такъ скоро возвратился въ свой домъ, имѣя умъ преисполненный словами Принцессиными, дабы узнать, куда дѣвалися Алфонзъ и Родригъ. Сїи оба Принца будучи довольны симъ утромъ, возвратились поспѣшно въ свой покой, наказавъ прежде дворянину Ерихову не говорить ничего о томъ, что онъ видѣлъ, а сказывать всякому кто спроситъ, что онъ ихъ не знаетъ. Сїю тайну сохранить не трудно было; смятенїе было толь велико, что не разсматривали притомъ никого; и хотя видѣли двухъ Кавалеровъ ведущихъ Принцессу и Густину, однако не подозрѣвали нимало истинны; ибо иные считали ихъ ея свиты, другїе ихъ не знали, и всѣ вообще старалися токмо о

 скорости

скорости вспоможенія. Когда Фроила увидѣлся съ Абдерамомъ: дражайшій Принцъ, сказалъ ему, я наисчастливѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ, прелестная Нумерана меня знаетъ, уста ея наименовали Фроилу, а глаза ея удостовѣряли меня, что не безъизвѣстна ей моя любовь. Потомъ увѣдомилъ онъ его о томъ, чего требовала она отъ него ради имени Алазинды, и о удивленіи въ коемъ онъ былъ, увидя ее такимъ образомъ о всемъ извѣщенную.

Оба они искали долго, какимъ способомъ могла она проникнуть сію тайну; но не могши въ томъ успѣть, Король Астурійскій перестал тѣмъ безпокоиться, дабы предаться радости, которую подавала ему надежда, изъявить предъ ногами сея прекрасныя Принцессы безмѣрную свою любовь. Какъ пріятность и ласковость, кои видны были въ словахъ ея, ласкали его тѣмъ, что онъ не ненавидимъ, то не могъ умѣрить своихъ восхищеній предъ Абдерамомъ; но сей воинъ толь изрядно чувствовалъ власть любви увидѣвъ Алазинду, что не могъ не извинить жестокости оныя

въ

вѣ семѣ младомѣ Монархѣ; и Нумерана показалася ему толь достойною сего усердія, что не могѣ онѣ того предѣосудить. Напротивѣ того будучи увѣренѣ, что сей бракѣ составитѣ счастіе обоихѣ, согласовался со всѣми мыслями Фроилы, и поощрялѣ его поспѣшать своимѣ сѣ нею свиданіемѣ, дабы быть вѣ состояніи принять скорѣйшія мѣры прежде открытія кампаніи. Они находились еще вѣ сихѣ разговорахѣ, какѣ прибылѣ Ерихѣ, и приказалѣ у нихѣ спросить, можетѣ ли онѣ ихѣ видѣть. Когда Принцы повелѣли его о томѣ просить: вы мнѣ кажетеся довольно скокойными, Государи, сказалѣ онѣ имѣ, между тѣмѣ какѣ весь городѣ Аквита вѣ смятеніи отѣ страха, который имѣлѣ онѣ недавно потерять свою Принцессу. Онѣ хотѣлѣ продолжать; но Фроила рассудя, что не возможно ему скрывать отѣ него произшедшее не обидѣвѣ его, и что посредство его нужно ему будетѣ для принятія повелѣній Нумераниныхѣ, пресѣкѣ его, и бросивѣ ему руку на шею, разсказалѣ подробно все сѣ нимѣ случившееся, и о счастіи, которое имѣлѣ онѣ спасти

сти Принцессу; но всегда подъ именами Алфонза и Родрига, и не открывая ему ничего о потаенномъ своемъ съ нею разговорѣ. Между тѣмъ дражайшій мои Ерихъ, примолвилъ онъ, прекрасная Нумерана обѣщала мнѣ особенное свиданіе, и должна назначить мнѣ день и минуту, въ которую могу быть удостоенъ сея милости; но какъ не вѣдаетъ она, что ты меня знаешь, и что я жительство имѣю у тебя въ домѣ, то прошу тебя увѣдомить ее о томъ, и чтобъ вручила она тебѣ одному свои повелѣніи.

Ерихъ восхищенный радостію, услыша, что то былъ Алфонзъ, кому Принцесса долженствовала своею жизнію, казался отъ того быть внѣ себя, и признался ему, что желалъ онъ того во внутренности своего сердца, нѣкое потаенное предчувствованіе его въ томъ извѣщало, и слова Нумеранины почти его въ томъ удостовѣрили, почему и просилъ онъ положиться на него въ своемъ свиданіи, что постарается онъ допустить ее увидѣть сего же самаго дня; ибо Менинѣ надлежало пріѣхать на другой день, а Принцессѣ не можно уже столько имѣть вольности,

вольности, когда она при дворѢ, потому, что сія дѢвица наблюдала всѢ ея поступки съ крайнимъ стараніемъ, усердіе, съ коимъ Ерихъ употреблялъ себя для Фроилы, и нѢкоторыя пріятности привлекавшія къ нему сердца, многократно возбуждали его открыться ему совершенно; но боясь досадить НумеранѢ отъ того удержался, и возрѢвъ на него съ ласкою: великодушный Ерихъ, сказалъ ему, естьли бы не былъ я въ состояніи воздать за получаемыя мною отъ тебя одолженіи, то бы искалъ я выраженій могущихъ увѢрить тебя о моей благодарности; но будетъ время, когда самое дѢло докажетъ тебѢ лучше нежели слова мои.

Государь, отвѢчалъ ему Ерихъ, я столько увѢренъ въ томъ, что ты есть въ самомъ дѢлѢ, и все видимое мною столько увѢряетъ меня о величествѢ твоея породы, что почитаю себя надмѢру награжденнымъ тѢмъ, что могу тебѢ быть полезенъ. Такимъ образомъ разговаривали они часть дня; и какъ Алфонзъ и Родригъ хотѢли, чтобъ обѢдалъ онъ съ ними, то не оставилъ онъ

ихъ прежде, какъ въ то время, когда надлежало ему итти къ Нумерану. Какъ прогуливанiе въ саду нарушено было случившимся по утру произшествiемъ, то Принцы вознамѣрившiеся не казаться въ городѣ до дня конскаго ристанiя, просили Ериха, приходить къ нимъ во все то время, когда онъ дома, и упражнялись въ его отсутствiи въ приготовленiи всего того, что потребно имъ было, дабы появиться при празднествѣ.

Ерихъ, коего сердце снѣдаемо было потаенною печалiю, находя нѣкоторый родъ отрады въ движенiи, кое причиняла въ немъ довѣренность Алфонза и Принцессы, и чувствуя себя влекома склонностiю имъ услужить, былъ во дворцѣ Нумераниномъ въ намѣренiи въ томъ успѣть; онъ нашелъ ее посреди двора многочисленнаго, который говорилъ еще о утреннемъ приключенiи; онъ сталъ за ея креслами; и какъ нѣкто подошедъ къ нему, спрашивалъ, не можетъ ли открыть, кто были тѣ кои избавили Принцессу: что до того нужды, отвѣчалъ онъ, чтобъ ихъ узнать, здѣланнаго ими

не довольно ли привесть ихъ въ почтеніе? когда бы они были знаемы и видимы, то бы не могли надѣяться большихъ похвалъ и благодарностей, какія приписываютъ теперь ихъ не видя. Что касается до награжденія, то что можно имъ даровать уподобляющееся той славѣ что спасли они наипрекраснѣйшую въ свѣтѣ Принцессу? что до меня, то признаюсь, что естьлибъ я имѣлъ сіе щастіе, то бы скрывалъ оное найточнѣйше, боясь, чтобъ благодѣтельство, котороебъ восхотѣли мнѣ оказать, не уменшило важности моего поступка.

Сія мысль, сказала Принцесса, посмотрѣвъ на него, есть весьма нѣжна и достойна Ериха. Но, примолвила одна дама, не ты ли въ самомъ дѣлѣ тотъ, коему должны мы сею честію? нѣкто сказалъ мнѣ, что видѣлъ одного изъ твоихъ конюшихъ, идущаго подлѣ колесницы Принцессиной? Можетъ быть, отвѣчалъ Ерихъ не удивляясь; но клянусь тебѣ, что не узнаешь ты ни чего о томъ болѣе. Какъ бы то ни было, примолвила Нумерана, какъ не могла я узнать, кто это таковъ былъ,

то

что хощу быть тѣмъ тебѣ одолженною, и нахожусь въ готовности, изъявить тебѣ за то мою благодарность. Весь сей разговоръ происходилъ въ шуткахъ, а между тѣмъ то было всего забавнѣе, что большая часть двора остановила мнѣніе свое на надзирателѣ. Онъ не былъ во дворцѣ Герцогскомъ, когда пришла туда вѣдомость о произшествіи; онъ прибылъ туда уже долго спустя послѣ того, и когда сей Государь садился на лошадь; и всякъ воспомянувъ, что его не видали, возмнилъ, что то былъ онъ, и что учиненное имъ происходило дѣйствительно отъ того, дабы избѣжать награжденія, будучи при дворѣ самымъ безкорыстѣйшимъ человѣкомъ, и умѣя наилучшимъ образомъ оказывать услуги безъ притворства. Іустина Севинъ примѣтивъ, что сія мысль вкрадывалася не чуствительно во умы, утверждала оную множествомъ издѣвокъ. Принцесса притворилась такожде тому вѣрить, и такъ не было никого, ктобъ помышлялъ о томъ инако. Ерихъ возчувствуя, что то былъ надежный способъ, воспрепятствовать простираться

раться далѣе любопытству, поступилъ притомъ такимъ образомъ, что не признаваясь совершенно въ семъ дѣлѣ, не преминулъ однакожъ то утверждать.

Принцесса разсуждая, что поступалъ онъ такимъ образомъ въ ея угожденіе, имѣла къ нему столько благодарности, что вознамѣрилась воспріять прибѣжище свое къ нему въ свиданіи своемъ съ Фроилою. Какъ нужно было принимать великія осторожности, дабы содержать оное въ тайнѣ, а она не могла оставить окружавшихъ ее, дабы говорить съ Ерихомъ, не показавъ нѣкотораго притворства, то воспользовалась тою минутою, въ которую издѣвались надъ его скромностію, и увѣдомила Іустину о своихъ намѣреніяхъ. Сія прекрасная дѣвица, коей потребно было точію одно слово, дабы уразумѣть протчее, просила положиться на нее въ семъ важномъ производствѣ, и не имѣть нималѣйшаго безпокойства.

Надзиратель разсматривавшій ихъ, примѣтивъ, что разговариваютъ онѣ тихимъ голосомъ, догадываясь,

дываясь, что находятся въ томъ къ нему какія нибудь повелѣніи, отошелъ прочь какъ будто изъ почтенія, сталъ въ одномъ окошкѣ не имѣя съ собою никого, и притворился, будто читаетъ со вниманіемъ книжку, которую носилъ всегда съ собою.

Разговоръ Принцессы съ Іустиною не долго продолжался, и какъ игра была предложена, то Нумерана прибрала себѣ партію во оной; и когда всѣ начали во оной упражняться, тогда любезная Іустина, которая осталась отъ игры свободна, приближась къ Ериху: для чево ты не играешь? сказала ему громко, къ стати ли чтеніе и уединеніе въ такое время, когда всѣ забавляются? прекрасная Севина, отвѣчалъ онъ ей тѣмъ же голосомъ, я предпочитаю одну четверть часа твоихъ разговоровъ всѣмъ забавамъ въ свѣтѣ, и естьли хощешь меня тѣмъ удостоить, то увидишь меня весьма скоро покинувшаго и уединеніе и чтеніе. Охотно, отвѣтствовала она; я не могу ни въ чемъ отказать избавителю моей Принцессы.

Такъ исходатайствуй же ему, сказалъ онъ ей тотчасъ унизивъ свой голосъ, ту милость, чтобъ имѣлъ онъ тайное съ нею свиданїе; Менина возвратится скоро, станутъ за нами присматривать, и не возможно намъ будетъ успѣть въ томъ болѣе. Ты очень тороплив, сказала она ему смѣючись; но не имѣешь къ тому причины. Потомъ спрося его, можетъ ли онъ найти Алфонза, и какъ свѣдомо ему съ нимъ случившееся? онъ увѣдомилъ ее о томъ, и признался, что оба сїи чужестранца живутъ у него; хотя не могъ онъ дознаться, кто они таковы; но любовь Алфонза къ Принцессѣ толь видна, что не могъ онъ того не примѣтить, и потому разсуждаетъ, что онъ не можетъ быть кто иной, какъ какой нибудь великїй Государь. Іустина сказала ему, что догадки его справедливы, но не можетъ она совершенно открыть ему сея тайны, потому, что Нумерана предоставила для самой себя удовольствїе ввѣрить ему оную; но во ожиданїи обратила взоръ свой на него, дабы помочь ей въ семъ дѣлѣ. Послѣ чего размышля-

ли онѣ долго о способахъ, здѣлать свиданіе ихъ возможнымъ не подвергаясь никакой отваги. Онѣ предлагали оныя другъ другу, кои потомъ и отвергали; но наконецъ Іустина, послѣ многихъ разсужденій, нашла, что не было надежнѣйшаго средства какъ провесть Алфонза въ ея покой въ то время, когда Принцесса почиваетъ; она доведетъ до того, что женщины ея выдутъ всѣ вонъ, а Нумерана, долженствуя пройти туда токмо чрезъ одни переходы, отъ коихъ она одна имѣла ключь, можетъ туда войти безъ шуму; труднѣе всего было ввести туда Алфонза, потому что необдимо надлежало проходить ему по большой лестницѣ. Но, продолжала она, тебѣ надлежитъ расположить дѣло сіе такъ, чтобъ тебя не захватили, ты найдешь двѣрь комнаты моей съ сей стороны отворенну; есть ли я буду въ ней, то васъ приму, естьли же нѣтъ, то тамъ затворитесь, и меня пообождите. Ерихъ согласился на все, и обнадежилъ ее, что не будетъ имъ никакой встрѣчи. Потомъ взялъ онъ на себя исполненіе всего сего произ-

водства,

водства, а Іустина взялась увѣдомить о томъ Принцессу, и побудить ее на то согласиться; и подавъ еще другъ другу нужныя къ тому наставленіи, приближились онѣ паки къ собравшемуся тамъ обществу.

Игра продолжалась толь долгое время, что Ерихъ думая, что Нумерана не имѣла намѣренія прогуливаться, пошелъ къ Герцогу Аквитанскому, коего дворъ не менѣе былъ многолюденъ мущинами, какъ Принцессинъ женщинами. Онъ пробылъ тамъ до того времени, какъ сей государь пошелъ въ покои своея дщери со всею своею свитою; и смѣшавшись съ протчею толпою вышелъ вонъ, и пошелъ къ влюбленному Алфонзу, ожидавшему его съ такою нетерпѣливостію, коея ни радость ни надежда умѣрить не въ силахъ были.

Ерихъ усматривая изъ глазъ безпокойство его души, увѣдомилъ его тотчасъ о томъ, что предпріяли онѣ съ Іустиною Севинъ, и что произошло во дворцѣ Принцессиномъ. Итакъ, Государь, продолжалъ онъ усмѣхаясь, нахожу я себя обязаннымъ

заннымъ принимать всѣ похвалы, кои ты заслуживаешь, и незапный случай благопоспѣшествуя наималѣйшимъ твоимъ намѣрѣнiямъ, не доволенъ будучи, что услужилъ тебѣ подъ такимъ именемъ, коего ты въ самомъ дѣлѣ не имѣешь, допускаетъ еще тебя почитаться за Ериха, дабы тебѣ лучше сокрыться. Не можно даровать мнѣ превращенiя, которое бы было мнѣ прiятнѣе, отвѣчалъ ему Флоила; но любезный мой Ерихъ, дабы не краснѣлся ты почитаемъ быть за меня, то обѣщаю тебѣ испросить у прекрасной Нумераны дозволенiе, открыть тебѣ мою тайну. Естьлибъ не опасался я ей досадить, то бы не колебался доказать тебѣ, что Алфонзъ не совсемъ недостоинъ твоихъ старанiй: ето такое почтенiе, безъ коего я не могу обойтися; и естьли бы зналъ ты власть любви, и сколь должно щадить обожаемый нами предмѣтъ, то бы не почелъ страннымъ, что поступаю я такимъ образомъ.

Вѣдаю про то довольно, Государь, отвѣтствовалъ Ерихъ воздохнувши, будучи гораздо удаленъ отъ

отъ того, что бы досадывать за твою скромность, молю тебя не требовать ничего отъ Принцессы, могущаго быть ей въ тягость; одними точїю дѣйствїями моего усердїя хочу я привлечь къ себѣ ея и твою довѣренность. Абдерамъ вошедшїй въ сїю минуту присталъ къ ихъ разговору, и видя Короля Астурїйскаго въ готовности достигнуть до желаемаго имъ намѣренїя, поздравлялялъ его съ тѣмъ съ ласкою, и воззрѣвъ на него улыбнувшись: одинъ только я несчастливъ, сказалъ ему. Удаленный отъ всего того что люблю, дабы слѣдовать твоему року, принужденный скрываться безъ всякой другой надобности, кромѣ того, чтобъ тебѣ угодить, нахожу себя столь же бездѣльна въ Аквитѣ, сколь много ты находишь въ ней упражненїя. Естьли бы тебя здѣсь знали, отвѣчалъ ему мнимый Алфонзъ тѣмъ же голосомъ, то бы имѣлъ ты можетъ быть больше дѣла нежели я, и великодушный Ерихъ, будучи такого нрава, каковый я въ немъ позналъ, не былъ бы безъ смятенїя. Надзиратель сказалъ имъ, чтобъ

могли они его испытать, и что бы ласкался онъ исправить то съ честiю. Они разговаривали еще нѣсколько времени такимъ образомъ до ужина Принцевъ; Ерихъ не хотѣлъ остаться при ономъ, имѣя намѣренiе возвратиться во дворецъ, и находиться при заопочиванiи Герцога, дабы прiѣхать за Алфонзомъ, когда все будетъ спокойно.

Фроила, коего сердце и разумъ наполнены были точiю свиданiемъ, кушалъ весьма мало, и препроводилъ остатокъ вечера въ непрестанномъ безпокойствѣ. Нумерана не наслаждалася также совершеннѣйшимъ покоемъ. Iустина извѣстила ее о всемъ положенномъ ею намѣренiи съ Ерихомъ, и какъ сiя поступка встревожила ея стыдливость, то была она готова разрушить всѣ намѣренiи ея наперстницы; но сiя любезная дѣвица проницая въ сердцѣ ея происходящее сраженiе любви и добродѣтели, подала ей знать толь изрядно, что не дѣлаетъ она нималыя отваги снисходя на сiю милость противъ Короля Астурiйскаго, съ коимъ необходимость требовала расположить мѣры служащiя

къ общему ихъ благополучїю, что она на то согласилася.

На конецъ когда время сего свиданїя наступило, и всѣ изъ дворца вышли, тогда Ерихъ, имѣя во ономъ свою комнату, въ которой пребывалъ очень рѣдко, увѣдомивъ караулъ главнѣйшихъ вратъ, что онъ туда будетъ, поѣхалъ за Алфонзомъ, и приказавъ ему надѣть свою ливрею, провелъ его туда, принудивъ такимъ образомъ почесть его за своего служителя; и вошедъ безъ препоны въ комнату Іустинину, отворилъ двѣрь оныя, и не нашедъ въ ней никого, заперся во ожиданїи ея приходу.

Фроила снялъ съ себя тамъ то одѣянїе, которое прикрывало его собственное, коего великолѣпїе толь совершенно умножило природныя его прїятности, что Ерихъ взирая на него не могъ довольно насытиться. Лебезная Іустина появилась почти въ тотъ же часъ, и взявъ его за руку: поди государь, сказала ему, повѣрь себя твоему вождю; Нумерана не хощетъ притти сюда, и дозволяетъ мнѣ провесть тебя къ ней. Король Астурїйскїй былъ въ такомъ

 смя-

смятенїи, что послѣдовалъ за нею не отвѣчая ничего: почтительная робость овладѣла имъ такъ, что едва могъ итти; вся надежда, коею ласкалъ себя за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, его оставила. благодарность, говорилъ онъ самъ себѣ, а можетъ быть и любопытство суть единственныя движенїи побуждающїя ее меня видѣть; и когда узнаетъ она, что любовь наисильнѣйшая ведетъ меня ко стопамъ ея, тогда страстный Фроила претерпитъ судбину Хильпериковy. Сїя мысль препровождала его даже до самого кабинета Принцессина, которая вставши съ своихъ креселъ, лишь только увидѣла его вошедшаго, подошла для его принятїя. Но младый Монархъ предпочтя церемонїалу жестокость своего пламени, бросился тотчасъ предъ нею на колѣни; и посмотрѣвъ на нее такими глазами, въ коихъ радость, любовь и почтенїе совокупно сїяли. Такъ это правда, прекрасная Принцесса, сказалъ ей, что я наслаждаюсь существенно счастїемъ тебя видѣть, и могу извѣстить, тебя свободно о наисовершеннѣйшей страсти? Государь, отвѣчала она

ему

ему покраснѣвъ, и силясь его возстановить, кажется, что чинимая мною здѣсь поступка благопоспѣшествуетъ симъ рѣчамъ; но ты долженствуешь оною единственно моей благодарности, которая обязуетъ меня имѣть попеченіе о жизни того, кому должна я своею: какъ государи знаютъ всѣ другъ друга не видавшись, то портреты Фроилы и Алазинды подали мнѣ столько знать равно какъ и другимъ властителямъ, что не могла я въ томъ ошибиться. Но Государь, по оказанной тобою мнѣ услуги, должность моя требуетъ увѣдомить тебя о опасности, коей подвергаешься, есть-ли глаза другихъ будутъ стольже проницательны, сколь мои. будучи союзникъ Сарацинъ, нашихъ жесточайшихъ непріятелей, зачемъ пріѣхалъ Король Астурійскій въ Аквитанію, и чего не долженъ онъ боятьcя?

Я не боюсь здѣсь ничего иного, кромѣ твоея ненависти, пресѣкъ онъ, и не желаю ничего кромѣ твоего сердца. Такъ, Государыня, надобно, что бы Фроила либо умеръ либо получилъ прекрасную Нумерану;

ну; но хощу долженствовать ею единственно ей самой; и отъ ее признанія точію желаю получить ея клятву: вотъ что привело меня въ Аквитанію, и что меня въ ней удерживаетъ. Утверди мою любовь, подай твое согласіе на мое благоденствіе, и скоро послы мои предложатъ Евду Корону Астурійскую, для несравненной ея дщери, и миръ съ Мирамолиномъ. Поѣжжай же Государь, отвѣчала Нумерана съ пріятнымъ видомъ, поѣжжай съ удовольствіемъ, естьли то причиною твоея поѣздки. Принцесса Аквитанская можетъ ли найти во всей вселенной Государя достойнѣе свѣтлѣйшаго Фроилы?

Тогда то Король Астурійскій почелъ себя прямо благополучнымъ, будучи восхищенъ любовію и радостію при сихъ словахъ, не могъ произнесть больше ни единаго. Нѣжныя благодаренія, страстные взоры, и усугубленныя клятвы наисильнѣйшія горячности, были вдругъ употребляемы для изъясненія безмѣрнаго своего удоволствія. Сіе пріятное смятеніе удостовѣряя гораздо болѣе Нумерану о его склонностяхъ;

стяхъ; нежели рѣчи искусно сплѣтенныя, принудило ее, не взирая на всѣ ея предпрiятiи, показать ему часть своея чувствительности; и сiи знаменитыя любители, коихъ сходство нравовъ и незапный случай соединили прежде, нежели они другъ друга узнали, находя одинъ въ другомъ новыя прелести въ семъ прiятномъ разговорѣ, оковали себя въ сiю минуту толь жестокими узами, что ни отсутствiе, ни злополучiи, ни измѣны, ни жестокiя бѣдствiи, коими они въ послѣдствiи были гонимы, не могли никогда разорвать оныхъ.

Но между тѣмъ какъ минуты были драгоцѣнны, Нумерана давъ знать Фроилѣ страхъ причиняемый въ ней пребыванiемъ его въ Аквитѣ, молила его выѣхать оттуда какъ наискоряе, и поручить весьма вѣрному Министру старанiе о его бракѣ. Завистливая Менина, говорила она ему, боится болѣе короны на главѣ моей, нежели громоваго удара, который бы ее поразилъ; она лишь только увѣдаетъ о любви твоей и о моей горячности, то не будетъ имѣть покоя, пока не испровергнетъ

нашей

нашей надежды. Власть ея надъ Терцогомъ принудила его оставить Хильперика единственно по той причинѣ, что сей Принцъ меня полюбилъ: ненависть ея была для меня тогда неважна; но что здѣлается со мною увы! Естьли возчувствуешь ты дѣйствіи оныя? принудь Ериха разсказать тебѣ про его злоключеніи, тогда узнаешь, колико должно бояться свойства сея женщины. Король Астурійскій не такъ созданъ, чтобъ быть долго незнаемымъ; и естьли когда нибудь проникнетъ она тайну твоего пребыванія, то не сомнѣвайся, Государь, что погубишь ты меня невозвратно.

Фроила обнадеживалъ ее, сколько ему возможно было, обѣщевая ей выѣхать, сколь скоро ристаніе кончится. Принцесса молила его не ожидать сего увеселенія, потому что Менина будетъ онаго свидѣтельницею, и удобнѣе можетъ обоихъ ихъ изслѣдывать; но всѣ ея прошеніи были напрасны. Пабѣдитель, говорилъ онъ ей, долженъ получить награду отъ руки твоей: ревнуя сей выгодѣ, не уступлю того всей вселенной противу меня ополчившейся.

Любви

Любви достойнная Іустина, коей Принцесса приказала приближиться, дабы слышать сей разговоръ, присоединясь къ Королю Астурійскому, дабы похвалить сіе намѣреніе, побудила ее наконецъ согласиться на его желаніе, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ выѣхалъ онъ ни минуты послѣ того не медля: потомъ просила его сказать ей, кто его провождалъ въ пути его: онъ увѣдомилъ ее о томъ, выхваляя ей сего Принца, Что! вскричала шутливо Іустина, и такъ мы посреди всѣхъ нашихъ непріятелей? и сему то славному Абдераму, сему страшному Сарацинскому предводителю долженствую я жизнію? Такъ, прекрасная Севина, сказалъ ей Фроила смѣясь ея разсужденію; но дабы избавить тебя отъ ужаса, которой возбуждаетъ въ тебѣ всѣ сіи титлы, то взирай на него не инако какъ на супруга Алазиндина.

Сіе то одно меня и удостовѣряетъ, государь, отвѣчала она съ пріятностію; а безъ того бы вся благодарность, коею я ему долженствую, не могла мнѣ воспрепятствовать трепетать отъ его взора.

Король Астурійскій воспользовался симъ случаемъ, дабы навѣдаться какъ Нумерана узнала его имя; сія прекрасная Принцесса призналася ему въ томъ, что ввѣрила она Іустинѣ, не скрывая отъ него ничего кромѣ безмѣрныя къ нему горячности, и открыла ему произшествіе съ записною книжкою, прося его не досадовать на Ериха за его скромность, и отдать ему всю свою довѣренность. Онъ ее заслуживаетъ, примолвила она, но боюсь, чтобъ не возъимѣлъ онъ столько же ужаса, сколько Іустина, когда узнаетъ Абдерама. Король Астурійскій спросилъ о изъясненіи сихъ словъ; но Нумерана сказала ему, что она желаетъ, дабы повѣсть Ерихова истолковала ему оныя. Между тѣмъ ночи уже прошло довольно много, а сіи нѣжныя любители не помышляли разлучиться. Но когда Іустина напомнила имъ, что Ерихъ стоитъ на часахъ въ ея покоѣ, и что пора его смѣнить, тогда принуждены онѣ были проститься. Сія минута показалася ужасною обоимъ. Хотя Фроила ласкалъ себя, что нѣчего ему будетъ бояться въ послѣдствіи

вїй сего союза, и Нумерана была увѣрена, что оный былъ ей надмѣру выгоденъ; дабы Герцогъ Аквитанскїй въ томъ отказалъ, однако зловредныя предчувствованїи не преминули овладѣть въ сїю минуту ихъ сердцами. Смертельная печаль объяла Короля Астурїйскаго, который бросясь къ ногамъ Принцессинымъ, просилъ ее многажды клястьсся предъ нимъ, что не будетъ она ничья кромѣ ево; а Нумерана показывающая до того точїю слабую часть страсти, которую имѣла къ сему любви достойному Монарху, не могла удержаться, чтобъ не изъявить ему оной избыточествомъ слезъ своихъ и чинимыми ему прозбами, дабы быть ей всегда вѣрнымъ.

Сама младая Севина почувствовала себя обремененну жестокою печалїю, и сїе свиданїе, коего начало было толь прїятно, кончилось со всѣми знаками отчаянїя. Но наконецъ, поощряя другъ друга къ преодолѣнїю того мученїя, кое терпѣли разлучаясь, и обѣщавъ другъ друга любить вѣчно; Іустина вытащила, такъ сказать, Фроилу

изъ своего покоя ; и отдавъ его на руки Ериху, возвратилась къ Нумеранѣ, которую утѣшала, сколько возможно было, и принудила лечь на постелю. Ерихъ имѣвшій довольно времени подумать, какимъ образомъ вывесть Альфонза, повелъ его новыми закоулками, отъ куда безъ всякаго приключенія прибыли они въ звѣринецъ Принцессинъ, и прошедъ садъ Діанинъ возвратились въ домъ къ надзирателю въ безопасности.

Они нашли мнимаго Родрига въ крайнемъ безпокойствѣ, и со всемъ въ готовности выѣхать, дабы узнать, куда они дѣвалися. Присутствіе ихъ его удостовѣрило. И когда великодушный Ерихъ вышелъ вонъ, тогда Фроила далъ отчетъ въ своихъ поступкахъ генералу Сарацинскому. Но Абдерамъ примѣчая видъ задумчивости посреди самихъ восхищеній, съ коими превозносилъ свое счастіе, спросилъ немедлѣнно о причинѣ оныя. Я не могу тебѣ того изъяснить, отвѣчалъ ему печально влюбленный Фроила ; но признаюсь тебѣ, что чувствую точію радость несовершенную, люблю

блю съ сильнѣйшимъ жаромъ наипрекраснѣйшую въ свѣтѣ Принцессу : вижу съ непостижимымъ удовольствїемъ, что ею любимъ, и что само Небо допустило насъ родиться другъ для друга , посредствомъ приключенїй , кои благопоспѣшествали нашей любови ; однако потаенное нѣкое безпокойство , коимъ я обладать не въ силахъ , напояетъ ядомъ всѣ мои мысли ; и стократно болѣе имѣю боязни потерять Нумерану съ того времяни , какъ позналъ ея склонности , нежели имѣлъ онаго прежде какъ ее видѣлъ.

Да кто же можетъ у тебя ее похитить , сказалъ ему Абдерамъ? какой Государь можетъ одержать верхъ надъ тобою , и какой союзъ можетъ быть достославнѣе Герцогу Аквитанскому ? ты желалъ точїю понравиться Нумеранѣ : она тебя любитъ , ты удостовѣренъ въ ея сердцѣ и согласїи ; и такъ перестань сокрушаться , и не воображай себѣ новыхъ злополучїй во время настоящаго благосостоянїя. Вѣдаю , что свойственно прямымъ страстямъ, мѣшать всегда страхъ съ надеждою ; я возчувствовалъ всѣ

сїи движенїи прежде нежели отдалЪ ты мнѢ дражайшую мою Аламинду; но есть случаи, вЪ кои разуму довлѢетЪ восторжествовать, надЪ таковыми слабостьми. АхЪ! дражайшїй мой АбдерамЪ, отвѢтствовалЪ ему Фроила, сколь легко подавать сїи наставленїи, когда кто спокойно обладаетЪ тѢмЪ что любитЪ! увы! чего могЪ ты опасаться? Принцесса Астурїйская отдавала справедливость твоему достоинству; дружество твое было для меня драгоцѢнно, я бы купилЪ его всею моею кровїю, естьлибЪ то было потребно. ИтакЪ могЪ ли же я противоборствовать твоему благополучїю? Но сколь ГерцогЪ Аквитанскїй удаленЪ отЪ сихЪ склонностей, и сколь государи равно какЪ и другїе люди помышляютЪ различно другЪ отЪ друга!

АбдерамЪ не позабывЪ ничего того, что почиталЪ удобнымЪ возбудить вЪ немЪ надежду, и воспользуясь приобрѢтенною имЪ надЪ сердцемЪ его властїю, принудилЪ его изтребить изЪ онаго печальныя воображенїи, и искать вЪ объятїяхЪ сна того спокойствїя, коего не вкушалЪ

шалъ онъ еще во все время пребыванія его въ Аквитаніи; но какъ ни старался онъ предаться оному, однако не могъ затворить рѣсницъ своихъ во всю нощь: прекрасная Нумерана имѣла тѣже движеніи, и препроводила оную разговаривая съ Іустиною о любви и прелестяхъ Короля Астурійскаго.

Когда наступилъ день у сего Монарха, тогда приказалъ онъ позвать Ериха, дабы изъявить ему, сколь былъ онъ чувствителенъ къ учиненному имъ для него, и просить его не медлить болѣе повѣствованіемъ его приключеній, къ коимъ Принцесса возбудила въ немъ безмѣрное любопытство; но какъ слова, въ коихъ касалася она до Абдерама, побудили его опасаться, чтобъ не отдумалъ онъ ихъ увѣдомить, естьлибъ узналъ ихъ прежде своего повѣствованія, то вознамѣрились они не открываться ему прежде онаго. И такъ лишь только онъ появился, какъ Абдерамъ и Фроила изъявивъ ему новыя знаки дружества, принуждали его ихъ удовольствовать. Ерихъ искавши точію случаевъ, имъ угодить, и могшій расположить по

своей волѣ сїю матерїю, повелѣвъ, чтобъ никто не пришелъ нарушить ихъ бесѣды, и чтобъ сказывали каждому къ нему приходящему, что ево нѣтъ дома, сѣлъ насупротивъ Принцевъ, и началъ повѣствованїе свое слѣдующимъ образомъ:

XXXI. НОВОСТЬ.

ПОВѢСТЬ О ЕРИХѢ ДЕ МОНТОБАНѢ.

Хотя и не благопристойно, государь, сказалъ онъ посмотрѣвъ на Фроилу, говорить о себѣ самомъ съ похвалою; однако необходимость, въ коей нахожусь, разсказать вамъ мои приключенїи, принуждаетъ меня вытти изъ предѣловъ благочинїя, дабы не скрыть отъ васъ ничего до меня касающагося. Я имѣю честь происходить отъ древней благородной Аквитанской фамилїи; Албертъ де Монтобанъ родитель мой, знатнѣйшїй паче услугами оказанными имъ своимъ государямъ, нежели своею породою, не имѣя дѣтей кромѣ

мѣ меня, не жалѣлъ ничего, дабы здѣлать меня достойнымъ своея крови; и какъ былъ увѣренъ, что дворъ есть удобнѣйщее мѣсто, дабы здѣлать человѣка знатнымъ, то отдалъ меня ко оному съ самаго моего младолѣтства. Супруга Реингольда д' Агенъ родила сына въ то самое время какъ я произошелъ на свѣтъ: родитель мой и онъ были искренніе друзья; и господинъ д' Агенъ, который до того имѣлъ точїю дочерей отъ своего брака, радуясь, что увидѣлъ у себя сына, и желая здѣлать вѣчною дружбу въ нашихъ фамиліяхъ, предложилъ отцу моему воспитать насъ вмѣстѣ; на что онъ съ радостїю и склонился. И такъ Агеноръ (имя сына Реингольдова) былъ воспитанъ со мною. Обое мы будучи однихъ лѣтъ, и почти родившись въ одну минуту, свели между собою безпредѣльное дружество, потому что сердца наши соотвѣтствовали намѣреніямъ нашихъ родителей. Мать Агенорова дала ему женщину и мамку во время первыхъ его лѣтъ, а я имѣлъ такожде своихъ; но когда повелѣли намъ оставить дѣтское

ское одѣяніе, тогда имѣли мы обоє точію одного дядьку, однихъ учителей и однихъ служителей, выключая мамки Агеноровой, которая не хотѣла николи ево покинуть, и которую любилъ онъ толь совершенно, что не дозволялъ никому кромѣ ей служить себѣ и въ такихъ случаяхъ, въ коихъ потребны точію служители. Какъ она была женщина разумная и достойная, то господинъ д' Агенъ не противился тому, чтобъ ее у него оставить; потому что супруга его требовала въ разсужденіи того, что терпѣла она отъ него въ то время, когда раждала ему дочерей. Ибо, государь, надобно вамъ сказать, что Реинголъдъ, былъ столько несправедливъ, что требовалъ отъ жены своей отвѣта въ раждаемыхъ ею дѣтяхъ, воспріялъ къ ней толь сильную ненависть, что когда увидѣлъ ее беремѣнною въ одиннатцатый разъ, тогда клялся ей, что естьли родитъ ему еще дочь, то повелитъ ихъ умертвить обѣихъ: но какъ гнѣвъ его и бѣдственная клятва осталися безъ дѣйствія рожденіемъ Агенора то не

не позабылЪ онЪ ничего, дабы загладить худую поступку оказанную имЪ добродѢтельной своей супругѢ, и думалЪ, что не можетЪ менѢе того здѢлать, какЪ исполнить ея прозьбу вЪ разсужденіи мамки своего сына, видя вЪ протчемЪ, что сіе младое дитя не могло разлучиться сЪ нею безЪ великія печали. АгенорЪ заслуживалЪ то, чтобЪ дѢлали ему великія угожденіи; ето было наипрекраснѢйшее вЪ свѢтѢ дитя, и присоединялЪ кЪ наружнымЪ пріятностямЪ всѢ изящныя дарованіи, коихЪ желать можно, дабы здѢлать тварь совершенною.

КакЪ дружество наше возрастало купно сЪ нами, то здѢлалися мы неразлучными, и имѢли толь сильное желаніе другЪ другу нравиться, что успѢхи производимые нами во всемЪ томЪ, чему насЪ обучали, были менѢе для того что бы удовольствовать нашихЪ учителей, нежели здѢлаться достойными другЪ друга. АлбертЪ и РеингольдЪ не могли чувствовать довольно радости видя между нами толь нѢжный союзЪ, а наша превосходила еще оную тѢмЪ удовольствіемЪ, кое мы

чувствовали отъ утвержденія сихъ узъ. Между тѣмъ нравы наши были весьма различны, и склонности наши довольно противны: Агеноръ былъ холоденъ, ревностенъ и умѣренъ; великая кротость провождала всѣ его поступки; онъ доводилъ оную толь далеко, что иногда надъ нимъ и смѣялись; и какъ былъ онъ по справедливости надмѣру прекрасенъ для мущины, то слыхалъ онъ часто, что природа ошиблася его сооружая, ибо черты лица его и цѣломудріе приличествовали паче женщинѣ нежели мущинѣ: но онъ присоединялъ ко онымъ толь мужественную храбрость, душу толь великую и толико проворства во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, что не можно было ничемъ его укорять кромѣ безприкладной его красоты.

Что до меня, то будучи нрава безмѣрно горячаго, нѣжнаго и ласковаго, побуждающаго изъявлять съ жаромъ ненависть мою или почтеніе, жаловался я точію на холодность Агенорову, который любя меня столько, сколько я его любилъ, казалось будто опасался подавать

вать мнѣ тому опыты, и удостовѣрялъ меня всегда о своемъ дружествѣ не инако какъ съ умѣренностїю въ отчаянїе меня приводившею. Однако надобно мнѣ признаться вамъ, что нравился онъ мнѣ таковымъ, каковъ онъ былъ; я не желалъ, чтобъ былъ онъ инаковъ; и никто изъ молодыхъ людей нашихъ лѣтъ, какого бы они достоинства ни были, не имѣли такого искуства какъ онъ возбудить во мнѣ желанїе, притти къ нимъ въ любовь. безпечность и холодность Агеноровы имѣли въ себѣ прелести трогающїя мое сердце, и подавали оному охоту преодолѣвать ихъ, коею я обладать былъ не въ силахъ. Вотъ какимъ образомъ препровождали мы время назначенное къ наученїю и къ тѣлеснымъ упражненїямъ для людей нашего состоянїя; но достигши пятнатцати лѣтняго возраста, когда разумъ и рѣдкїя дарованїи Агеноровы прибавили къ дружеству моему удивленїе, въ коемъ ему отказать не можно было, то взиралъ я на него не инако какъ на основательнаго друга, коего надлежало мнѣ удостоиться, подража

жая его добродѣтелямъ; и естьли имѣю я въ себѣ между равными со мною нѣчто хвалы достойное, то долженствую я тѣмъ единственно наставленiямъ, совѣтамъ и примѣру дражайшаго моего Агенора. Между тѣмъ родители наши нашедъ насъ удобными вступить въ свѣтъ, опредѣлили насъ къ Герцогу Аквитанскому Пажами.

Принцесса Нумерана сiяла тьмою прелестей, а Менина будучи старѣе ей, перьвенствовала тамъ тою властiю, которую начинала брать надъ сердцемъ Евдовымъ; и какъ политика руководствуетъ почти всегда поступками придворныхъ, то господа д' Агенъ и Монтобанъ приказали намъ прилѣпляться къ ней наиболѣе. Мы повиновалися тогда безъ малѣйшаго труда; но когда свойство сея женщины глазамъ нашимъ открылося, тогда сердца наши прилѣпилися къ Нумеранѣ, коея благоразумiе и тихость влекли насъ къ ней гораздо сильняе, нежели притворства и ласки Менинины· Агеноръ показавшись при дворѣ привлекъ на себя удивленiе всеобщее: меня также по благосклонности отмѣн-

отмѣннымъ почтили вниманіемъ; но къ нещастію моему случилося такъ, что Менина нашла меня любви достойнѣе Агенора. Красота его могшая сравняться съ красотою сея Принцессы, внушила въ ней къ нему точію ненависть и презреніе, послѣдуемыя ревности возбужденныя желаніемъ, и побудила ее бросать на меня взоры надмѣру благопріятныя; и не довольствуяся властію своею надъ Государемъ, хотѣла еще простерть оную на вѣрнѣйшаго изъ его подданныхъ: но какъ надлежало ей скрывать таковыя чувствія, дабы соблюсти склонность вліянную ею въ Герцога, то таила она толь изрядно страсть ее пожиравщую долгое время, что Агеноръ одинъ изъ всего двора примѣтилъ оную: онъ стыдился оной за нее; и боясь, чтобъ не предался я такой любви, которая бы меня погубила, вознамѣрился отомъ меня увѣдомить.

Что касалося до меня, единственно прилѣпившагося къ моей должности, то имѣя сердце наполненное дружествомъ къ Агенору, и не воображая себѣ еще, чтобъ были нѣж-

нѣжнѣйшія движеніи, жилъ я въ спокоиствіи тѣмъ величайшемъ, что приписывая угождеңіи Менинины единственно простому почтенію, радовался потаенно такой милости, которая могла мнѣ снискать и Герцогскую: сіе разсужденіе утверждаемо было честолюбіемъ простительнымъ моимъ лѣтамъ, и благодарностію, коею чаялъ я долженствовать Менинѣ; угожденіи мои и почтеніе питали безъ вѣдома моего такое пламя, кое разумъ и честь гасить долженствовали. Агеноръ, коего потаенныя причины дѣлали незнающимъ, какимъ образомъ открыть мнѣ свое безпокойство, препроводилъ многіе дни къ тому намѣряясь; и какъ сіе недоумѣніе возбудило въ немъ болѣе обыкновеннаго печали и задумчивости, то я безмѣрно отомъ соболѣзновалъ. Дражайшіи мой Агеноръ, сказалъ я подошедъ къ нему, ты кажешься мнѣ за нѣсколько времени толь противъ меня охладѣвшимъ, что я умираю отъ скуки? не здѣлалъ ли я или не выговорилъ ли чего тебѣ неправнаго, или не уже ли я столь нещасливъ, что снискалъ ты себѣ друга лучше Ериха?

Любезный

Любезный братъ, отвѣчалъ онъ мнѣ (ибо такъ мы часто другъ друга называли) сколь худо ты меня узналъ, бывъ всегда со мною вмѣстѣ, естьли почитаешь меня удобнымъ къ перемѣнѣ; я не отрицаюся имѣть склонность къ такимъ людямъ, кои того достойны; но оная нимало не вредитъ тому дружеству, которое я къ тебѣ имѣю; да и предмѣты онаго суть весьма различны, потому что я чувствую себя склоннымъ точїю къ дамамъ, и нѣтъ въ свѣтѣ такого мущины, котораго бы могъ я любить болѣе Ериха. Не могу, государь, изъяснить тебѣ удовольствїя, причиненнаго во мнѣ сими словами: я имѣлъ нѣкоторый родъ горячности къ Агенору, которая побуждала меня ревновать тѣмъ склонностямъ, кои могъ онъ имѣть къ другому; но сїя ревность была нѣжна и происходила отъ сердца и желанїя, быть почтену однимъ титуломъ его друга. Я благодарилъ его, что обнадежилъ онъ меня въ томъ съ нова; и дабы соотвѣтствовать ему, какъ я и подлинно то чувствовалъ, то клялся я ему, что владычествовалъ онъ

одинЪ надЪ моею душею, что не имѣю я ни кЪ кому почтенія и дружбы имЪ вЪ меня вперенныхЪ, и что онЪ пріуготовилЪ сердце мое кЪ тому, что называется любовію, которую знаю я точію по имени, и я думаю, сказалЪ я ему, что дабы здѣлаться мнѣ чувствительнымЪ; надобно чтобы женьщина походила на дражайшаго моего Агенора.

Менина, сказалЪ онЪ посмотрѣвЪ на меня, быстро, со всемЪ отличнаго отЪ меня нравомЪ: да я и не имѣю кЪ ней, отвѣчалЪ я необинуясь, ни чего кромѣ почтенія должнаго ея состоянію. Остерегайся, ЕрихЪ, отвѣчалЪ онЪ, остерегайся; холодность, коею ты меня толь часто укоряешь, подаетЪ мнѣ время дѣлать ревностныя разсужденіи о всемЪ мною видимомЪ; участіе пріемлемое мною вЪ твоемЪ благополучіи, просвѣщаетЪ меня во всемЪ до тебя касающемся болѣе нежели тебя самаго, и побуждаетЪ меня бояться, чтобы не впалЪ ты вЪ пропасть, думая избѣжать оной. Менина взираетЪ на тебя такими глазами, кои заставляютЪ меня трепетать: задумчивость моя происходитЪ единственно отЪ

затруд-

затрудненія, кое чувствовалъ я тебѣ оное внушая; но понеже признаешься ты мнѣ откровенно, что не знаешь любви, то научись убѣгать оной во взорахъ сея Принцессы; такіе учители надмѣру для тебя опасны. Я не болѣе твоего въ семъ искусенъ; но какъ обращаюся я чаще съ женщинами Принцессы Нумераны, то благоразуміе ихъ побудило меня здѣлать наблюденіи о разности поступокъ Менины и дщери Евдовой, кои здѣлали меня гораздо ясновидущѣе. Достоинства твои, Ерихъ, продолжалъ онъ, причинятъ тебѣ множество злоключеній, естьли Герцогъ примѣтитъ безпорядокъ, который произвели онѣ въ сердцѣ сея Принцессы.

Сіи слова такъ меня удивили, что не могъ я тотчасъ на оныя отвѣтствовать; и какъ имѣвшее мною мнѣніе о разумѣ Агеноровомъ, побудило меня думать, что не могъ онъ обмануться; то воспомянулъ я о множествѣ дѣлъ, происходившихъ между Мениною и мною, на кои я не употреблялъ до того нималѣйшаго вниманія, и кои приводили меня въ трепетъ. Наконецъ пришедъ

въ себя, далъ я знать благоразумному Агенору, сколь много чувствовалъ я его увѣщаніи; и доказавъ ему мою невинность, не скрылъ отъ него, что открытіи учиненныя имъ мнѣ, возбудили во мнѣ толь великое презрѣніе къ Мениннѣ, что хотѣлъ убѣгать отъ ней съ толикимъ же стараніемъ, колико былъ я къ ней прилѣпленъ. Не притворствуй ни въ чемъ, любезный братъ, отвѣчалъ Агеноръ; но избѣгай излишней вольности; раздѣляй твои услуги, будь иногда участникомъ въ забавахъ Нумераниныхъ: прелести сея прекрасныя Принцессы не менѣе опасны какъ и Менинины; но умѣренность ея и добродѣтель умѣютъ толь изрядно приводить себя въ почтеніе, что возбуждаютъ точію склонности ея достойныя.

Я обѣщалъ ему то, и отъ сего дня началъ оказывать мое почтеніе Принцессѣ. Услужливость моя, казалось, что ей не ненравилась: она любила Агенора, приглашала его ко всѣмъ своимъ играмъ, ибо благоразумный и постоянный его видъ привлекъ ея благоволеніе и какъ знала она дружество, коимъ мы были сопряжены

пряжены, то радовалася видя, что предпочиталъ я дѣтскія его забавы тѣмъ веселостямъ, кои вымышляла ежедневно Менина, дабы увеличить дворъ свой. Между тѣмъ перемѣненіе моего поступка не перемѣнило поступокъ сея Принцессы; она осыпала меня подарками, присылала за мною повсечасно, и говорила мнѣ такія слова, отъ коихъ краснѣлся я за нее, притворяясь, будто оныхъ не разумѣваю. Малое ея воздержаніе здѣлало ее мнѣ несносною; и всего было страннѣе то, что чѣмъ болѣе презрѣніе мое къ ней возрастало въ моемъ сердцѣ, тѣмъ больше чувствовалъ я въ немъ умноженіе моея горячности къ Агенору; открывалъ ему всѣ мои мысли, веселился тѣмъ, что изъяснялъ ему свойство моего дружества; и хотя слушалъ онъ меня съ удивительною ревностію, и отвѣтствовалъ не инако какъ съ холодностію на тотъ жаръ, коимъ слова мои были возбуждаемы; однако ра такъ я пріобыкъ къ сему роду равнодушія, что не могло оно нимало уменшить моей горячности.

Нѣсколько мѣсяцовъ прошло съ тѣмъ, что не примѣтилъ я въ Мениной ни менѣе ко мнѣ ласковости, ни болѣе холодности къ Агенору, какъ въ одинъ день по прозьбѣ сего дражайшаго друга хотѣлъ я его проводить за городъ въ одно прекрасное гульбищѣ, которое наши государи повелѣли тамъ устроить; онъ просилъ меня ѣхать съ нимъ; но Менина услышавъ разговоръ нашъ, запретила мнѣ громко выходить, желая, говорила она, чтобъ я за нее поигралъ. Не могши отказать въ томъ безъ притворства, просилъ я Агенора отложить прогуливанїе до другаго дня; но онъ сказалъ мнѣ, что хотѣлъ воспользоваться симъ прекраснымъ днемъ, и отсутствїемъ Герцога, который забавлялся въ одномъ увеселительномъ домѣ, куда мы за нимъ николи не слѣдовали. Мнѣ досадно было видѣть его поѣхавшаго безъ меня; и когда Менина отдала мнѣ свою игру, дабы вытти въ свой кабинетъ, тогда игралъ я съ такимъ безпокойствомъ, которое отъ всѣхъ было примѣчено. Уже около часа скука меня мучила, какъ и въ самомъ дѣлѣ я занѣмогъ,

и принужденъ былъ оставить игру: какъ Менина не возвратилась, то вышелъ я не велѣвъ ей ничего сказать, и сѣдши на лошадь поскакалъ во весь опоръ туда, куда дражайшему моему Агенору давно уже прибыть надлежало. Я нашелъ его тамъ, въ самомъ дѣлѣ. Но увы! каково было мое удивленiе увидя его пѣшкомъ, шпагу въ рукѣ держащаго; платье его было окровавленно, лошадь убита, и три человѣка мертвы или умирающи у ногъ его! не возможно мнѣ изобразить вамъ того, что почувствовалъ я при семъ позорищѣ. Я сошелъ съ лошади; и подбѣжавъ къ нему: что вижу я, братецъ, закричалъ ему? Какое бѣдственное приключенiе! дражайшiй мой Ерихъ, сказалъ онъ, подошедъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ, нѣтъ ужѐ теперь ничего, я наказалъ сихъ убiйцъ; храни тайну, она важна . . . . Онъ поблѣднѣлъ сказавъ сiи слова, и конечно бы упалъ, естьли бы не взялъ я его въ мои объятiи, дабы его поддержать.

Онъ упалъ въ обморокъ; и разсудивъ, что онъ раненъ, сѣлъ я

на землю, опустивъ и его по тихонку на оную, и желая поискать вины болѣзни, дабы помочь ему скоряе, разстегнулъ я его камзолъ, и обнажилъ его грудь. Разсуждай, государь, что здѣлалось со мною, нашедъ въ семъ Агенорѣ, котораго любилъ я паче самаго себя какъ любви достойнѣйшаго изъ мущинъ; нашедъ въ немъ, говорю, наипрекраснѣйшую дѣвицу, каковую Небо произвело по Принцессѣ Аквитанской. Сердце мое пораженное печалїю, радостїю, любовїю, страхомъ и надеждою, привело меня въ страннѣйшее состоянїе: хотѣлъ купно ей помочь, ее разсматривать, говорить и молчать; наконецъ какъ безмѣрное дружество, которое внушила она въ меня подъ симъ переодѣянїемъ, оставило мнѣ точїю одинъ шагъ здѣлать къ сильнѣйшей любви, то вознамѣрился я къ скорѣйшему; и не нашедъ никакихъ ранъ въ опасныхъ мѣстахъ, увидѣлъ, что причиною сего обморока была легкая рана въ руку; но которая потерянїемъ крови могла здѣлаться опасною: мнѣ удалось остановить оную, и разодравъ рубашку, которая

которая была на мнѣ, перевязалъ оную, и привелъ ее чрезъ то въ состоянїе не бояться ничего. Лишь только окончалъ я мою работу, какъ Агеноръ открылъ глаза, и познавъ по своему состоянїю, что я узналъ болѣе, нежели онъ желалъ: Ерихъ, сказалъ онъ мнѣ, будь всегда моимъ братомъ и другомъ, и докажи мнѣ то твоимъ почтенїемъ и скромностїю. Ты не въ силахъ, отвѣчалъ я ей, выслушашь все то, что бы я тебѣ сказалъ; будь только обнадежена, что чувствованїи мои перемѣнивъ званїе не перемѣнятъ своего свойства. Тогда помогши ей встать, посадилъ я ее на лошадь, и сѣдши за нею, доѣхалъ я до города и до дворца окольными дорогами, и отвелъ Агенора въ его покой, гдѣ отдалъ его на руки той ласковой мамкѣ, которая никогда его не покидала. Призвали Лѣкарей; и какъ рана была точїю въ рукѣ, то перевязали они ее не примѣтивъ ничего: я увидѣлъ положенный первый пластырь, и разстался съ нею, единственно для того, чтобъ дать ей покой, въ коемъ она имѣла нужду; и не взирая на безпокойство

моего ума, пошелъ я къ Принцессѣ, гдѣ весь дворъ былъ въ собранiи, дабы увидѣть, не свѣдомо ли тамъ что о семъ произшествiи, потому что всѣ придворные Кавалеры были свидѣтелями моего прiѣзда, и состоянiя, въ какомъ привезъ я Агенора.

Лишь только Нумерана меня увидѣла: Ерихъ, сказала мнѣ крайнѣ печальнымъ видомъ, правда ли то, что мнѣ теперь сказали? Агенoръ бился, и раненъ? такъ государыня, сказалъ я ей, но благодаря небу, рана его очень легка, и я надѣюсь, что онъ въ два или три дни севершенно отъ ней изцѣлится. Я примѣтилъ, что Менина измѣнилася въ лицѣ между тѣмъ, какъ я говорилъ; однакожъ храня безмолвiе дала она Принцессѣ время распросить меня о семъ произшествiи.

Какъ Агеноръ меня еще о томъ не увѣдомилъ, и просилъ меня молчать о томъ, что я видѣлъ, то отвѣчалъ я ей, что не знаю о семъ ничего, не разсудивъ за благо принудить его говорить, опасаясь его обезпокоить. Такъ ты не былъ съ нимъ,

нимъ, сказала мнѣ тогда Менина посмотрѣвъ на меня быстро? нѣтъ государыня, отвѣчалъ я ей равнодушно; и перемѣнивъ рѣчь въ тужъ минуту, принудилъ ее не спрашивать меня о томъ болѣе. Какъ Герцогъ еще не возвратился, то пошелъ я къ дражайшему моему Агенору, гдѣ нашелъ Леонору д' Агенъ мать его, которую о томъ увѣдомили: она приняла меня со множествомъ знаковъ горячности, но съ глубокою задумчивостїю.

Я отъ того смутился, думая, что Агеноръ былъ гораздо опаснѣе раненъ, нежели я надѣялся, и спросилъ у ней съ торопостїю, не приключился ли ему какой нибудь новый случай умножающїй болѣзнь его? нѣтъ, отвѣчала мнѣ Леонора, Агеноръ только лишь утомился, оставимъ его на минуту въ покоѣ, и пойдемъ въ его кабинетъ, гдѣ хощу я съ тобою поговорить. При сихъ словахъ вошла она туда перьвая, а я послѣдовалъ за нею, весьма безпокоясь о томъ, что хотѣла она мнѣ сказать. Я почиталъ Леонору какъ мать мою, она оказывала мнѣ всегда много горячности, и называ-

ла меня гораздо чаще своимъ сыномъ, нежели Агенора, хотя любила его страстно, однакожъ какъ познаніе возъимѣвшее мною о его полѣ, и невѣденіе о томъ, что могла она о томъ знать, возбудили во мнѣ такой страхъ, коимъ я не могъ обладать, то заперся я съ нею одинъ неинако какъ съ трепетомъ. Сія добродѣтельная женщина то примѣтила; и приказавъ мнѣ сѣсть: любезный сынъ, говорила мнѣ, не бойся ничего, я не имѣю сказать тебѣ ничего прискорбнаго; но прежде нежели увѣдомлю тебя о томъ, что можетъ быть для тебя пріятно въ словахъ моихъ, надобно выслушать тебѣ то, что бѣдственно для меня. Агеноръ увѣрилъ меня теперь, что не здѣлаю я никакой отваги, обьявя тебѣ мою тайну, и я всегда толь изрядно примѣчала въ тебѣ склонности честнаго человѣка, что не имѣю нималаго отвращенія то здѣлать. Вѣдай же, дражайшій мой Ерихъ, продолжала она, что нѣтъ во всей Аквитаніи ни одной женщины злощастнѣе меня. Реингольдъ Агенъ, супругъ мой, женясь только для того, чтобъ имѣть дѣтей, кои

бы

бы имя его здѣлали вѣчнымъ, взялъ меня за себя безъ склонности, и не внушалъ въ меня никогда оныя, будучи жестокъ, немилосердъ, гордъ и властолюбивъ; и я не видала въ немъ ничего кромѣ самовластнаго господина. Однакожъ я повинуяся моей должности, подвергала себя его соизволенїю, не столько какъ его дружина, но паче какъ его раба. Сей свирѣпый нравъ смягчился нѣсколько тогда, когда я оберемѣнела; но какъ родила я дочь, то Реингольдъ, впалъ отъ того въ толь великую печаль, что и моя паки началася.

Я не буду тебѣ скучать повѣствованїемъ всего того, что я претерпѣвала; довольно, когда скажу тебѣ, что состоянїе мое перемѣнялося точїю во время моея беременности, ибо Реингольдъ надѣялся всегда имѣть сына, и что впадала я паки въ прежнее мое состоянїе, раждая ему сряду дочерей. Наконецъ отчаявшись увидѣть себя отцемъ въ десятый разъ, и не имѣть того чего желалъ, потерялъ онъ почти разумъ, и воображая себѣ, что имѣя около меня точїю женщинъ, не могла я инако раждать какъ сего полу, отнялъ

отнялъ онъ у меня всѣхъ даже до тѣхъ самыхъ, кои были для меня необходимы, приказалъ служить около меня мущинамъ, и заключивъ меня въ мою комнату, лишилъ меня всѣхъ моихъ прiятельницъ, запретилъ мнѣ не имѣть нималѣйшаго съ ними обхожденiя, и приказалъ подъ жестокимъ наказанiемъ всѣмъ своимъ служителямъ, не допускать меня говорить ни съ единою женьщиною и не давать ко мнѣ свободнаго входу никому кромѣ мущинъ желающихъ меня видѣть. Такая поступка побудила меня стократно болѣе терпѣть, нежели всѣ своенравiи, кои я уже сносила.

Но наконецъ покоряясь уставамъ Неба, сносила я все безъ роптанiя, и въ семъ состоянiи оберемѣнела я въ одинатцатый разъ. Тщетно разказывать тебѣ про все обѣты и моленiи, кои возносила я къ Небу, дабы родить мнѣ сына, ты долженъ быть въ томъ увѣренъ. Во время первыхъ шести мѣсяцовъ мужъ мой меня не покидалъ, и старался оказывать мнѣ нѣкоторыя угожденiи, выключая того, что не допускалъ меня видѣть женьщинъ.

щинЪ. Я была на осьмомЪ мѣсяцѣ моея беременности, когда возгорѣлася война между ГерцогомЪ АквитанскимЪ и КарломЪ МартеломЪ, ГосударемЪ ФранконскимЪ. РеингольдЪ, д' АгенЪ увидѣлЪ себя принужденнымЪ слѣдовать за ЕвдомЪ какЪ его намѣстникЪ, между тѣмЪ АлбертЪ де МонтобанЪ остался сЪ таковымЪ титуломЪ вЪ Аквитанїи, дабы препятствовать набѣгамЪ СарацинЪ. СупругЪ мой получа свой указЪ, принужденЪ былЪ ѣхать; но не думай, чтобЪ прощанїе его было для меня благопрїятнѣе его присутствїя: ужасныя слова, кои произнесЪ онЪ со мною разтаваясь, будутЪ вѣчно запечатлѣнны вЪ моей памяти.

Леонора, говорилЪ онЪ мнѣ, подошедЪ ко мнѣ сЪ свирѣпымЪ видомЪ, я отЪѣжжаю; но помысли, что естьли не найду я привозвращенїи моемЪ Агенора д' АгенЪ, то ты и одинатцатая твоя дочь не будете жить болѣе четверти часа; и удалясь отЪ меня послѣ сихЪ словЪ, поѣхалЪ онЪ, и я ево болѣе не видала: Разсуди, дражайшїй мой ЕрихЪ, о моемЪ отчаянїи и страхѣ

я

я знала довольно жестокой нравъ Реингольдовъ, и не сомнѣвалась въ варварскихъ его словахъ: я плакала, стенала, но не могла найти никакого способа къ изцѣленїю моей скорби, я была окружена мущинами преданными моему супругу, неимѣя никого, кому бъ осмѣлилась ввѣрить мое мученїе. Между тѣмъ срокъ мой приближался, и познавая въ сей беремѣнности таковые же знаки, каковые причиняли мнѣ толико неудовольствїй, была я заподлинно увѣрена, что родится отъ меня еще дочь.

Въ непрестанной печали, въ которую мысль сїя меня ввергала, Небо благоволило, чтобъ Албертъ родитель твой осматривая провинцїи Аквитанскїя найбольшей опасности подверженныя, пребылъ нѣсколько времени въ Агенуа; и вмѣняя въ неблагопристойность, чтобъ знавъ, что я въ замкѣ Агенѣ, уѣхать меня не видавши, приказалъ требовать у меня въ томъ позволенїя. Какъ чревычайность мыслей моего супруга подавала мнѣ полную свободу его принять, то дала я ему знать, что окажетъ онъ мнѣ тѣмъ крайнѣе

удоволь-

удовольствїе. Вѣ самомѣ дѣлѣ лишь только мнѣ его назвали по имени, какѣ почувствовала я себя возбужденною такою радостїю, которая мнѣ уже нѣсколько лѣтѣ была несвѣдома. Предчуствованїи мои были не безѣ основанїя, онѣ прїѣхалѣ, и оказалѣ мнѣ толико почтенїя, и принуждалѣ меня толь сильно прїѣхать вѣ Аквиту, дабы привести его вѣ состоянїи стараться обо мнѣ и подавать мнѣ потребное вспоможенїе, что я не могла преминуть, чтобѣ не ввѣрить ему моихѣ злополучїй. Онѣ пришелѣ вѣ превеликую досаду, и все его дружество кѣ Реингольду не могло ему воспрепятствовать хулить его сѣ жаромѣ за толь немилосердную поступку; потомѣ подумавѣ нѣсколько минутѣ: утѣшайся, сударыня, сказалѣ онѣ мнѣ, я нахожу достовѣрный способѣ удовольствовать господина д Агена, и перемѣнить твою судьбину. Супруга моя ожидаетѣ равно какѣ и ты той минуты, чтобы даровать жизнь единому плоду нашего брака; но я будучи не такѣ несправедливѣ какѣ мой другѣ, приму его сѣ радостїю какого бы полу оный ни былѣ. Какѣ

сродно

сродно мнѣ имѣть участїе въ томъ что до тебя касается, то пришлю я къ тебѣ кормилицу и лѣкаря вѣрныхъ и удобныхъ хранить тайну. Естьли родишь ты сына, то нѣчего будетъ таить, естьли же получишь дочь, то скроютъ онѣ ея полъ, и кормилица воспитаетъ его подъ именемъ Агенора; и дабы воспрепятствовать Реингольду открыть нашу хритрость, испрошу я у него ввѣрить мнѣ его воспитанїе, естьли родится у меня сынъ, то будетъ сїе подъ тѣмъ видомъ, чтобъ здѣлать ихъ столь же совершенными друзьями, каковы мы, а естьли у меня будетъ дочь, то скажу я ему, что сїе происходитъ въ намѣренїи соединить оба наши дома, возбуждая въ нихъ чрезъ то взаимную горячность: время потомъ подастъ намъ совѣтъ; а ты всегда во время дѣтства ихъ будешь наслаждаться ихъ присутствїемъ. Мы воспитаемъ дочь твою, какъ будто бы была она твой сынъ, не могши изъ нее здѣлать воина, здѣлаемъ Амазонку; Реингольдъ будетъ можетъ быть со временемъ рассудительнѣе, и наконецъ Небо будетъ пещися о протчемъ.

Страхъ

Страхъ и рабство суть страшные предмѣты, дражайшій мой Ерихъ, продолжала Леонора; нѣтъ ничего такого, чегобъ не здѣлали мы, дабы свободиться отъ оныхъ. Способъ, который Албертъ мнѣ предлагалъ, сколь ни опасенъ и ни смѣшонъ онъ былъ, однако показался мнѣ стократно пріятнѣе, нежели то состояніе, въ которомъ я находилась, и которое мнѣ угрожало. Я приняла оный не колебаясь, и молила его о томъ стараться, сколь скоро онъ возвратится. Онъ мнѣ обѣщалъ то, и поспѣшилъ своимъ отъѣздомъ опасаясь, чтобъ дитя носимое мною не родилося прежде моего чаянія. Прибывъ въ Аквитанію, услышалъ онъ, что родился у него сынъ. Это былъ ты, дражайшій мой Ерихъ, который причинилъ радость въ сей свѣтлѣйшей фамиліи. Удовольствіе великодушнаго твоего родителя не побудило его позабыть своего обѣщанія; и разсуждая о моемъ срокѣ по сроку своея супруги, отправилъ онъ немедлѣнно тѣхъ, о коихъ говорилъ со мною. Они пріѣхали къ стати, ибо я начала разнѣмогаться. Какъ объявила я моимъ людямъ, что

господинЪ де МонтобанЪ взялЪ на себя прислать ко мнѣ человѣка искуснаго сЪ такою женщиною, которую онЪ защищалЪ, дабы кормить мое дитя, то никто не удивился ихЪ увидя; и принявЪ ихЪ сЪ почтенїемЪ, приставили ко мнѣ. Все происходило сЪ удивительною тайностїю; онѣ не говорили со мною никогда на единѣ, не дѣлали мнѣ никакова знака, который бы могЪ мнѣ дать знать, что свѣдомо имЪ мое намѣренїе; а между тѣмЪ имѣла я столько довѣренности ко всему сказанному мнѣ отЪ Алберта, что не безпокоилась я ни очемЪ.

Онѣ не долго пребывали, не доказавЪ мнѣ, что я не обманывалась: Небо восхотѣло еще надѣлить меня дочерью; но по проворству ихЪ ничего о томЪ не узнали, и влагая изЪ устЪ во уста, что я родила сына, запрещали меня отомЪ увѣдомлять, такЪ что супругЪ мой отомЪ извѣстился, прежде нежели я сама узнала истинну. Всѣ мои служители, коими я не ненавидима, были вЪ крайнѣй нетерпѣливости, что бы была я внѣ опасности, дабы дать свободное теченїе своей радости. Наконецъ

конецъ явно увѣдомили меня о рожденіи Агенора, а вѣрные участники моея тайны извѣстили меня безъ свидѣтелей, что я родила не иное что какъ дочь. Я подвергнула себя еще моему року безъ роптанія, и будучи весьма довольна заблужденіемъ, въ кое надлежало сей невинной хитрости привесть моего супруга, возчувствовала я столькоже любви къ дражайшей моей Лаврѣ (имя, которое бы надлежало ей имѣть, естьлибъ могли мы приписывать ей оное безъ опасенія) сколько бы Реингольдъ возъимѣлъ оныя къ сыну. Между тѣмъ какъ одинъ дворянинъ, котораго онъ приставилъ ко мнѣ, отписалъ къ нему о томъ первый, то получила я отъ него письмо, которое доказало мнѣ, сколь счастлива я была, что послѣдовала совѣтамъ Алберта де Монтобана. Супругъ мой казался во ономъ восхищеннымъ отъ радости, и оказывалъ мнѣ безмѣрную горячность, и дабы подать мнѣ знатные тому опыты, прислалъ приказъ ко всѣмъ своимъ людямъ, быть мнѣ послушными болѣе нежели ему самому, и дать мнѣ полную во всѣхъ поступкахъ

свободу; совѣтуя мнѣ оставить Агенъ, ѣхать въ Аквиту, и наградить тамъ скуку долговремяннаго уединенія, веселясь съ супругою Алберта де Монтобана общимъ нашимъ благополучіемъ, а особливо привести туда сына моего, дабы по возвращеніи своемъ имѣлъ онъ удовольствіе его облобызать. Я воспользовалась вскоре всѣми сими благопріятствами, дабы привесть Лавру въ безопасность отъ случаевъ могущихъ дать ее узнать; я поѣхала со всѣми моими служителями къ твоей родительницѣ, которая приняла меня съ благосклонностію привлекшею меня къ ней навсегда. Супругъ ея былъ при арміи собравшейся на границахъ, съ стороны Пиринѣйскихъ горъ, дабы дѣлать отпоръ Сарацинамъ; но какъ увѣдомилъ онъ ее обо всемъ, то поступала она не инако какъ онъ самъ. Мы свели между собою ненарушимое дружество, и обѣщали соединить тебя навсегда съ дражайшею моею Лаврою, сколь скоро возможно намъ будетъ то здѣлать безъ отваги, открывъ про то моему супругу.

Походъ

Походѣ кончился; и какѣ прибытіе его случилося вѣ тотѣ же день, какѣ и возвращеніе Албертово, то поздравили они другѣ друга со умноженіемѣ ихѣ фамилій: обое облобызали своихѣ сыновей; и какѣ вѣ восхищеніяхѣ радости моего супруга великодушный твой родитель началѣ ему говорить о томѣ, очемѣ согласился онѣ со мною, то получилѣ все имѣ желанное. И такѣ мнимый Агенорѣ назначенѣ былѣ не покидать тебя никогда. Нѣжное дружество, которое воспріяли вы другѣ ко другу, подавало намѣ всѣмѣ равное удовольствіе, хотя по различнымѣ причинамѣ, ибо мы старалися то есть Албертѣ, его супруга и я, дабы здѣлать союзѣ вашѣ неразрывнымѣ. Агенорѣ толь изрядно споспѣшествовалѣ нашей хитрости учиненными имѣ успѣхами вѣ упражненіяхѣ самыхѣ отдалѣннѣйшихѣ отѣ его полу, что родитель твой и я не противились тому, чтобѣ допускать продолжать оныя. Любовь ваша, коей не могли вы приписать другаго наименованія кромѣ дружества, не была отѣ насѣ сокровенна; мы видѣли оную раждающуюся

щуюся и возрастающую съ удовольствіемъ, потому что вы назначены другъ для друга; но когда Лавра показалася намъ довольно разсудительною, дабы увѣдомить ее о ея состояніи, то разсудили мы за благо то учинить, повелѣвъ ей любить тебя всегда, и не имѣть инаго воздержанія противъ тебя кромѣ того, чего требовала отъ ней честность ея и наша тайна.

Она слѣдовала толь совершенно нашимъ намѣреніямъ, что стала мнѣ тѣмъ стократно миляе. Отъ того, дражайшій мой Ерихъ, произошли сія воздержность, сіе благоразуміе и сія холодность, на кои ты толь часто жаловался, и сіе то виною тому, что я требовала толь неотступно, дабы кормилица ея никогда отъ ней отлучена не была. Ты знаешь остатокъ, любезный сынъ, продолжала Леонора; и я учинила тебѣ сіе продолжительное повѣствованіе единственно съ тѣмъ, дабы увѣрить тебя, что Лавра не будетъ имѣть инаго супруга кромѣ тебя, и что полагаетъ она въ томъ все свое благоденствіе, но надобно тебѣ поступать еще съ

нею какъ съ Агеноромъ, пока отецъ ея можетъ узнать о ея полѣ, такъ чтобъ то не стоило намъ обѣимъ жизни. Не думай, чтобъ то была пустая угроза; онъ удобенъ здѣлать все въ своемъ свирѣпствѣ: онъ видѣлъ умирающихъ всѣхъ дочерей своихъ спокойнымъ окомъ, повторяя по всяминутно, что сынъ его одно точїю сокровище, коего онъ желалъ, и что онъ объ немъ точїю сожалѣть будетъ. Нэзапный случай подалъ тебѣ узнать Лавру; пусть претерпѣнныя мною мученїи дадутъ тебѣ возчувствовать, какой опасности подвергнетъ насъ наималѣйшая нескромность. Я не знаю, не имѣемъ ли мы еще какихъ нибудь потаенныхъ страховъ; приключенїе, отъ коего Агеноръ свободился съ толикою храбростїю, причиняетъ во мнѣ жестокїя безпокойства. Онъ описалъ мнѣ оное, прося меня разсказать про то тебѣ. Весьма мало прошло времени, какъ сошелъ онъ съ лошади, дабы погулять на томъ мѣстѣ, гдѣ ты его нашелъ, какъ увидѣлъ идущихъ на него трехъ человѣкъ съ обнаженными шпагами, изъ коихъ двое

напали на него вдругъ, между тѣмъ какъ третій умертвилъ его лошадь, которая была у него привязана къ дереву. Онъ началъ тотчасъ обороняться, и поступилъ толь храбро, что ставъ подлѣ мраморной статуи раздѣляющей дороги, сталъ лицемъ противъ сихъ трехъ убійцъ, изъ коихъ убилъ тотчасъ перваго, и потомъ поколовъ правую руку втораго привелъ его въ несостояніе биться; и усугубивъ силы свои на послѣдняго, повергъ онаго на землю, и вонзивъ шпагу свою въ грудь его, выпустилъ душу его купно съ кровію, не получа иной раны, кромѣ той, которую ты видѣлъ. Я почитаю дѣло сіе за чудо, и увѣряю себя, что Небо, защищающѣе неповинность, билося за него въ семъ случаѣ; но сіе не препятствуетъ мнѣ бояться непріятелей тѣмъ опаснѣйшихъ, что они нами незнаемы.

Леонора перестала говорить, продолжалъ Ерихъ, и я былъ толь восхищенъ всѣмъ тѣмъ, очемъ она меня увѣдомила, и въ толь безмѣрной радости отомъ, что несравненная Лавра мнѣ назначена, что бро-

бросился я къ ногамъ ея матери, не помышляя ни очемъ столько, какъ о принесенïи ей благодарности за возвѣщенное ею мнѣ благополучïе, не имѣя нималѣйшаго безпокойства о опасностяхъ, кои хотѣла она меня побудить предусматривать. Между тѣмъ обѣщалъ я ей жить съ Лаврою предъ людьми какъ съ Агеноромъ, а на единѣ со всякимъ почтенïемъ, коего имѣла она право требовать отъ такого человѣка, который умретъ лутче нежели ее оскорбитъ. Послѣ сего возвратились мы въ комнату сея прекрасныя дѣвицы, куда лишь только мы пришли, какъ увидѣли вошедшаго моего родителя. Когда Леонора увѣдомила его, что я свѣдомъ о всемъ таинствѣ: любезный сынъ, сказалъ онъ мнѣ, употреби во благо сïю довѣренность, люби Лавру съ вѣрностïю, и почитай ее какъ будущую твою супругу. При сихъ словахъ Леонора и онъ взявъ наши руки, соединили ихъ вмѣстѣ: дѣти мои, сказали онѣ намъ, будьте всегда сопряжены истиннымъ почтенïемъ, ожидая, что бы прïятный бракъ дозволилъ вамъ изъявить вашу любовь.

Я дѣлалъ и говорилъ то въ сію минуту, государь, чего не объявляю тебѣ, дабы не употребить во зло твоего вниманія; тебѣ не трудно то себѣ представить. Родитель мой и Леонора попустили по благоразумію свободное теченіе моимъ восхищеніямъ, дабы сіи первыя движеніи прошли скоряе, и я бы принялъ на себя холодность, которая нужна для меня была въ глазахъ другихъ. Прекрасная Лавра показала мнѣ въ перьвый разъ своея жизни, что любила меня, столь нѣжно, сколь я того желалъ; она просила насъ всѣхъ хранить глубокое безмолвіе о ея приключеніи, и дать отомъ думать каждому, кто что похощетъ, потому что то былъ вѣрнѣйшій способъ открыть источникъ. Какъ Леонора и родитель мой похвалили ея мнѣніе, то согласовался я со онымъ не обинуясь, и мы уговорились, чтобъ отрицался я говорить о семъ боѣ, увѣряя, что Агеноръ не хотѣлъ николи сказать мнѣ правду.

Между тѣмъ какъ участіе въ здоровьѣ Агеноровомъ принудило насъ ево поки-

покинуть, то возвратился я въ мою комнату, гдѣ препроводилъ нощь, помышляя ослучившемся со мною въ тотъ день. Любовь моя взяла уже надо мною такое владычество, и я позналъ толь изрядно, что оная водворилась въ сердцѣ моемъ съ самаго моего младолѣтства, что прямое ея названiе не произвело ни какой перемѣны въ моихъ склонностяхъ; и я почувствовалъ совершенно, что думая не любить Агенора инако какъ моего дражайщаго друга, обожалъ я Лавру, и пылалъ къ ней наисильнѣйшимъ пламѣнемъ. Весь дворъ бралъ участiе въ его приключенiи: Принцесса Аквитанская присылала туда повсяминутно; Герцогъ, здѣлалъ ему честь своимъ посѣщенiемъ, и сама Менина его туда провождала. Толико благодѣтельствѣ, и вопросы произведенные оными, не могли однакожъ насъ принудить, здѣлать какое нибудь о семъ обьясненiе: и какъ хранимая нами тайна заставила думать, что то было какое нибудь особенное дѣло, коего обьявить не можно, то не говорили отомъ ничего болѣе.

Агеноръ (ибо такъ я его буду всегда называть по самую минуту моего несчастія;) Агеноръ, говорю я, будучи въ состояніи оставить комнату чрезъ три дни, появился при дворѣ съ новымъ сіяніемъ; и я могу тебя увѣрить, что отъ сея минуты препроводилъ я шесть мѣсяцовъ въ сладчайшемъ благоденствіи, какое можетъ вкушать человѣкъ необладающій еще тѣмъ, что любитъ. Реингольдъ д' Агенъ, который былъ тогда весьма болѣнъ, когда Агеноръ раненъ, и коего печаль умноживъ болѣзнь, такъ безперерывно шесть мѣсяцовъ продолжалась, что всѣ лѣкарства не могли его избавить, и онъ умеръ по долговремянномъ страданіи, сожалѣя только отомъ, что покидаетъ своего сына. Смерть его была однакожъ чувствительна добродѣтельной Леонорѣ; но какъ поступки его съ нею были сильныя причины къ отренію слезъ ея, то не текли онѣ долгое время; и какъ справедливая ея горячность къ прекрасной ея дочери не вперяла въ нее иной мысли, какъ о ея благополучіи, то заключила она съ моими родителями, что сколь скоро трауръ ея кончится, то

увѣдо-

увѣдомить она Герцога о нашей тайнѣ, и испросить его соизволенїе на нашъ бракъ. Какъ въ теченїе сего самаго года Сарацины перешли еще Пиринѣйскїя горы, и угрожали Аквитанїи, то Герцогъ выступилъ въ походъ съ лучшимъ своимъ шляхетствомъ. Леонора боясь о Агенорѣ колебалась его отпустить, а я будучи почти также робокъ, какъ и сїя нѣжная мать, не могъ согласиться видѣть его подвергающагося опасностямъ войны, какъ мужественная Лавра убѣдила насъ безмѣрнымъ своимъ желанїемъ прославиться въ глазахъ своего самодержца прежде нежели узнаетъ онъ, кто она такова. Албертъ де Монтобанъ, коего героическїя дѣла жестоко трогали, плѣняясь воинскимъ усердїемъ такой дѣвицы, коей надлежало быть его невѣскою, былъ такъ же сего мнѣнїя; и естьли страхъ подвергнуть опасности дни толь для меня драгоцѣнные, меня удалилъ отъ онаго, то удовольствїе, не отлучиться отъ ней, побудило и меня согласиться на сїе предпрїятїе. И такъ послѣдовали мы обое за Герцогомъ, и отправили походъ вмѣстѣ.

стѣ. Естьли бы слава была единственною обладательницею нашихъ серлецъ, то могу сказать, что бы имѣли мы причину быть совершенно довольными, потому что имѣли мы счастіе производить дѣла снискавшія намъ довольно великую похвалу; но какъ любовь руководствовала всѣми нашими поступками, то думаю, что должны мы то единственно приписывать взаимному желанію, кое имѣли мы другъ другу нравиться и дѣлить опасности, къ коимъ обязывала насъ наша должность: будучи всегда одинъ возлѣ другаго, бились мы не инако какъ для взаимнаго защищенія; рука моя, упражнялася точію въ томъ что бы побѣждать устремляющихся на дражайшаго моего Агенора, между тѣмъ какъ ево рука казалась единственно быть ополченною, дабы умерщвлять на меня нападающихъ. Сіе общественное вниманіе побуждающее насъ презирать собственною нашею обороною, дабы помышлять точію о любимомъ предмѣтѣ здѣлало насъ непобѣдимыми, и даровало намъ честь имѣть участіе въ славномъ походѣ учиненномъ

въ

въ семъ году Герцогомъ противъ Сарацинъ.

Войско раздавалося именами двухъ братовъ, такъ насъ называли Агенора и меня; и похвалы были намъ изтощеваемы со всѣхъ сторонъ. Евдъ осыпалъ насъ оными, присоединяя къ тому чины завидуемые старинными воинами. Албертъ родитель мой былъ въ совершенномъ порадованіи; но разсуждая, что сей случай былъ благопоспѣшнѣйшій, каковый могъ найти, дабы дать знать о Лаврѣ со славою, воспріялъ онъ время, когда Евдъ торжествовалъ ея храбрость въ обязательнѣйшихъ выраженіяхъ, дабы увѣдомить его о его полѣ, и о причинѣ, которая изъ слабой и робкой дѣвицы здѣлала того храбраго Кавалера. Удивленіе Герцога было чрезвычайно при семъ увѣдомленіи; но поступка хранимая Лаврою, причинила въ немъ такое удовольствіе сопряженное съ почтеніемъ, которое она въ него мужествомъ своимъ вселила, что приказалъ онъ ее позвать тогожъ часа; и призвавъ меня въ тужъ минуту, обнялъ онъ насъ обоихъ съ множествомъ знаковъ отличности, и сказалъ

залЪ моему родителю, что хотѢлЪ онЪ самЪ почтить бракЪ нашЪ своимЪ присутствіемЪ.

ОнЪ обЪявилЪ самЪ сію перемѢну всему двору; и какЪ походу надлежало кончиться, то воспріялЪ онЪ обратный путь вЪ Аквиту, куда послѢдовали мы за нимЪ АгенорЪ и я. Прибывъ вЪ сей городЪ, Лавра поѢхала кЪ своей матери, которая снявЪ сЪ ней сЪ радостію воинственное одѢяніе, надѢла на нее полу ея приличное, и представила ее во ономЪ ПринцессѢ Аквитанской. СмѢю сказать, что естьли храбрый АгенорЪ будучи мущиною приводилЪ во удивленіе своею храбростію и красотою, то Лавра овладѢла еще гораздо лучше сердцами вЪ прямомЪ своемЪ видѢ, и что пріятности показанныя ею женщиною, возбудили зависть во многихЪ: Нумерана была ею плѢнена, и осыпала ее дружбою; Менина силилась дѢлать тоже, и скрыла толь изрядно свои мнѢніи, что мы всѢ вЪ томЪ ошиблись.

НапослѢдокЪ какЪ все казалося благопріятствовать нашимЪ желаніямЪ, ГерцогЪ восхотѢлЪ, что бы

бракЪ

бракЪ нашЪ совершился; и дабы здѣлать отправленіе онаго великолѣпнѣе, предложилЪ онЪ многія увеселеніи, сказавЪ, что Албергу надлежало совершить бракЪ нашЪ вЪ Монтобанѣ, и угостить тамЪ Герцога и всѣхЪ дамЪ; что весьма ужё давно имѣетЪ она желаніе видѣть его замокЪ, и нѣтЪ кЪ тому лучшаго случая; что сія партія здѣлаетЪ забавы придворныя различными, а вЪ городѣ и вЪ чертогахЪ Герцогскихъ онѣ всегда одинаковы, напротивЪ того перемѣніе мѣста промыслитЪ имЪ новыя. Родитель мой находилЪ себя надмѣру почтеннымЪ тѣмЪ, чтобЪ принять у себя своего государя, почему и не противился сему намѣренію; а ГерцогЪ дѣлалЪ Менинѣ толь слѣпое во всемЪ угожденіе, что не могЪ на то не согласиться; и такЪ когда каждый похвалилЪ сіе предложеніе, тогда АлбертЪ и спросилЪ времяни, дабы привесть дѣла вЪ состояніе ожиданія всего двора. Сіе казалося справедливымЪ; почему вЪ томЪ и не отказано было; и на другой же день отправилЪ онЪ свои повелѣніи вЪ МонтобанЪ, и мы при-

нуждены были пропустить еще более мѣсяца въ сихъ пріуготовленіяхъ.

Въ сіе время не было такихъ знаковъ дружества, коихъ бы Лавра не получала отъ Менины, которая перемѣнясь вдругъ казалася не имѣть ко мнѣ ничего кромѣ равнодушія, и сильнѣйшія горячности къ Лаврѣ: я примѣтилъ то къ великому моему удовольствію; и столько радовался ея поступкѣ, что бранилъ себя тайно за то, что имѣлъ прежде другія мысли. Наконецъ когда Албертъ былъ готовъ принять въ домѣ своемъ сей знаменитый дворъ, тогда поѣхали мы всѣ изъ Аквиты. Не было ничего кромѣ забавъ и увеселеній во время пути, радость видна была изъ глазъ; и какъ приступалъ я къ наиблагополучнѣйшей минутѣ моея жизни, то былъ я не изъ послѣднихъ, подающихъ знаки моего удовольствія. Мы прибыли въ Монтобанъ, которое мѣсто своимъ положеніемъ есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ замковъ въ Аквитаніи, будучи окружено увеселительными садами, и орошаемо рѣкою Дордоною, которая не подалеку отъ туда впадаетъ въ море.

Роди-

родитель мой принялъ своего Государя съ великолѣпіемъ Королю сроднымъ, и дамы наслаждались тамъ всѣми увеселеніями, какія может ъ промыслить мѣсто, имѣющее часть красоты своея отъ положенія сельскаго и уединеннаго: празднества продолжались тамъ восемь дней, послѣ которыхъ сопряженъ я былъ съ дражайшею моею Лаврою такимъ союзомъ, который подавалъ мнѣ надежду не разлучаться съ нею во всю жизнь мою. Но увы! сколь счастіе человѣческое сомнительно, и сколь мало надлежитъ надѣяться на то, что кажется намъ достовѣрнѣйшимъ! Нощь сего прекраснаго дня торжествована была съ безмѣрнымъ великолѣпіемъ, сады освѣщены были безчисленнымъ множествомъ факеловъ, по берегу рѣки поставлена была тьма плошекъ, кои раздавая лучи свои по водѣ казали все въ огнѣ. Всѣ дамы переодѣлися, и раздѣляся по обѣимъ сторонамъ, забавлялися долгое время приказывая искать себя кавалерамъ. Лавра возбужденная примѣромъ другихъ, или ведомая какимъ нибудь

злымъ духомъ, перемѣняла съ дватцать различныхъ одѣянiй, дабы меня обмануть; а Менина надѣвая часто то, которое она скидала, принуждала меня многократно слѣдовать за собою, думая, что то она. Наконецъ когда сiе увеселенiе довольно продолжалось, тогда всякъ собрался, дабы другъ друга опознать и войти въ домъ; но когда дошло до того, чтобы вручить мнѣ Лавру, тогда она не нашлася. Герцогъ увидя смущенiе, въ кое то меня ввергало, приказалъ весьма ревностно, что бы прекратили шутку, и привели мою супругу; но какъ всякой клялся, что не знаетъ гдѣ она, то здѣлалася на всемъ дворѣ великая тревога: я потерялъ разумъ; и бѣгая туда и сюда въ замкѣ, послѣдуемый Албертомъ, Леонорою и многими господами, не было ни одного мѣста, гдѣ бы я не обыскалъ; мы обошли всѣ сады, и обѣжали берега рѣки раздавая ехо именъ Лавры и Агенора, не получа отъ того ни малѣйшаго плода. Тогда отчаянiе мое дошло до такого степени, что безъ старанiй чинимыхъ моимъ родителемъ, дабы

вырвать у меня шпагу, вонзилъ бы я себѣ оную въ тѣло.

Но повелѣвъ схватить меня тѣмъ, кои провождали меня въ семъ несчастномъ поискѣ, потащили они меня въ замокъ, когда уже разсвѣло, ибо остатокъ ночи прошелъ въ семъ бѣдственномъ упражненіи. Герцогъ приказалъ повскакать на лошадей своей конной гвардіи, и ѣхать разными дорогами, будучи увѣренъ, что ее похитили, и что хищники не могли быть далеко; однакожъ все было тщетно. Какъ рѣка покрыта была многими Гондолами и шлюпками украшенными для увеселенія дамъ, то приказано было пріѣхать всѣмъ морскимъ начальникамъ, дабы навѣдаться, не присталъ ли кто изъ нихъ къ какому острову, но ни одинъ изъ нихъ почти не понималъ, что имъ было говорено. Но сіе казалося чрезвычайнымъ, что не нашли ни одного платья, въ кое Лавра переодѣвалась. Что скажу тебѣ болѣе, государь? погибель моя была неминуема, и привела меня въ толь жестокое состояніе, что для воспрепятствованія

мнѣ погибнуть, Албертъ принужденъ былъ приказать меня связать, и стеречь какъ съ умасшедшего; приказанiи Герцога, его присутствiе, увѣщанiи моего родителя, рѣчи всѣхъ моихъ друзей не могли утишить моихъ изступленiй.

Менина наполненная самолюбiемъ, ласкаясь въ томъ успѣть, употребила всѣ свои хитрости, которыми она толь изрядно пользоваться умѣетъ, когда хощетъ достигнуть своего намѣренiя; но вмѣсто того, чтобъ меня утѣшить, она точiю раздражила мою печаль, и потерявъ все почтенiе, говорилъ я ей съ толь малымъ воздержанiемъ, что она проливала слезы, и оставила меня, называя неблагодарнымъ незнающимъ своего счастiя; сiи слова возбудили меня новымъ свирѣпствомъ, и я безъ сомнѣнiя отъ того умеръ бы безъ несравненныя Нумераны. Сiя удивительная Принцесса пришла ко мнѣ, съ глазами орошенными слезами, она была последуема Iустиною Севинъ: дражайшiй Ерихъ, сказала она мнѣ взявъ мою руку съ беспримкладнымъ милосердiемъ; я не затѣмъ пришла

чтобъ

чтобЪ остановить твое отчаяніе; оно толь справедливо, что хощу я отчаеваться сама сЪ тобою: я любила Лавру сЪ горячностію, хощу ее оплакивать вѣчно; но ЕрихЪ, сего не довольно, чтобЪ о ней жалѣть; надобно ее искать, найтить и за нее отмстить: но какЪ вЪ томЪ успѣть, естьли принудишь ты всегда опасаться о твоей жизни? ты не можешь обрѣсть паки Лавру, или наказать ея убійцЪ, прежде нежели будешь свободенЪ; но какЪ можно тебѣ даровать свободу, естьли не хощешь ты оною пользоваться инако какЪ для того чтобЪ тебѣ себя умертвить? Приди вЪ себя, ЕрихЪ продолжала она, Нумерана тебя отомЪ проситЪ, пріятельница Лавры д' АгенЪ тебя отомЪ умоляетЪ; отчаяніе твое умножаетЪ Леонорино, причиняетЪ смерть твоему знаменитому родителю. ТакимЪ ли образомЪ долженЪ погибнуть ЕрихЪ де МонтобанЪ? не посреди ли сраженія долженЪ онЪ потерять жизнь, либо за своего Государя, или за предметЪ своего пламени? поди, поди, примолвила она, возвратимся вЪ Аквиту, можетЪ быть найдемЪ мы

тамъ то, чего ищемъ здѣсь тщетно. Герцогъ входитъ въ твою печаль, и повелѣваетъ мнѣ обнадежить тебя, что онъ не пощадитъ ничего, дабы открыть тайну сего бѣдственнаго произшествія.

Принцесса провождала сіи слова видомъ толь божественнымъ, рѣчь ея имѣла нѣчто толь величественное, что я почувствовалъ себя тѣмъ тронута до внутренности моея души; обязательный поступокъ, съ коимъ благоволила она унизиться, дабы побудить меня сносить мое нещастіе съ большею твердостію, успокоилъ мои движеніи; кротость ея здѣлала меня разсудительнымъ, и милости ея возвратили умъ мой; но отчаяніе мое, которое до того состояло точію въ свирѣпствѣ и гнѣвѣ, перемѣнясь вдругъ въ прямую печаль, угнѣтало сердце мое такимъ образомъ, что упалъ я безъ чувства на постѣлю, къ коей привязанъ былъ какъ свирѣпый звѣрь. Принцесса и любезная Іустина преисполнены будучи соболѣзнованіемъ, не хотя иныя помощи, кромѣ той, которую онѣ мнѣ подать могли, прыскали на лице мое столько воды

съ

съ духами, что привели меня паки въ чувство. Я лишь только пришелъ въ память, какъ приносилъ многократныя благодаренїи Нумеранѣ, и молилъ ее промыслить мнѣ свободу, клявшись ей всемъ тѣмъ что есть свято и самою дражайшею моею Лаврою, не покушаться болѣе на жизнь мою, и слѣдовать ея повелѣнїямъ, съ совершенною покорностїю и послушанїемъ.

Какъ сїе обѣщанїе ее удостовѣрило, то кликнула она людей, повелѣла снять съ меня оковы, и позвавъ моего родителя, отдала меня ему въ руки, приказавъ мнѣ быть готову слѣдовать за нею въ Аквиту. Албертъ нашедъ меня въ состоянїи его слушать, обнялъ меня, утѣшалъ и обнадеживалъ, что онъ столь же жестоко тронутъ, сколь и я; но естьли хощу я ему дать еще пожить нѣсколько лѣтъ, то бы старался я самъ о своей жизни. Слова толь чувствительныя изъ устъ родителя почитаемаго и страстно любимаго, произвели ожидаемое имъ дѣйствїе; и предавшися его соизволенїю, поѣхали мы изъ Монтобана съ Герцогомъ и со всемъ дворомъ,

и въѣхали въ сей городъ съ толикою же прискорбностїю, съ коликою радостїю изъ онаго выѣхали: жестокая лихорадка напала на меня туда прибывши, и привела меня скоро ко вратамъ смерти. Неутѣшная Леонора не покидала меня ни днемъ ни ночью, ни кормилица дражайшїя моея Лавры; а Герцогъ приходилъ меня смотрѣть повся минутно.

Жалостливая Нумерана и любимица ея Іустина приходили ко мнѣ тогда, когда благопристойность имъ могла дозволить; Менина навѣдывалась непрестанно о моемъ здоровьѣ, а родитель мой употреблялъ искуснѣйшихъ лѣкарей, дабы сохранить такую жизнь, которая стала мнѣ противна. Онѣ успѣли въ томъ съ довольнымъ трудомъ; и послѣ трехъ-мѣсячной болѣзни, отъ коей осталась во мнѣ задумчивость, которую ничто въ свѣтѣ не могло прогнать, Принцесса думая, что уединенїе умножало мою Меланколїю, выдумала промыслить мнѣ упражненїе, дабы меня развеселить, и приказавъ завести садъ, который вы видѣли, просила Гер-

цога

щога поручить мнѣ украшенїе онаго разсуждая, что видя ее тамъ всегда съ ея женщинами, перестану я задумываться. Я имѣлъ толь удивительную холодность ко всему, что получилъ сей приказъ съ великимъ равнодушїемъ; однакожъ чувствовалъ надмѣру милости Нумеранины, и не могъ отказать ей въ томъ, чего она желала.

Въ одинъ день, когда пошелъ я туда весьма рано, дабы рисовать гротъ Дїанинъ, Нумерана и Іустина тамъ уже гуляли, и примѣтя меня пришли ко мнѣ въ одинъ изъ сихъ зеленыхъ кабинетовъ, коими, какъ вы видѣли, Гротъ окруженъ, и подъ коими во всякую погоду можно быть въ безопасности. Принцесса легши на малинькое дерновое канапе приказала намъ сѣсть Іустинѣ и мнѣ на сѣдалищахъ изъ дерну же зделанныхъ, кои были по всѣмъ сторонамъ; она упражнялась смотря на мою рисовку. Задумчивость и молчанїе, изъ коихъ не выходилъ я почти никогда, присоединенныя къ тишинѣ мѣста, которая не была ничемъ инымъ нарушаема кромѣ пѣнїя птицъ, позвали

вали ее на сонъ, и она уснула; и дабы не нарушить ея покоя, мы не дѣлали никакого шуму Іустина и я. Весьма мало времени спустя послѣ того услышали мы, что нѣкто вошелъ въ побочный кабинетъ, ты знаешь, государь, что они построены на подобіе вавилона, будучи всѣ одинъ подлѣ другаго, имѣя различные входы, и невзирая на ихъ близость, тѣ, кои находятся въ одномъ, не могутъ видѣть находящихся въ другомъ, ниже туда перейти не прошедъ многихъ закоулковъ, хотя и слышатъ они другъ друга такъ какъ будто бы были вмѣстѣ. Голоса поразившіе слухъ нашъ, побудили насъ узнать Менину и одну изъ ея наперстницъ. Іустина дала мнѣ знакъ, дабы принудить меня усугубить вниманіе, которое я имѣлъ, дабы не разбудить Принцессу.

Я далъ ей знать, что то было и мое намѣреніе, и что движеніе любопытства принудило меня покинуть краски, дабы слышать разговоръ Мениинъ; въ самомъ дѣлѣ употребилъ я пато все мое вниманіе, не зная для чего, а Іустина

на

на имѣла онаго не менѣе моего. Казалось намъ, что продолжала она разговоръ ужѐ начатый; и оборотясь къ своей наперстницѣ: Ошибка твоя весьма велика, любезная моя Люссинъ, сказала ей, естьли ты думаешь, что ревность моя осудила ее на смерть; ненависть моя не была бы удовольствована, навлекши ей точїю такое мученїе, коему всѣ твари подвержены: потребенъ былъ другой родъ изтязанїя, дабы меня удовольствовать, и я ненашла гнуснѣйшаго для ней отлучивъ ее отъ любителя, какъ предать нашимъ злѣйшимъ непрїятелямъ. И такъ, дабы отмстить мнѣ неблагодарному Ериху, любезная его Лавра въ сїю минуту его забываетъ или о немъ жалѣетъ въ объятїяхъ Мирамолина или Абдерама.

Въ моихъ объятїяхъ! вскричалъ Принцъ Сарацинскїй, пресѣкши Ериха, непомышляя отомъ, что имѣлъ онъ намѣренїе не такъ скоро открыться; я, я бы имѣлъ Лавру въ моей власти, и здѣлалъ бы ее предмѣтомъ любови беззаконной! нѣтъ Ерихъ, сердце мое невоздыхало никогда ни по комъ кромѣ Принцессы

Астурійской, и Король братЪ ея скажетЪ тебѢ, что не имѢю я иной жены. АбдерамЪ былЪ вспыльчивЪ: онЪ почелЪ себя обиженнымЪ словами Менины, и слова его вылетѢли сЪ такою скоростію, по запальчивости его нрава, что позналЪ уже свою неосторожность когда обратилЪ взорЪ свой на правителя Аквиты, который вЪ безмѢрномЪ своемЪ удивленіи пребылЪ сложивЪ крестомЪ руки, и глаза устремивЪ на него, какЪ человѢкЪ не имѢющій болѢе чувства. Фроила тронутый видя его вЪ семЪ состояніи, и примѢтя на лицѢ АбдерамовомЪ смятеніе, вЪ кое приводило его имЪ учиненное: дражайшій мой ЕрихЪ, сказалЪ ему, выди изЪ твоего удивленія, и не останавливаясь на именахЪ, кои кажутся тебѢ противными, взирай на насЪ не инако какЪ на твоихЪ друзей, и на государей готовыхЪ тебѢ то доказать, хотябЪ то и жизни нашей стоило: АбдерамЪ твой не солюбовникЪ, онЪ не былЪ никогда онымЪ. Но окончай твое повѢствованіе; можетЪ быть найдемЪ мы во ономЪ изЪясненіи благопріятныя нашимЪ желаніямЪ,

и можетъ быть не будемъ мы тебѣ безполезны въ исканiи несравненныя Лавры.

Упусти, великодушный Ерихъ, примолвилъ Принцъ Абдерамъ, естьли далъ я о себѣ знать не инако какъ неразсудною жестокостiю; но досада моя извинительна, потому что происходитъ она отъ правды. Ерихъ смущенный учтивостями свѣтлѣйшихъ своихъ гостей, и пришедшiй симъ произшествiемъ въ себя отъ болѣзненныхъ предразсужденiй, кои имѣлъ противъ Генерала Сарацинскаго, всталъ немедлѣнно; и поклонясь имъ обоимъ съ почтенiемъ: я всегда о томъ разсуждалъ, сказалъ имъ, что вы крови Королевской, и не совершенное познанiе, которое о томъ имѣю по вашему признанiю, причиняетъ во мнѣ удивленiе, потому что я въ томъ никогда не сомнѣвался; но признаюсь, что я не могъ не чудиться тому, что незапный случай принудилъ меня любить такого Принца, котораго думалъ, что надлежало мнѣ ненавидѣть, и ввѣрить несчастiи мои тому самому, котораго обвинялъ я въ томъ имѣющимъ великое участiе.

Отри-

Отринь сію мысль, которая меня оскорбляетъ, отвѣчалъ Абдерамъ, и посмотримъ, на какомъ основаніи надмѣру опасная Менина вводитъ меня въ подлые свои замыслы; и будь обнадеженъ, что естьли Лавра находится между Сарацинами, хотя бы во внутренности чертоговъ Мирамолиновыхъ, то либо потеряю я жизнь, или соединю тебя съ нею навсегда. Толь великодушное обѣщаніе, отвѣчалъ Ерихъ, побуждаетъ меня столько сожалѣть о томъ, что Лавра не попалася въ твои руки, сколько имѣлъ я прискорбія за нѣсколько минутъ прежде, почитая тебя обладателемъ оныя. Ты разсудить можешь, государь, говорилъ онъ, продолжая свою повѣсть, въ какое смятеніе привели меня слова Менинины: я былъ совсемъ готовъ говорить; но Іустина положа руку свою на уста мои, моля меня глазами слушать съ терпѣливостію, принудила меня къ молчанію, дабы услышать послѣдствіе моего злоключенія. Въ самомъ дѣлѣ сія злобная женщина увѣдомила свою наперстницу, что въ то время когда Лавра почитаема была за мущину, она

она была свидѣтельницею ; безъ вѣдома нашего тѣхъ совѣтовъ, кои подавала она мнѣ противъ ней въ первомъ разговорѣ, о которомъ сказывалъ я вамъ прежде ; и будучи увѣрена, что сей мнимый Агеноръ отвращалъ меня соотвѣтствовать ея горячности, вознамѣрилась отъ него освободиться, и три человѣка, кои на него напали, здѣлали то не инако какъ по ея повелѣнію; но когда Агеноръ нанесъ имъ смерть противъ ея чаянія, тогда ожидала она какого нибудь другаго случая его погубить.

Извѣстіе о перемѣнѣ его пола и нашея взаимныя любви здѣлавъ ненависть ея совершенною, признавъ ее за свою совмѣстницу, побудило ее принять намѣреніе отмстить ей, и мнѣ, разлучивъ насъ. Въ семъ намѣреніи исходатайствовала она, что бы бракъ нашъ совершился въ Монтобанѣ; потому что положеніе сего замка благопоспѣшно было ея вымыслу, близостію своею съ моремъ: Она употребила то время, коего требовалъ Албертъ къ своимъ пріуготовленіямъ, дабы здѣлать мщеніе свое неминуемымъ. Ты знаешь,

 сказала

сказала она своей наперстницѣ, что Герцогъ подарилъ мнѣ Африканку взятую въ послѣднюю войну; я избрала ее, дыбы исполнить предпрiятое мною намѣренiе: Сiя дѣвка воздыхала непрестанно о своей вольности; я обѣщала ей оную съ великимъ награжденiемъ, естьли пожелаетъ она послужить мнѣ вѣрно въ нѣкоторомъ дѣлѣ важномъ для моего покоя. Она не колебалась, и дѣлала мнѣ ужасныя клятвы, предпрiять все то, что я прикажу. Тогда сказала я ей, что надлежало освободить меня отъ Лавры д' Агенъ, и увести ее съ собою; и увѣдомила ее, какимъ образомъ ей въ томъ поступить; она мнѣ то обѣщала, съ договоромъ, что бы дозволила я ей отписать въ Ишпанiю, дабы быть вспомоществуемой въ семъ предпрiятiи нѣкоторыми знакомыми ей Сарацинами. Я ей то дозволила. Въ самомъ дѣлѣ здѣлала она такъ хорошо, что когда поѣхали мы въ Монтобанъ, тогда корабль непрiятельскiй находился при устьѣ Дордоны, со всѣмъ въ готовности ее принять, когда придетъ къ тому время. Я притворилась прежде моего

его отъѣзда сказывать явно, что возвратила ей свободу, и что она отправилась ужѐ въ свое отечество; но она поѣхала тайно въ окрестности Монтобана, гдѣ приказала я ей ожидать моего повелѣнія. Наконецъ въ нощь брака Лаврина, Африканка моя взявъ шлюпку украшенную равно какъ и другія, наполнила оную тѣми, кои были въ большемъ караблѣ; и въ переодѣяніяхъ, кои я выдумывала, приказавъ стать мущинѣ въ одѣжде подобной Ериховой и ходить по стопамъ Лавринымъ. Онъ предложилъ ей посмотрѣть Гондолы, которую онъ, какъ сказывалъ, повелѣлъ украсить для ней, дабы гулять во оной на другой день. Она согласилась на то, и дала ему руку, думая достовѣрно, что то былъ ея супругъ. А я, подъ одеждою Лавры, забавляла Ериха, который слѣдовалъ за мною повсюду, признавая меня за нее, а она въ сіе время ведена была насильно или добровольно въ корабль Сарацинской; потому что не взирая на всѣ чинимыя поиски, не могли имѣть объ ней никакова извѣстія, и я не слыхала потомъ ничего ни объ ней, ни объ

Африканкѣ, которая меня точїю увѣряла прежде своего отъѣзда, что совмѣстница моя отдана будетъ въ руки Абдераму, Генералу Сарацинскому, и что естьли сей Принцъ не оставитъ ее для себя, то будетъ она украшать Сераль Калифа Мирамолина; и я не сомнѣваюсь, чтобъ не содѣржала она мнѣ своего слова, потому что намѣренїе мое толь было удачливо. Но всего прїятнѣе для меня въ семъ приключенїи то, что Ерихъ совсемъ истреблень изъ моего сердца, и я ево столькожъ ненавижу, сколько прежде любила: отвращенїе его ко мнѣ и привязанность къ Нумеранѣ изцѣлили меня навѣки отъ такой страсти, которая нарушала всѣ минуты моея жизни, и я не чувствую болѣе ничего кромѣ радости, что отмстила за его презрѣнїе, и здѣлала его нещастливымъ на остатокъ дней его.

Сїя зловредная женьщина вставъ при окончанїи сихъ словъ, вышла изъ кабинета, и удалилась такъ, что мы ее болѣе не слышали: однако не думалъ я ей быть еще въ отдаленїи, какъ пораженный печалїю

чалїю и яростїю вскричалъ я, что то было чудовище, кое надлежало удушить. Какъ восклицанїе сїе разбудило Принцессу, то спросила она меня съ ужасомъ, съ кемъ я имѣлъ дѣло. Іустина Севинъ еще блѣднѣя и трепеща отъ слышаннаго, разсказала ей про то отъ слова до слова. Сїя великая Принцесса обьята была отъ того ужасомъ; но не находя средства противъ моего злополучїя, употребляла все свое велерѣчїе, дабы убѣдить меня сносить то съ твердостїю. Я бросился къ ногамъ ея, и молилъ ее дозволить мнѣ увѣдомить Герцога о сей ужасной измѣнѣ; она запретила мнѣ то дѣлать, не посовѣтуя съ моимъ родителемъ и Леонорою. Я здѣлалъ ею желаемое. Албертъ де Монтобанъ былъ жестоко тронутъ моимъ повѣствованїемъ, а Леонора хотѣла немедлѣнно итти просить справедливости у Евда; но родитель мой, послѣ многихъ разсужденїй, въ томъ ей воспрепятствовалъ: мы погубимъ всѣ себя, сказалъ онъ намъ, обвиняя Менину предъ Герцогомъ; сїя женьщина когда скажетъ ему только лишь едино

ное слово, то покажется предЪ нимЪ невинною, и здѣлаетЪ насЪ виновными; не можно открыть ненависти ея кЪ Лаврѣ, не говоря о любви ея кЪ Ериху. Я знаю государей: ГерцогЪ для соблюденія себѣ своея любовницы почтетЪ ее вѣрною, и здѣлаетЪ сына моего виновнымЪ, за то что привелЪ себя кЪ ней вЪ любовь, и обратитЪ на него ту ревность, коей не осмѣлится оказать Менинѣ. Все сіе обнародованіе не возвратитЪ намЪ Лавры. Лучше намЪ молчать, и отправить вѣрнаго и скромнаго человѣка вЪ Ишпанію, и воспріять прибѣжище прямо кЪ Принцу Абдераму; онЪ щедрЪ и великодушенЪ, я напишу кЪ нему самЪ, изображу ему наше злополучіе, и увѣренЪ, что есть-ли Лавра вЪ его власти, то не поколеблется онЪ намЪ ее возвратить, или увѣдомить насЪ о ея судьбинѣ.

Признаюсь тебѣ, государь, сказалЪ ЕрихЪ Принцу Сарацинскому, что я пребывалЪ долгое время не вкушая сего средства, и не склонялся на намѣреніе писать кЪ тебѣ сЪ такою довѣренностію, не имѣя инаго помысла какЪ отнять

утебя

утебя жизнь. Я оспоривалъ причины Албертовы изо всей моей силы, Леонора дѣлала тоже; но онъ не хотѣлъ никогда допустить себя убѣдить, и говорилъ намъ столько разъ, что вовлечемъ мы Принцессу Аквитанскую въ наше нещастіе, и Менина обвинитъ ее, что вступила она въ нашъ заговоръ дабы ее погубить, что страхъ, быть виною таковаго нещастія, удержалъ насъ и принудилъ согласиться на его желаніе. И такъ послали мы, тому назадъ около трехъ мѣсяцовъ, одного изъ конюшихъ Албертовыхъ въ Ишпанію, приказавъ ему отдаться въ полонъ Сарацинамъ безъ малѣйшаго сопротивленія, и просить, чтобъ его къ тебѣ представить для нѣкоего важнаго дѣла. Скоро послѣ его отъѣзда, смерть похитила моего родителя, и какъ Небо не хотѣло мнѣ оставить нималѣйшія отрады, то потерялъ я и Леонору, мать дражайшія моея Лавры, которая не могши понести своея печали, пережила точію двумя недѣлями Алберта.

Герцогъ думая, что честолюбіе изтребитъ изъ сердца моего всѣ предмѣты печали, кои постигали меня безперерывно, почтилъ меня надзирательствомъ своего дворца и губернаторствомъ Аквиты; но сіи щедроты, кои бы были мнѣ драгоцѣнны въ другое время, стали для меня тягостны въ настоящемъ моемъ состояніи, принуждая меня къ такимъ должностямъ, кои отвращали меня предаваться моему отчаянію, которое только лишь умножалось съ отъѣзда де Лаваля, того конюшаго, о коемъ я вамъ говорилъ, не получая отъ него никакова извѣстія; и смѣю обнадежить васъ, что въ восемь мѣсяцовъ, какъ потерялъ я Лавру, не чувствовалъ я ниединаго движенія радости, кромѣ того, что былъ вамъ потребенъ. Ваше присутствіе, съ перваго дня какъ васъ увидѣлъ, уменшило ту печаль, которая меня снѣдала; съ того времяни не находилъ ни въ чемъ прямаго удовольствія, кромѣ вашихъ разговоровъ; и въ самую сію минуту чувствую въ себѣ облегченіе толь великое разсказывая вамъ моихъ нещастіяхъ,

щастїяхъ, что кажется мнѣ, будто онѣ оканчеваются, будто увижу я паки дражайшую мою Лавру, и что мнѣ не остается болѣе ничего желать, ниже бояться какого приключенїя.

Несомнѣвайся въ томъ, храбрый Ерихъ, сказалъ тогда Абдерамъ, видя, что пересталъ онъ говорить: сїи движенїи въ нашу пользу происходящїя суть достовѣрныя предсказанїи конца твоихъ мученїй, и что получишь ты можетъ быть изъ нашихъ рукъ мужественную Лавру д' Агенъ; что до меня, то обѣщаю я тебѣ, не щадить ничего, дабы ее сыскать, и тебѣ возвратить. А то подлинно, что я ее никогда не видалъ, и никто не показался мнѣ отъ Алберта де Монтобанъ. Вѣроломная Африканка, наперстница Менинина, не употребила безъ сомнѣнїя въ свое предпрїятїе Сарацинъ мнѣ подвластныхъ; они бы не вступили никогда въ сей умыселъ, меня о томъ не увѣдомивъ. Я командую во всей Ишпанїи за Мирамолина, но есть нѣкоторыя пропровинцїи имѣющїя особенныхъ губернаторовъ. Мунуза, храбрый пол-

ководецЪ Арапскій, но жестокій и кровожаждущій, имѢетЪ главную команду во всей землѢ находящейся посю сторону рѢки Эбра, хотя онЪ точію мой намѢстникЪ вЪ своей губерніи. Можетъ быть ево подчиненнымЪ поручено похищеніе Лавры; но какЪ бы то ни было, однако я скоро буду о томЪ увѢдомленЪ, и возмогу его принудить дать мнѢ вЪ томЪ отчетЪ. Король Астурійскій дѢлалЪ ему сЪ своей стороны тѢже обѢщаніи, и обое умѢли его утѢшить и возвратить ему надежду толь благороднымЪ и нѢжнымЪ образомЪ, что не могЪ онЪ не ласкать себя какою нибудь счастливою перемѢною. КакЪ сія мысль здѢлала его нестоль задумчивымЪ, то ужиналЪ онЪ сЪ Принцами; а Фроила желая показать ему свое почтеніе полною довѢренностію, окончалЪ вечерЪ сей повѢствованіемЪ о своей любви кЪ ПринцессѢ Аквитанской, о произшедшемЪ во время его сЪ нею свиданія, и отомЪ, что намѢренЪ онЪ былЪ учинить, дабы получить ее отЪ Герцога.

XXXII. НОВОСТЬ

продолженіе нумераны,

Разговоръ Принцевъ съ Ерихомъ довелъ ихъ толь далеко, что сей нещастный любовникъ не могъ инако предстать къ Герцогу Аквитанскому, какъ въ то время, когда ложился онъ почивать, и принужденъ былъ выѣхать не видѣвъ Принцессы. Но на другой день пошедъ ранѣе въ комнату Іустины Севинъ, увѣдомилъ ее о упражненіи, которое имѣлъ онъ на канунѣ, и какимъ образомъ Король Астурійскій и Принцъ Сарацинскій ему открылися. Какъ сіе приключеніе подавало великую надежду навѣдаться о Лаврѣ, то любезная Севина, предавшись природной своей веселости, смѣялась много вспыльчивости Абдерамовой и удивленію правителя Аквиты; и будучи увѣрена о удовольствіи, которое причинитъ Нумеранѣ, разсказывая ей про то, разлучилася не для инаго чего съ Ерихомъ, какъ чтобы ей о томъ донести. Сія Принцесса почувствовала отъ того прямую радость; и

и хотя оная тревожилася всѣмъ тѣмъ, что до нее самолично касалося, однако доброта ея свойства побуждавшая ее желать щастія другимъ стольже усердно сколь и своего, здѣлала ее безмѣрно чувствительною къ надеждѣ, которую предусматривала для Ериха.

Между тѣмъ дворъ перемѣнилъ видъ въ тотъ самый день прибытіемъ Менины, коея отсутствіе такую наводило скуку Евду, что казалось, бутто по возвратѣ ея воспріялъ онъ къ ней новое усердіе. балы, позорища и пиршества, коимъ надлежало преслѣдовать конское ристаніе, были тотчасъ распредѣлены, и не смѣли болѣе говорить ни о чемъ кромѣ радости и увеселенія. Осталося только восемь дней до ристанія; обыватели города Аквиты упражнялися только въ стараніи появиться съ знатностію, и окрестности онаго наполнены были чужестранцами со всѣхъ сторонъ пріѣзжавшими. При дворѣ учреждены были многіе маскарады, въ коихъ Король Астурійскій и Принцъ Абдерамъ находились въ чрезвычайныхъ одѣяніяхъ. Величественный ихъ видъ и частыя пере-

перемѣны одѣянія, кои нарочно дѣлали, дабы обманывать любопытныхъ, были причиною, что имѣли они преимущество предъ всѣми другими, и не говорили болѣе ни о комъ, какъ о двухъ незнакомцахъ. Но не взирая на желаніе, кое изъявлялъ каждый, дабы узнать, кто они таковы, вели они себя съ такимъ благоразуміемъ, и вѣрный Ерихъ прилагалъ толико стараній ихъ скрывать, что Іустина и Принцесса Аквитанская однѣ только могли ихъ знать. Нумерана пользовалась многократно смятеніемъ сихъ празднествъ, дабы сообщать другъ другу свои мысли: Ерихъ и Іустина промышляли имъ продолжительныя свиданіи, къ коимъ Абдерамъ былъ всегда приглашаемъ; и какъ по Королѣ Астурійскомъ мало людей были толикія любви какъ онъ достойны, и какъ искренное ево дружество къ Фроилѣ и горячая любовь къ Алазиндѣ умножали еще его достоинства въ глазахъ Нумераниныхъ, то воспріяла она къ сему Принцу отмѣнное почтеніе. Но сколь ни тайны были сіи свиданіи, однако не скрылися бы онѣ

можетъ

можетъ быть отъ ревниваго любопытства Менинина, естьлибы разумъ ея не занятъ былъ намѣренїемъ гораздо еще бѣдственнѣйшимъ для сихъ свѣтлѣйшихъ любовниковъ, нежели то, чтобъ ихъ открыть.

Какъ ненависть сея Принцессы, противъ Нумераны брала новыя силы, поелику видѣла она умножающуюся ея красоту, и честолюбїе ея побуждало ее взирать съ нѣкоторымъ родомъ бѣшенства на то преимущество, кое давала ей порода ея надъ нею, то старалася она въ мысляхъ своихъ единственно о томъ, чтобы искать способовъ освободиться отъ ней такимъ образомъ, дабы не могла она ей ни въ чемъ оспоривать. Какъ ласкалася она, что Герцогъ вознамѣрится на ней жениться, естьли дщерь его будетъ подъ закономъ брака, то тревожилася толь сильно, дабы сыскать ей такого супруга, который бы подъ наружностьми приличными интересамъ Евдовымъ, былъ въ самой вещи полезенъ ея ненависти и честолюбїю; и такъ устремила она взоры свои на одного человѣка въ

свѣтѣ,

свѣтѣ, который былъ недостойнѣйшїй сея чести, своимъ чиномъ, особою и качествами.

Мунуза съ природы Арапъ, Губернаторъ у Мирамолина завоеванныхъ провинцїй по сю сторону рѣки Эбра, намѣстникъ Абдерамовъ, и коего, казалось, что натура забавляясь, создала стольже гнуснымъ, сколь Фроилу здѣлала наипрекраснѣйшимъ Принцемъ своего времяни, былъ тотъ счастливый смертный, коему сїя злобная женьщина назначила въ сердцѣ своемъ наипрекраснѣйшую Принцессу въ свѣтѣ. Не успѣла она предпрїять сего неистоваго намѣренїя, какъ помышляла оное исполнить: она знала силу удивительныхъ прелестей Нумераниныхъ, и будучи весьма удостовѣрена въ пламѣни, которое онѣ воспалять умѣли, послала тайно портреты сея Принцессы ко двору Мирамолинову: тотъ, который имѣлъ Король Астурїйскїй, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые она отправила. Калифъ Исканъ Мирамолинъ получилъ одинъ; а Мунуза другой; и какъ я уже сказалъ, что сїя живопись возжигала огнь въ сердцахъ тѣхъ, кои ими владѣли,

то и Мунуза не былъ отъ того чуждъ равно какъ и другіе; но какъ нравъ его горделивый, жестокій и немилосердый придавалъ любви его погрѣшности, и пороки его души, то лишъ только почувствовалъ онъ къ ней склонность, какъ помышлялъ оную удовольствовать, во что бы то ему ни стало. Но хотя думалъ, что Принцесса Аквитанская будетъ надмѣру щастлива, естьли выдетъ за такова каковъ онъ былъ, однако разсуждалъ что владѣлецъ Христіанскій не выдастъ дщерь свою за простаго Генерала Арапскаго безъ особливыхъ причинъ, и что надлежало здѣлать ему предложеніи довольно сильныя, дабы его къ тому принудить; онъ нашелъ въ тщеславіи своемъ толь благопріятныя для честолюбія Евдова, что не сомнѣвался о удачѣ своего намѣренія.

Но какъ не могъ онъ оставить своей губерніи безъ всякаго вида, а надлежало переговорить съ Герцогомъ о семъ великомъ дѣлѣ, то вознамѣрился онъ послать ко двору сего Государя человѣка смѣлаго, предпріимчиваго и вѣрнаго, единаго наперстника

перстника всѣхъ своихъ мыслей. Онъ назывался Исуфомъ; ему объявивъ онъ свои намѣренiи приказалъ разсмотрѣть сперва поступку сего двора, узнать хитрости онаго, и привесть себя въ состоянiе посмотрѣть, такова ли въ самомъ дѣлѣ прекрасна Нумерана, каковъ ея портретъ, дойтить до того, что бы свести дружбу съ любимцами государскими, проникнуть его политику, чего онъ боялся, чего могъ требовать, и намѣренiе его любочестiя; доносить ему точно о познанiяхъ, какiя получитъ овсемъ, дабы могъ онъ ему подавать наставленiи потребныя къ тому, чтобы поступать съ успѣхомъ.

Никто не былъ такъ способенъ, какъ Исуфъ къ сему производству: будучи хитръ, тонокъ, обманчивъ, и остроуменъ, обнадежилъ своего друга, что будетъ онъ имъ доволенъ; и поѣхавъ въ Аквитанiю въ концѣ осени, то есть за пять мѣсяцовъ до открытiя конскаго ристанiя, имѣлъ онъ время распознать дворъ прежде прибытiя Фромилы. Онъ проникнулъ скоро столько, дабы увидѣть, что Менина

имѣла полную власть, и что надлежало прилѣпиться къ ней, естьли кто восхощетъ имѣть успѣхъ. Какъ онъ былъ мужъ знатный между Арапами, то появился при дворѣ Евдововъ по своей природѣ, подъ видомъ желанія странствовать: и такъ принятъ онъ былъ съ тою знатностію, коей долженствуютъ чужестранцамъ, какого бы народа они ни были. Онъ видѣлъ Принцессу Аквитанскую, и нашедъ ее гораздо лучше ея портрета, отписалъ къ Мунузѣ, коего пламя, умножилося такъ при чтеніи сего писма, что повелѣлъ онъ ему продолжать ево намѣреніе.

Для сей причины прилѣпился онъ крѣпко къ Менинѣ. Сія Принцесса, коей всѣ угожденіи были пріятны, отъ кого бъ онѣ ни происходили, и коея любопытство было безпредѣльно, лишь только провѣдала, кто онъ таковъ былъ, какъ воспріяла къ нему дружество; и спрашивала его многократно о обычаяхъ его земли и о красотѣ женщинъ; онъ отвѣтствовалъ ей подавая знать, что красота ея и Нумеранина превосходитъ всѣхъ на свѣтѣ.

свѣтѣ. Таковыя рѣчи лаская ея суеславїю, снискали ея къ нему повѣренность: онѣ дошли наконецъ до того, что говорили другъ другу довольно откровенно о любовныхъ дѣлахъ; и какъ имѣла она столько желанїя узнать, имѣла ли Принцесса обожателей между Арапами или Сарацинами, сколько имѣлъ онъ онаго, ей про то сказать, то не долго онѣ пребывали, не сообщивъ другъ другу своихъ мыслей, Исуфъ говорилъ о любви Мунузиной, а Менина обрадовавшись тому объявила, что хощетъ ему въ томъ услужить. Не требовалось болѣе сего симъ двумъ особамъ къ сооруженїю нещастїя Принцессина. Менина постаралась увѣдомить Арапа, какимъ образомъ поступать Мунузѣ, дабы достигнуть сего союза, и увѣряла его толь достовѣрно, что склонитъ къ тому Герцога, что по трехъ мѣсячномъ пребыванїи и по полученїи наставленїй поѣхалъ онъ изъ Аквиты, дабы подать другу своему толь приятную надежду, и побудить его поступать по согласїю съ Мениною, которая показала ему, какимъ об-

разомъ могли онѣ имѣть надежное и тайное сообщенiе ; и какъ нѣсколько времяни спустя послѣ того случилося приключенiе Лаврино, и дворъ былъ въ великомъ смятенiи отъ сего случая, а Герцогъ отъ того казался чрезъ многiе дни скучнаго нрава, то Менина не хотѣла ему говорить ни о какомъ дѣлѣ: но когда увидѣла, что начали привыкать къ нещастiю Ерихову, и смерть господъ д' Агена и де Монтобана освободила ее отъ двухъ особъ, кои бы не стерпѣли никогда, чтобъ Евдъ жертвовалъ Нумераною полководцу Арапскому, тогда умѣла она улучить толь изрядно время свое съ симъ государемъ, что удалось ей доказать ему, что интересъ ево требуетъ выдать дочь свою за такого человѣка, который бы могъ удержать Сарацинъ, между тѣмъ какъ пойдетъ онъ противъ Карла Мартела.

Герцогъ, который не взирая на свои успѣхи и страхи желалъ бы, чтобъ Принцесса вышла за самовластнаго государя, здѣлалъ сперва нѣкоторыя затрудненiи; но Менина столько къ нему приставала, и

такъ

такѣ ево принуждала, что сей государь, не видя и не слыша какѣ чрезѣ нее, обѣщалѣ ей выслушать предложенiи Мунузины. Сiя зловредная женщина удостовѣренная вѣ своей побѣдѣ; когда согласился онѣ ее слушать, увѣдомила Мунузу о намѣренiяхѣ Герцога; и предписала ему сама тотѣ планѣ, по коему поступать надлежало. Онѣ послалѣ паки Исуфа кѣ сему двору, приказавѣ увидѣть точiю одну Менину, и скрываться рачительно отѣ всѣхѣ тѣхѣ, коихѣ почтетѣ она подозрительными. Сей проворный наперстникѣ прибылѣ за нѣсколько дней прежде Короля Астурiйскаго; и показался только одной Менинѣ; она разсудила, дабы стараться безѣ отваги о ихѣ намѣренiи, и не имѣть министровѣ Герцогскихѣ за ними присматривающихѣ, что надлежало выѣхать изѣ Аквиты. Для сей причины пославѣ Исуфа вѣ великолѣпный увеселительный домѣ, который имѣла вѣ нѣсколькихѣ миляхѣ отѣ города, потомѣ поѣхала сама туда подѣ видомѣ, будто здравiе ея требовало того, что бы пользоваться деревенскимѣ возду-

хомъ; и тамъ то она и Исуфъ привели все въ состоянїе, дабы Герцогъ подписалъ точїю сей бѣдственный договоръ, между тѣмъ какъ Нумерана и Фроила ласкали себя соединиться навѣки знаменитымъ бракомъ.

Конское ристанїе выдумано было Мениною предъ ея отъѣздомъ единственно для того, дабы лишить всѣхъ того мнѣнїя, что Герцогъ помышлялъ о ревностнѣйшихъ дѣлахъ; и чинимыя часто Герцогомъ поѣздки въ одинъ загородной домъ, который имѣлъ онъ на дорогѣ ведущей къ дому Менинину, происходили для того, дабы видѣть тамъ тайно Исуфа, который приѣхалъ туда безъ наималѣйшїя свиты; и когда Менина возвратилась кодвору, тогда Арапъ отъѣхалъ въ Ишпанїю съ трактатомъ между Герцогомъ и Мунузою, подписаннымъ со обѣихъ сторонъ. И какъ радость Евдова и Менинина, увидѣвшись, умножилася тѣмъ удовольствїемъ, кое имѣли отъ заключенїя сего союза, то подавала оная имъ столько упражненїя, что не примѣчали онѣ происходившаго между

жду такими людьми, коихъ они для себя почитали маловажными.

Какъ сiе спокойствiе споспѣшествовало намѣренiямъ Фроилы, и подавало Нумеранѣ болѣе свободы, то воспользовались онѣ онымъ, сколько возможно было, во время двухъ недѣль забавъ и увеселенiй, кои преслѣдовали Конскому ристанiю.

За три дни перваго числа Апрѣля мѣсяца, Губернаторъ Аквиты вывезъ отъ туда Короля Астурiйскаго и Принца Абдерама, дабы съѣздить въ одно сосѣдственное село зависящее отъ его губернiи, дабы ожидать тамъ времяни ристанiя, и въѣхать въ городъ какъ иностранцамъ только лишь прибывшимъ. Не хотя, что бы увидѣли ихъ выѣхавшихъ изъ его дому совѣтовалъ онъ имъ остановиться въ Корчмѣ, гдѣ множество Кавалеровъ приѣхавшихъ для той же самой причины, заняли себѣ квартиру; и какъ каждый во время такихъ забавъ за удовольствiе себѣ вмѣняетъ быть незнаемымъ, то скрывалися они другъ отъ друга съ равномѣрнымъ тщанiемъ; между тѣмъ Абдерамъ не имѣя толь смущеннаго

ума какъ Фроила, и стараясь его развеселять, любопытствуя видѣть всѣхъ чужестранцовъ входившихъ въ сїе мѣсто, думалъ познавать одного изъ нихъ, хотя головный его уборъ скрывалъ отъ него лице его. Онъ былъ съ другимъ, и какъ обое требовали комнаты, въ которой бы могли быть одни, то примѣтилъ онъ, что хозяинъ повелъ ихъ въ ту, которая была возлѣ ихъ, и что была точїю весьма дурная перегородка, которая ихъ раздѣляла. Онъ прилагалъ все свое старанїе, ихъ слушать, дабы увѣриться, что онъ не ошибается, разсуждая, что извѣстится онъ о томъ по ихъ голосу. Въ самомъ дѣлѣ сїи кавалеры лишь только вошли въ сїю комнату, какъ одинъ изъ нихъ началъ говорить: я не знаю, сказалъ онъ своему товарищу, какъ можемъ мы увидѣть Абдерама; Алазинда толь усильно насъ просила скрываться рачительно, что я боюсь того, что не возможно намъ будетъ его сыскать, естьли не осмѣлимся подступить ни къ кому. Какъ сей голосъ удостовѣрилъ Принца, что тотъ, коего думалъ онъ опознать, былъ въ

самомъ

самомъ дѣлѣ вельможа Сарацинскій именемъ Музаидъ, знатнаго достоинства, и одинъ изъ первыхъ меду тѣми, кои были ему вѣрны, и котораго оставилъ онъ при Алазиндѣ какъ человѣка повѣреннаго, то хотѣлъ онъ ожидать отвѣта другаго кавалера, дабы открыть также, кто онъ таковъ.

Не то меня смущаетъ, отвѣчалъ сей чужестранецъ; я могу показать тебѣ достоворный способъ увидѣть и поговорить съ свѣтлѣйшимъ супругомъ Алазинды: но храбрый Музаидъ, для меня толь важно быть незнаему при дворѣ Герцога Аквитанскаго, что страхъ, быть открыту, причиняетъ все мое безпокойство, не для того, что бы боялся я отважить жизнь свою, но жизнь Ериха, правителя Аквиты, къ коему надлежитъ тебѣ прибѣгнуть, и который погибнетъ, естьли узнаютъ что Агеноръ живъ. Когда имя Агенора поразило Абдерама безмѣрнымъ удивленіемъ, и онъ уразумѣлъ, что Алазинда прислала къ нему Музаида не безъ весьма важныхъ причинъ, тогда не хотѣлъ онъ медлить, не давъ о себѣ знать, и перешедъ въ

 комнату

комнату сихъ чужестранцовъ, не сообщивъ о томъ ничего Королю Астурїйскому, постучался по тихонку у дверей. Онъ имѣлъ лице открытое и когда Музаидъ пришелъ ему отперетъ оныя, тогда узнавъ его тотчасъ: ахъ! Государь, вскричалъ онъ, по какому счастїю нахожу я тебя въ сихъ мѣстахъ, и какой благоприятный незапный случай выводитъ меня изъ затрудненїя, въ коемъ я въ сїю минуту находился?

Дражайшїй мой Музаидъ, отвѣчалъ ему Абдерамъ обнявъ его, я тебя о томъ увѣдомлю, но прежде дозволь, чтобъ спросилъ я тебя, что тебя сюда привело; Алазинда ли послала тебя нарочно, или желанїе быть при конскомъ ристанїи тебя сюда привлекло: и кто таковъ сей храбрый Кавалеръ? сказалъ онъ воззрѣвъ на чужестранца, коего шишакъ до половины приподнятый показывалъ точїю весьма малую часть лица.

При сихъ словахъ затворивъ дверь дабы не быть пресѣчену, и чужестранецъ думая, что то былъ конечно Принцъ Сарацинскїй, снявъ свой шишакъ, и поклонясь ему съ отмѣн-

отмѣнною пріятностію: Государь, сказалъ ему, храбрый Музаидъ можетъ увѣдомить тебя о причинѣ своего путешествія; но я имъ толь недавно знаемъ, что одинъ я могу извѣстить тебя о томъ, что до меня касается. И такъ, отвѣтствовалъ ему Абдерамъ, который увидѣлъ тотчасъ по красотѣ его, что ето значило, имѣю я счастіе узнать прежде Музаида, кто таковъ прелестный Агеноръ? что! Государь, отвѣчалъ онъ съ удивленіемъ, сіе нещастное имя не уже ли тобою знаемо? Другъ Ериха де Монтобана, сказалъ ему Принцъ усмѣхнувшись, не долженъ не знать приключеній Лавры д' Агенъ. Сего довольно, Государь, отвѣчала сія прекрасная дѣвица; ибо въ самомъ дѣлѣ ето была она сама: послушай Музаида; а когда отправитъ онъ свою комиссію; тогда увѣдомлю я тебя, что здѣлало меня его спутникомъ.

Тогда Абдерамъ сѣлъ, и повелѣлъ имъ тожъ учинить. Музаидъ оборотясь къ Принцу: я приѣхалъ, государь, сказалъ ему, извѣстить тебя отъ Алазинды, что Мунуза ищетъ сложить съ себя иго

иго Калифа Искана Мирамолина, собираетъ знатное число оружїй, и ужѐ привелъ подъ свои знамена всѣхъ Араповъ, кои служитъ въ состоянїи, что Арапы тѣхъ провинцїй, кои ему подчинены, дѣлаютъ ежедневно новыя обиды Сарацинамъ; и по нѣкоему чрезвычайному, но достовѣрному случаю, открыла она потаенный трактатъ между Мунузою и Герцогомъ Аквитанскимъ, столь же предосудительный нашему народу, сколь и Королю ея брату: она вручила мнѣ со онаго списокъ, повелѣвъ не отдавать онаго никому кромѣ тебя, и молить тебя объявить со осторожностїю сїю жестокую вѣдомость Королю Астурїйскому, коему она ничего о томъ не писала, дабы дать поступать въ томъ нашему благоразумїю; и дабы не почиталъ ты мнѣнїя сего Химерою, послала она со мною сего любви достойнаго Кавалера, чрезъ коего узнала она о поступкахъ бунтовщика Мунузы.

Тогда Музаидъ вынувъ записную книжку, подалъ оную Принцу, который развернувъ ее, читалъ слѣдующщїя слова:

Сою-

СОЮЗНЫЙ ТРАКТАТЪ.

Между Герцогомъ Аквитанскимъ и Мунузою Генераломъ войскъ Мирамолиновыхъ, и командующимъ Губернаторомъ завоеванныхъ провинцїй.

Что Мунуза обязуется принять оружїе противъ Сарацинъ, выгнать ихъ изъ всей Ишванїи, и обьявить себя Королемъ оныя, дабы привести Аквитанїю въ безопаcтность отъ насилїй ихъ, и соединиться съ Евдомъ, для сраженїя съ Карломъ Принцемъ Франконскимъ, и возложить Корону Французскую на главу Герцога; а дабы обнадежить Мунузу въ довѣренности сего Государя, обѣщалъ онъ съ своей стороны выдать за него въ замужство Нумерану единую свою наслѣдницу, и отправить церемонїю сего брака, сколь скоро Мунуза восприїметъ оружїе противъ Сарацинъ. Для вѣрности чего они оба сей трактатъ подписали и утвердили.

О! Небо! вскричалЪ ПринцЪ Сарацинскій, какой гнусный заговорЪ! какое неистовое предпріятіе! но, храбрый АгенорЪ, сказалЪ онЪ оборотясь кЪ нему, увѣдоми меня совершенно о всѣхЪ особливостяхЪ, потому что тебѣ долженствуемЪ мы симЪ извѣтомЪ. Не опасайся ничего Музаида; ето другЪ вѣрный, коему поручить могу жизнь мою: онЪ скоряе потеряетЪ свою собственную, нежели приведетЪ насЪ вЪ какую опасность. Не бойся наипаче того, говорить мнѣ вольно; и дабы тебя кЪ тому убѣдить, знай, что свѣдома мнѣ измѣна Менинина, печали вѣрнаго Ериха, и бѣдственное приключеніе случившееся вЪ нощь твоего брака. Хотя бы не былЪ ты толь изрядно обо всемЪ увѣдомленЪ, государь, отвѣчала ему Лавра, однако Принцесса Алазинда толь сильно меня обнадежила, что найду я покровителей вЪ Королѣ ея братѣ, и вЪ Принцѣ ея супругѣ, что не имѣла нималѣйшаго намѣренія скрывать отЪ тебя моихЪ злоключеній: но дозволь, чтобЪ прежде вступленія вЪ сію матерію, оправдала вЪ храбромЪ Музаидѣ тайну, которую

мы

мы ему учинили, Принцесса и я, о моемъ полѣ и имени. Такъ, Государь, продолжала она примѣтя его удивленіе, ты видишь въ товарищѣ твоего пути несчастливѣйшую въ въ свѣтѣ женщину, ты долженъ проникнуть теперь тайну, которую мы предъ тобою хранить принуждены были; не сродно мнѣ было путешествовать въ прямомъ моемъ видѣ съ Музаидомъ, любимцемъ Принца Абдерама, коего лѣта и достоинства привели бы славу мою въ опасность.

Между тѣмъ имѣла я нужду въ проводникѣ незнаемомъ въ Аквитѣ, дабы искать Абдерама, и привести ко мнѣ Ериха, а Принцесса не могла положиться ни на какого, ктобъ былъ тебя достойнѣе: вотъ тѣ причины, продолжала Лавра, по которымъ не зналъ ты нашей тайности. Теперь, Государь, примолвила она, оборотясь къ супругу Алазиндину, осталось мнѣ только увѣдомить тебя, по какому случаю Небо тронутое моими мученіями, привело меня въ руки Принцессы Астурійскія; и какъ свѣдома тебѣ повѣсть моея жизни по самую минуту моего похищенія, то

то начну я повѣствованіе мое отъ сей бѣдственной ночи. Я уже перемѣняла многія одѣянія, и была въ послѣднемъ мѣстѣ одѣта пастушкою, какъ нѣкоторая маска одѣтая равно какъ Ерихъ, и которая показалась такова же стана, подошла ко мнѣ; и удержавъ меня за юпку: наконецъ я тебя узнаю, дражайшая моя Лавра, сказала она мнѣ, и не взирая на твои и Менинины хитрости ты отъ меня не уйдешь. Маска скрывала толь изрядно свой гогосъ, что почетъ его прямо за Ериха, я остановилась, и подавъ ему руку: дражайшій мой Ерихъ, сказала я ему смѣючися, ты толь мало обращался въ твоей любви, что я хотѣла побудить тебя купить хотя на минуту то, что называешь ты непрестанно высочайшимъ твоимъ благоденствіемъ. Когда такъ, сказалъ онъ поцѣловавъ мою руку, то дабы отмстить тебѣ за твою хитрость, хощу я свести тебя въ Гондолу, которую приказалъ я приготовить для тебя на рѣкѣ, и поговорить тамъ съ тобою безъ помѣхи отъ толикаго множества народа; не будемъ снимать

нашихъ

нашихъ масокъ, дабы никто за нами не слѣдовалъ.

Какъ обязательство, въ коемъ я уже съ нимъ находилась, не дозволяло мнѣ отказать ему въ семъ угожденіи, то послѣдовала я за нимъ не доспуская себя просить; и прошедъ однѣ ворота чрезъ звѣринецъ, находящейся въ близости отъ пристани, сошли мы туда, и я нашла тамъ въ самомъ дѣлѣ богатую Гондолу размаленную и вызолоченую со всѣхъ сторонъ съ надписью нашихъ вензелей, и со всѣми приличностьми любви и брака. Между тѣмъ какъ показывалъ онъ мнѣ сіи любовные знаки, шлюпка плыла отъ берегу такъ что я того не примѣтила, и мы уже находились тогда въ довольномъ отдаленіи отъ пристани, когда я то усмотрѣла. Какое твое намѣреніе, дражайшій мой Ерихъ, сказала я ему? Возвратимся въ замокъ; Албертъ и Леонора будутъ безпокоиться, и я думаю, что пора и намъ взять покой. Нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ съ великою пріятностію, еще не поздно, и я хощу свозить тебя на прекрасной островъ, мы

 побудемъ

побудемъ тамъ точїю одну минуту. Я терпѣла еще минуту: и какъ мнѣ стало жарко, то сняла я съ себя маску, и просила Ериха здѣлать тоже, онъ отказывалъ мнѣ въ томъ долго какъ будто издѣваясь; но когда измѣнникъ увидѣлъ меня въ несостоянїи получить помощь, которой я могла надѣяться, тогда допустилъ себя убѣдить, и открывъ свое лице, показалъ мнѣ вмѣсто Ериха одного человѣка, коего я знала, что онъ былъ прежде во услуженїи у Менины.

Разсуди о моемъ удивленїи, о моей печали и о моемъ отчаянїи: я не сомнѣвалась о моей погибели; и не будучи въ состоянїи обороняться, хотѣла я повергнуть себя въ рѣку: но толико людей незнакомыхъ меня удерживали, что не возможно мнѣ было въ томъ успѣть. Подлецъ, сказала я тогда вѣроломному наперстнику Менинину, имѣй жалость надъ одѣянїемъ, которое я на себѣ ношу; естьли бы рука моя была вооружена, тобы не осмѣлился ты никогда ко мнѣ приближиться. Свирѣпство, въ коемъ

я находилась, и усилїи чинимыя мною; дабы вырваться изъ рукъ тѣхъ, кои препятствовали мнѣ опуститься въ воду, принудили побледнѣть сего человѣка, который приближась комнѣ совсемъ въ трепетѣ: ради имени Ериха, сударыня, сказалъ онъ мнѣ, успокой гнѣвъ твой, обѣщай мнѣ не искать смерти, а я здѣлаю что мнѣ возможно будетъ, дабы исправить мое преступленїе. Измѣнникъ! отвѣчала я ему, отвези меня туда, гдѣ взялъ, естьли хощешь, чтобъ я тебя простила. Онъ здѣлалъ мнѣ знакъ, что то не въ ево власти; а я приходя отъ часу въ большее свирѣпство, била ногами и руками тѣхъ, кои меня держали. Между тѣмъ Гондола наша плыла съ крайнею скоростїю, и я увидѣла оную приплывшую къ большому кораблю, съ коего многїе опускались, дабы меня схватить и взвесть на оный. Они не имѣли столько труда, сколько тѣ, кои были въ Гондолѣ; какъ упала я въ обморокъ при семъ плачевномъ видѣ, то отнесли они меня безъ сопротивленїя: надобно,

что бы сей обморокъ продолжался долго, потому что не зная какъ, увидѣла я себя въ каютѣ, не имѣя около меня никого кромѣ Абульмара, того человѣка, который меня толь немилосердо обманулъ, и одной Африканки, которая равно какъ и онъ служила безчеловѣчной Менинѣ: обое стояли предо мною на колѣняхъ, обое были въ слезахъ, и не смѣли почти обратить на меня глазъ своихъ.

Жестокія! вскричала я проливая слезъ источники, время ли уже оказывать мнѣ сожалѣніе? какое ваше намѣреніе? что хотите вы изъ меня здѣлать, и чего должна я ожидать отъ вѣроломныхъ вашихъ сердецъ? Всего, отвѣчалъ мнѣ Абульмаръ, кромѣ того, что бы отвести тебя въ Аквитанію. Тогда не давая мнѣ времяни ему отвѣчать, увѣдомилъ онъ меня, что влюбенъ онъ былъ въ Фатиму, сію Африкаку, которую я видѣла, что принявъ намереніе уѣхать съ нею, клялся онъ ей не покидать ее никогда; что Менина даровавъ ей свободу и знатную сумму, дабы меня похитить, предложила и ему быть

съ

съ нею вмѣстѣ; онъ на то согласился, ибо любовь и прибыль его ослѣпили; онъ ѣздилъ въ Ишпанїю, и подговорилъ сей корабль, коего начальникъ былъ Арапъ знакомый Фатимѣ; а екипажъ его состоялъ весь изъ его земляковъ; что сей человѣкъ коего увѣрили они, что получитъ великое награжденїе отъ Абдерама, естьли привезетъ онъ меня во власть его, не согласится никогда меня отпустить; но онѣ столько раскаиваются о своемъ преступленїи, что дадутъ ему довольно денегъ, когда прїѣдемъ мы въ Ишпанїю, дабы принудить его отдать меня Принцессѣ Астурїйской паче нежели Принцу Сарацинскому: что не могутъ онѣ здѣлать инако, потому что Менина повелитъ ихъ обоихъ умертвить, естьли привезутъ онѣ меня обратно въ Авкиту.

Хотя не много можно было надѣяться на слова людей удобныхъ къ учиненному ими покушенїю, однако разсужденїи мои о томъ, какимъ опасностямъ подверженъ будетъ Ерихъ, естьли сей умыселъ откроется, вложили въ меня намѣренїе допустить вести себя въ Ишпанїю

надѣясь, что оставивъ сихъ измѣнниковъ, найду какой нибудь благопрїятный случай увѣдомить Ериха о моей судьбинѣ, не видя никакой надежды спастися прежде, пока не выду изъ рукъ моихъ хищниковъ.

И такъ приняла намѣренїе успокоиться, и притворяясь имѣть болѣе повѣренности, нежели было въ самой вещи, возбудила я толикое омерзѣнїе въ сихъ мздоимственныхъ душахъ, къ учиненному ими преступленїю, что привела ихъ въ состоянїе мало отъ моего отличествующее, и они дѣлали мнѣ величайшїя клятвы, не вручать меня никому кромѣ Принцессы Алазинды. Я приказала имъ не открывать моей породы, и отдала имъ все что я имѣла денегъ и каменья на себѣ, дабы помочь имъ, подкупить къ тому начальника.

Вѣтръ толь изрядно благопрїятствовалъ сему предпрїятїю, что прибыли мы скоро въ Ишпанїю, гдѣ хищники мои свѣдали о бракѣ Алазинды съ тобою Государь. Какъ сїя вѣдомость испровергнула предпрїятїе начальника, то Фатима предложила

жила ему представить меня Принцессѣ, обнадеживая, что она купитъ меня еще лучше нежели супругъ ея, и обѣщая ему присоединить подарокъ отъ себя къ тому, что она дастъ. Сребролюбивый Арапъ, не старая́сь о томъ, комубъ я ни досталась, только чтобъ ему меня продать, согласился на то. Фатима одѣла меня по обычаю своея земли, и намазавъ мнѣ лице такою мазью, которую легко отмыть можно было, Арапъ и она проводили меня въ Овiедо, и представили меня Принцессѣ. Ты былъ тамъ, Государь, и лишь только примѣтилъ, что понравилась я свѣтлѣйшей Алазиндѣ, какъ заплатилъ все, что отъ тебя требовали. И такъ, пресѣкъ Абдерамъ, ты та прекрасная Африканка, которую я подарилъ Принцессѣ. Такъ, Государь, отвѣчала Лавра покраснѣвши, и сей только одинъ разъ имѣла я честь показаться твоимъ взорамъ, потому что у васъ женщины, какъ ты знаешь, не имѣютъ нималѣйшаго обхожденiя съ мущинами; услуги мои показалися прiятными несравненной Алазиндѣ, она воспрiяла ко мнѣ дружество, и почтила меня своею довѣренностiю.

Она увѣдомила меня о твоей любви къ ней, и какимъ образомъ получилъ ты ее отъ Короля ея брата; она имѣла благосклонность показать мнѣ и сего монарха, коего нашла я гораздо превосходнѣе того, какъ о немъ слыхала. Между тѣмъ не взирая на всѣ ея щедроты, не смѣла я еще ей открыться, боясь, чтобъ будучи сопряжена съ Принцомъ Сарацинскимъ не перемѣнила она своего почтенія въ ненависть; когда бы узнала, кто я: но я разсуждала весьма худо о сердцѣ сея великія Принцессы. Когда Фроила и ты, Государь, поѣхали изъ Овіедо такъ, что не зналъ никто причины вашего отъѣзда, и свѣтлѣйшая Алазинда показалася мнѣ быть въ безмѣрной печали, тогда отваживалася я спросить ее о причинѣ; она отвѣтствовала мнѣ на то не инако какъ слезами. Тогда прямо будучи тронута ея печалію, убѣждала я ее открыть мнѣ оную, обнадеживая ее о моей вѣрности; и какъ искренность изъ глазъ моихъ была видима, то допустила она себя уговорить, и призналася мнѣ, что поѣхали вы въ Аквитанію, что

сильная страсть Короля Астурійскаго къ НумеранѢ виною сей поѢздки, и что вы появитеся при конскомъ ристаніи; но она не можетъ удержаться отъ боязни, зная что вы находитесь въ землѢ непріятельской.

Сіи слова причинили удовольствіе въ душѢ моей, которое написано было и на лицѢ моемъ. Я находила Фроилу толь достойнымъ Принцессы Аквитанскія, что пожелала во внутренности моего сердца его увидя, дабы здѢлался онъ ея супругомъ; и не зная точно, что возбуждало во мнѢ радость въ семъ приключеніи, почувствовала я такую, которую примѢтила Алазинда. Она приказала мнѢ сказать ей, какое участіе пріемлю я въ судьбинѢ Нумераны; и такъ я не думая имѢть лучшаго случая открыться, бросилась къ ногамъ ея, и учинила ей повѢствованіе моея жизни и моего злоключенія. Я имѢла утѢшеніе, видѢть ее къ тому чувствительною; она приказала мнѢ встать, обняла меня, и сказала мнѢ съ великою пріятностію, что хощетъ быть для меня второю Принцессою

Аквитанскою; но не могши терпѣть, чтобъ имѣла я долѣе на себѣ невольническое платье, сказала мнѣ, что лучше она хощетъ, чтобъ надѣла я паки Агенорово, дабы привести себя въ безопасность противъ новыхъ покушенiй; и что прикажетъ она меня признавать за знатнаго человѣка прiѣхавшаго изъ Аквитанiи, дабы просить о покровительствѣ Короля ея брата.

Я здѣлала желанное ею, и смывъ мазь покрывавшую лице мое, показалася на другой же день при дворѣ ея какъ чужестранецъ ищущiй пристанища противъ насилiя своего Государя, и подъ симъ титуломъ имѣла я свободу ее видѣть и съ нею разговаривать столь же часто сколь и ея придворные, потому что, Король братъ ея оставилъ ей полную власть. Она увѣдомила меня что вы имѣете жительство у Ериха правителя Аквиты, и мы искали вмѣстѣ способовъ, дабы просить васъ увѣдомить его о моей судьбинѣ, какъ въ одинъ день выходя изо дворца увидѣла я невольника, коего я узнать думала. Между тѣмъ какъ искала я напоминовенiя о видѣ лица его,

его, онъ подошелъ ко мнѣ съ великими радости изъявленїями; и бросясь къ моимъ ногамъ: возможно ли, сказалъ мнѣ, чтобъ видѣлъ я храбраго Агенора? какъ голосъ его побудилъ меня признать его совершенно за конюшнаго Алберта де Монтобана, по имени Лаваля, то велѣла я ему встать; и отведши его въ мою комнату, спрашивала его, зачемъ прїѣхалъ онъ въ Овїедо, и почто носитъ знаки невольничества?

Онъ увѣдомилъ меня, что уже около четырехъ мѣсяцовъ тому назадъ, какъ выѣхалъ онъ изъ Аквиты, дабы меня искать, расказалъ мнѣ про всѣ измѣны Менинины; какимъ образомъ Ерихъ объ нихъ узналъ, и про писмо, которое господинъ де Монтобанъ вручилъ ему къ тебѣ, что онъ былъ взятъ Сарацинами; но вмѣсто того чтобъ отвести его къ Принцу Абдераму, какъ онъ о томъ просилъ отвели его къ Мунузѣ, коего изобразилъ онъ мнѣ какъ изверга; сей человѣкъ отдалъ его Исуфу, своему любимцу; онъ имѣлъ счастїе толь изрядно скрыть писмо Албертово, что Сарацины укравъ у него его платье, и все что онъ ни имѣлъ съ собою,

собою, не могли сыскать онаго. Исуфъ здѣлалъ его сперьва своимъ невольникомъ, и онъ не видя никакова способа къ поправленію своего нещастія, предался ему доброхотно, дабы исходатайствовать со временемъ свою вольность: онъ привелъ себя въ любовь къ своему господину; но признавъ его за самого обманчиваго въ свѣтѣ человѣка, недовѣрялся онъ всегда его ласкамъ, и не открылъ ему ничего о томъ, кто онъ таковъ, объявляя всегда о себѣ, что онъ бѣдный дворянинъ: какъ Исуфъ не принуждалъ себя предъ нимъ съ Мунузою, думая, что не разумѣетъ онъ ихъ языка, то подозрѣвалъ онъ нѣкоторую между ими хитрость противъ Герцога Аквитанскаго; Исуфъ здѣлалъ двѣ или три тайныя поѣздки, и наконецъ открылъ онъ изъ многихъ разговоровъ, что Мунуза ненавидѣлъ Сарацинъ, хотѣлъ взбунтоваться противъ Калифа, и заключилъ нѣкоторый трактатъ съ Герцогомъ Аквитанскимъ; послѣ многихъ суетныхъ стараній дабы узнать о томъ болѣе, нашелъ онъ наконецъ средство, войти нѣкогда одинъ въ кабинетъ Исуфовъ, гдѣ

нашедъ многія бумажки на его столѣ, увидѣлъ одну, на коей имя Нумераны часто было повторяемо; онъ взялъ оную. и какъ нѣсколько дней спустя, Исуфъ отъѣхалъ весьма поспѣшно, то обманулъ онъ толь изрядно начальника его невольниковъ, что убѣжалъ отъ него; дошелъ до горъ, и перешедъ оныя съ несказанною трудностію, прибылъ въ Овіедо съ писмомъ Албертовымъ ко Абдераму, и съ тою бумажкою, въ которой Принцесса Аквитанская имѣла участіе, въ намѣреніи отвезти оную къ господину де Монтобану, дабы увѣдомилъ онъ Герцога о томъ, что непріятели противъ него безъ сомнѣнія предпринимали. Лаваль пересталъ говорить, благодаря Небо, что нашелъ меня толь благополучно.

Какъ все дѣлалось мнѣ подозрительнымъ, послѣ моего приключенія, то потребовала я отъ Лаваля тѣхъ бумажекъ; онъ отдалъ мнѣ ихъ безъ затрудненія. Я узнала легко почеркъ Алберта де Монтобанъ; но не могши прочитать писма Исуфова, пошла во дворецъ, и донесла Принцессѣ Алазиндѣ о приключившемся,

шемся, отдавъ ей всѣ сіи письма. То, которое Лаваль унесъ у Арапа, было писано на ея языкѣ: она прочитала оныя, и увидѣла съ крайнимъ удивленіемъ, что Евдъ выдаетъ Принцессу дщерь свою за Мунузу съ тѣмъ договоромъ, чтобъ учинилъ онъ нападеніе на Сарацинъ, и выгналъ ихъ изъ завоеванныхъ ими земѣль, между тѣмъ какъ Герцогъ Аквитанской будетъ имѣть войну съ Карломъ Мартеломъ. Что до меня, то я трепетала отъ ужаса услыша про союзъ со всѣхъ сторонъ толь неравный, потому что Мунуза былъ наибезобразнѣйшій изъ всѣхъ мущинъ. И такъ Принцесса разсудя, что надлежало найскоряе упредить сей ужасный ударъ для покоя короля ея брата, и для пользы Мирамолина, спросила моего совѣта о томъ что надлежало намъ дѣлать, потому что сіи писма могли имѣть по себѣ опасное слѣдствіе. Я не нашла лучшаго средства, какъ ѣхать мнѣ самой въ Аквитанію, и увидѣть тамъ тайно Ериха, съ которымъ горѣла я желаніемъ соединиться, и увѣдомить его о семъ умыслѣ, потому что случай конскаго риста-

нія

нія подавалъ мнѣ свободу скрыться. Принцесса похвалила мое мнѣніе; но по нѣкоей политикѣ, коей похулить неможно, боясь, чтобъ не помыслила я единственно о Нумеранѣ, и для пользы моего отечества, не увѣдомила тебя о смятеніи готовящемся въ твоихъ областяхъ просила меня дозволить, что бы Музаидъ меня проводилъ, подавъ мнѣ разумѣть, что двое мущинъ вооруженныхъ всякимъ оружіемъ и снабдѣнныхъ добрыми конями, болѣе въ силахъ обороняться противъ могущихъ приключиться случаевъ, и что Музаидъ не будетъ знать моего пола, и потому буду я въ безопасности, и что не возможно ей не наруша своея должности не послать къ супругу своему мужа вѣрнаго въ толь важномъ дѣлѣ.

Я знала Музаида, и свела уже съ нимъ дружество; и не сомнѣваясь, чтобъ не былъ онъ мнѣ весьма нуженъ, дабы искать Ериха, и ево ко мнѣ привесть, приняла я товарищество его съ радостію. Я хотѣла взять съ собою Лаваля; но какъ онъ впалъ въ болѣзнь, то поѣхали мы съ Музаи-

домъ

домъ безо всякой свиты. Мы употребили толь великую поспѣшность, что прибыли только лишь за одинъ день до конскаго ристанія.

Абдерамъ приносилъ великую благодарность Лаврѣ, Музаидъ оказывалъ ей великое почтеніе, и всѣ трое заключили, что не надлежало говорить Фроилѣ ни о чемъ кромѣ возмущенія Мунузы, не открывая тому причины, и принудить его ѣхать на другой день, увѣривъ его, что Астурія угрожаема. Принявъ всѣ свои мѣры, Абдерамъ повелъ ихъ къ Фроилѣ, который узнавъ Музаида весьма удивился его увидя; но удивленіе его было несравненно больше, когда Принцъ Сарацинскій далъ ему знать о Лаврѣ. Король Астурійскій превосходившій въ нѣжности любви всѣхъ Принцевъ своего времяни, говорилъ ей множество привѣтливостей обязательныхъ и разумныхъ, изъявляя ей отмѣнное почтеніе. Потомъ приступивъ къ причинѣ поѣздки Музаидовой, и разсуждая справедливо, что присутствіе его и Абдерамово весьма нужны въ Ишпаніи, и что междоусобная

ная война будетъ ему вредительнѣе всѣхъ въ намѣренiи, которое имѣлъ, возложить корону на главу Нумеранину, не колебался онъ послѣдовать совѣтамъ своего зятя, ибо польза его славы такъ была сопряжена съ пользою его любви, что не могъ онъ тому противиться, что бы ѣхать.

Послѣ сего предпрiятiя спросили они у Лавры, какое было ея намѣренiе, и расположилася ли она остаться въ Аквитанiи? Я не могу, отвѣчала она имъ улыбаясь, располагать мою судьбину, я стоила столько денегъ Принцу Абдераму, что не могу оставить Алазинды, я столь заставила страдать нещастнаго Ериха, что не могу съ нимъ еще разлучиться безъ великаго труда, и мы обое имѣемъ столько непрiятелей въ сей землѣ, что не можемъ здѣсь жить спокойно. И такъ чтобъ выттти мнѣ изъ смятенiя толь многихъ дѣлъ межъ собою противныхъ, то надобно мнѣ посовѣтовать съ моимъ супругомъ, а потомъ Абдераму рѣшить мою судьбину, потому что пребываю я всегда его невольницею.

 Нѣтъ,

нѣтъ, нѣтъ, сударыня, сказалъ ей съ торопостїю сей Принцъ, ты свободна; я не имѣю нималѣйшаго надъ тобою права; отдалъ бы всю кровь мою, дабы освободить тебя изъ рукъ чужестранныхъ, и возвратить вѣрному Ериху; разсуждай потому, хотѣлъ ли бы я оставить на тебѣ тѣ оковы, кои носила ты потому, что не свѣдомы мнѣ были твои приключенїи: ты увидишь Ериха, и рѣшишь сама съ нимъ то, что довлѣетъ тебѣ дѣлать; но думаю, что надежнѣйшїй способъ состоитъ въ томъ, дабы принудить его слѣдовать за тобою ко двору короля Астурїйскаго, и ѣхать вамъ обоимъ къ Алазиндѣ, позабыть измѣну Менинину и тѣ нещастїи, кои она вамъ причинила. Фроила утверждалъ сїе предложенїе всѣми причинами, кои сїи нещастные любители имѣли, бояться свирѣпства, въ коемъ будетъ сїя Принцесса увидѣвъ паки свою соперницу, потому что легко она разсудитъ то, что знаетъ она, что одна она ее похитить приказала. Лавра не была удалена отъ сего мнѣнїя; но какъ

не

не могла обязаться ни къ чему, не поговоривъ съ Ерихомъ, то положено было, что бы Музаидъ не будучи никемъ знаемъ въ Аквитѣ, поѣхалъ немѣдленно туда, и пошелъ бы прямо въ домъ Губернатора, и просилъ его отъ Принцевъ, приѣхать къ нимъ для нѣкоего весьма нужнаго дѣла. Сїе было въ минуту исполнено; и между тѣмъ какъ Король Астурїйскїй и Абдерамъ извѣщали Лавру о томъ, чего не могла она знать, о хитростяхъ Менины и о склонностяхъ Ериха, Музаидъ исправилъ свою комиссїю съ великимъ благоразумїемъ и поспѣшностїю.

Онъ нашелъ Ериха ѣдущаго въ свой домъ; и хотя не зналъ его, однако какъ величественный его видъ и почтенїе отдаваемое ему его служителями, побудили его думать, что онъ не ошибается, то подошелъ онъ къ нему, и просилъ его учтиво, выслушать его на единѣ. Онъ ввелъ его въ свой кабинетъ, и тамъ любимецъ Абдерамовъ разсказалъ ему, что ево къ нему привело. Ерихъ не вѣдая, по какому случаю сей чужестранецъ зналъ Принцевъ, кои не

давали о себѣ знать никому, и боясь еще какихъ нибудь ухищренiй отъ Менины, сперва усумнился; но когда Музаидъ показалъ ему записную книжку Короля Астурiйскаго, которую сей монархъ ему отдалъ въ случаѣ, естьли Ерихъ усумнится вѣрить, тогда сѣлъ онъ въ минуту на лошадь, и послѣдовалъ за Музаидомъ въ корчму, въ которой были Принцы, не спрашивая у него инаго изъясненiя. Какъ сродно было, что бы губернаторъ Аквиты имѣлъ много дѣла на канунѣ конскаго ристанiя, то никто не почелъ страннымъ увидя его проѣжжающаго городъ съ такою поспѣшностiю; и такъ прiѣхалъ онъ безъ всякаго приключенiя къ симъ свѣтлѣйшимъ гостямъ, кои приняли его съ восхищенiями радости приведшей его во удивленiе.

Справедливо то, дражайшiй мой Ерихъ, сказалъ ему Фроила, что бы получилъ ты сего дня награду за оказанное тобою къ намъ усердiе, и чтобы Принцъ Абдерамъ содержалъ данное тебѣ слово: такъ, храбрый Ерихъ, примолвилъ Принцъ Сарацинскiй, я хощу возвратить

тебѣ несравненную Лавру; но съ договоромъ, чтобы приготовясь къ сему незапному свиданію, душа твоя снесла то съ таковою же твердостію, какую показывала она въ твоихъ злополучіяхъ. увы! Государь, отвѣчалъ онъ ему, я не могу тебѣ ничего обѣщать, имѣю толико труда повѣрить тому благополучію, о коемъ ты меня извѣщаешь, что признаю себя довольно твердымъ подвергнуться тому; но не знаю, не здѣлаетъ ли меня преодолѣнная неимовѣрность слабѣйшимъ изъ всѣхъ людей, здѣлавъ меня прежде нещастливѣйшимъ. Едва окончалъ онъ сіи слова, какъ почувствовалъ себя обнятаго однимъ Кавалеромъ, на коего онъ и не посмотрѣлъ при своемъ входѣ; но какъ лице его прислонившееся къ нему попоказало ему дражайшаго его Агенора, то казалося, что боролся онъ съ своимъ удивленіемъ и радостію единственно для того, дабы имѣть силу, оказать ему нѣжныя свои ласканіи.

Агеноръ! вскричалъ онъ, любезнѣйшая моя Лавра! тебя ли я вижу? чувства его оставили было его послѣ сихъ словъ; но Лавра поддер-

жавъ его, и Принцы приближась къ нимъ, умѣли ихъ толь изрядно оживотворить своими словами и дружествомъ, что сей вѣрный супругъ, пришедшій паки въ себя, и давшій свободное теченіе своимъ восхищеніямъ, не показывалъ болѣе иныхъ слабостей, кромѣ сродныхъ влюбленнѣйшему изъ всѣхъ людей; онъ имѣлъ свидѣтелями оныхъ, сердца̀ надмѣру чувствительныя, дабы опасаться осужденія, и никогда позорище не бывало жалостнѣе, какъ видѣть съ одной стороны сихъ двухъ совершенныхъ любителей, изъявляющихъ другъ другу любовь свою, сожалѣніе и радость, слезами и словами наистрастнѣйшими; а съ другой Абдерама, Фроилу и Музаида, кои пріемля участіе, изъявляли ту радость, которую чувствовали отъ своей ласки и вниманія.

Сіи соединившіяся супруги просили стократно прощенія у монарха Астурійскаго; а сей государь обнимая ихъ обоихъ: когдабъ могли вы, сказалъ имъ, не разлучаться никогда болѣе, и дѣлить когда нибудь мою радость, какъ дѣлю я вашу. Сіи слова побудили воздохнуть

нуть Абдерама и Лавру, кои предвидѣли, что сей любезный монархъ не будетъ наслаждаться сему подобнымъ благоденствїемъ: между тѣмъ принуждали себя, и какъ первыя движенїи сего соединенїя прошли, то Принцы увѣдомили Ериха о полученныхъ ими извѣстїяхъ, и принуждали его сильно ѣхать съ Лаврою въ Ишпанїю. Но какъ губернаторъ Аквиты далъ имъ знать, что честь его и вѣрность къ своему Государю не могутъ поколебаться ни страхомъ ни надеждою, то лишилъ ихъ совершенно того мнѣнїя, что бы побудить его оставить свое отечество. Абдерамъ думалъ убѣдить его тѣмъ, что представилъ ему опасности, коимъ подвергнется Лавра; но онъ отвѣчалъ ему, что естьли сїя дражайшая супруга живетъ для него, равно какъ онъ живетъ точїю для ней, то Монтобанъ будетъ надежное убѣжище отъ Мешины, и она можетъ остаться тамъ незнаема дворомъ и городомъ, во ожиданїи благопрїятнѣйшаго времяни, дабы появиться паки; и что обѣщаетъ онъ Королю Астурїйскому, что естьли Принцесса Акви-

танская будетъ за него выдана, тобѣ Лаврѣ и ему проводить ее въ Ишпанію, и болѣе уже ее не покидать; и смѣю сказать тебѣ, государь, примолвилъ онъ, что будемъ мы тебѣ гораздо полезнѣе здѣсь нежели въ Овіедѣ.

Сіи причины были толь справедливы, что Принцы не хотѣли ихъ опровергать; и какъ тайна, которую Лавра знала, побудила ее познать, какую помощь Ерихъ и она могутъ нѣкогда подать Нумеранѣ, то держала и она ту же сторону. Абдерамъ боясь, что бы сія прекрасная женьщина не подозрѣвала его щедроты безмѣрнымъ стараніемъ, прекратилъ свои прошеніи; и всѣ вмѣстѣ принявъ надежныя мѣры, дабы подавать другъ другу извѣстіи, и увѣдомлять Короля Астурійскаго о томъ что могло касаться до Нумераны и его любви, Ерихъ и Лавра простилися съ ними до завтрея, и обѣщали имъ пріѣхать послѣ ристанія на то же мѣсто. Влюбленный правитель Аквиты желая воспользоваться переодѣяніемъ Лавры, дабы съ нею не разлучиться болѣе, повезъ ее съ собою; потому

тому что не удивительно было, что между множествомъ чужестранцевъ, коими городъ былъ наполненъ, былъ одинъ живущїй въ его домѣ. Принцы обняли ихъ еще; и увидя ихъ сѣдшихъ на коней, и поѣхавшихъ въ Аквиту, заперлись, дабы стараться о томъ, какимъ образомъ поступать въ случаѣ имъ угрожающемъ. Какъ надлежало, что бы Фроила былъ извѣщенъ о важности возмущенїя Мунузина, дабы дѣйствовать совокупно съ Сарацинами, то Абдерамъ принужденъ былъ объявить ему, что сей бунтовщикъ заключилъ тайный трактатъ съ Герцогомъ Аквитанскимъ, коего не свѣдомы нѣкоторые пункты, но то подлинно, что одинъ изъ главнѣйшихъ состоялъ въ томъ, дабы подавать взаимную помощь одному, чтобъ овладѣть Ишпанїею, а другому Францїею.

Хотя не пришло на умъ, что бы государь Христїанскїй, усердный Католикъ, и властитель довольно сильный, дабы требовать величайшаго союза, отдалъ дочь свою за простаго Арапа и Магометанина; однако Фроила не могъ удержаться,

ся, чтобы не скорбѣть о сей вѣдомости; и по нѣкоему движенію, кое приписывалъ онъ тогда точію гнусности измѣны, хотя оное было въ самомъ дѣлѣ предчувствованіе его нещастія, воспріялъ онъ смертельную къ Мунузѣ ненависть, и почувствовалъ въ душѣ своей такое желаніе отмщенія, что умѣряла оное печаль, быть принуждену оставить Нумерану, можетъ быть не могши съ нею и проститься. Между тѣмъ какъ Абдерамъ, Музаидъ и онъ ищутъ въ политикѣ способовъ, побѣдить своихъ непріятелей, Ерихъ и Лавра прибыли безъ всякаго приключенія въ Аквиту; и сія прекрасная женьщина подъ видомъ кавалера съ опущеннымъ всегда шишакомъ, вошла къ своему супругу, не бывъ никѣмъ примѣчена.

Счастливый Ерихъ провелъ ее въ ту комнату, гдѣ жилъ Фроила; и почитая ее за чужестранца, велѣлъ ей прислуживать во образѣ онаго. Когда находились онѣ на свободѣ, тогда увѣдомила она его о жестокой судьбинѣ Нумераниной. Губернаторъ пораженъ тѣмъ былъ какъ громовымъ ударомъ; но не сомнѣвался,

нѢвался, отЪ кого происходилЪ сей неистовый умыселЪ, и Менина показалася ему одна удобною кЪ предпрїятїю онаго; но ласкаясь, что АбдерамЪ и Фроила перемѢнятЪ дѢла при своемЪ возвращенїи, оставили онѢ на нѢсколько минутЪ интересы другихЪ, дабы насладиться удовольствїемЪ, другЪ друга увидя. Сїи только однѢ прїятныя минуты удобны были утѢшить Лавру о смерти Леоноры и Алберта де МонтобанЪ, о коей Принцы не хотѢли ей говорить, дабы ЕрихЪ ей то донесЪ, когда разсудитЪ за благо; а онЪ поспѢшилЪ сїе учинить, дабы печаль ея не столь была велика вЪ разсужденїи радости, соединившись сЪ тѢмЪ, кого не было для ней миляе.

УпотребивЪ время довольное для своей любви, поѢхалЪ онЪ кЪ ПринцессѢ Аквитанской; весь дворЪ находился вЪ ея покояхЪ, при чемЪ Менина первенствовала сЪ крайнимЪ дерзновенїемЪ. ЕрихЪ не могЪ видѢть Нумераны и ея непрїятельницы, не впавЪ вЪ глубокую печаль: Принцесса Аквитанская прїобыкши сЪ прїятностїю видѢть Короля

Астурїй-

Астурійскаго, и не имѣвшая сего удовольствія во весь сей день, не менѣе была задумчива, и удалившись отъ окружающихъ размышляла глубокомысленно, оперщись оплошно на кресла, въ коихъ сидѣла Іустина позади ее, и подражая ея безмолвію, казалася быть одна посреди всѣхъ людеи. Губернаторъ приближился къ ней; и дабы вступить въ разговоръ: прекрасная Севина, сказалъ ей, увидимъ ли завтра твою лѣнточку на какомъ нибудь храбромъ Кавалерѣ, и допуститъ ли насъ конское ристаніе открыть тайну твоего сердца? я не имѣю оныя, отвѣчала она ему поклонясь учтиво, люблю только одну Принцессу, но не такъ мужественна, чтобъ за нее биться, и не хощу, что бы ломали за меня ланцы? что отвѣтствовалъ онъ, естьли обьявлю я себя твоимъ Кавалеромъ, то не ужѐ ли ты мнѣ въ томъ откажешь, и не здѣлаешь никакой благосклонности, для возбужденія моего мужества? Нумерана, которая ихъ слушала, и уразумѣла намѣреніе Ерихово, оборотясь къ Іустинѣ: согласись на то, чего онъ отъ тебя требуетъ, сказала

зала ей, дай ему тотъ шарфъ, который я тебѣ подарила, но съ договоромъ, чтобъ онъ не бился.

Изрядно, отвѣчала Іустина тѣмъ же голосомъ, приди къ ужину Принцессину, и я посмотрю, заслуживаешъ ли ты сію милость. Какъ Нумерана не кушала никогда въ публикѣ, то Іустина назначила ему сію минуту, какъ благопріятнѣйшую, чтобъ разговаривать; тогда уже было толь поздно, что не долгое время надлежало ему того ожидать, потому что всякъ удалился, дабы приготовляться къ зрѣлищу слѣдующаго дня. Ерихъ оставшись одинъ, не преминулъ своего свиданія, и такъ что ни одна изъ женьщинъ Принцессиныхъ не могла того слышать, разсказалъ ей все приключившееся ему съ того времяни, какъ ее не видѣлъ. Нумерана радуясь, видя его благополучна, поздравляла его съ тѣмъ съ обыкновенною своею пріятностію, и принуждала его отправить Лавру поскоряе въ Монтобанъ. Потомъ увѣдомилъ онъ ее о томъ, что происходило въ Ишпаніи, и сколь возвращеніе Принцевъ тамъ нужно.

Сія

Сія вѣдомость принудила ее поблѣднѣть ; и боясь , чтобъ Фроила не уѣхалъ съ довольною торопливостію , лишь только вышла изъ за стола , какъ вошла въ свой кабинетъ съ Ерихомъ , и Іустиною ; между тѣмъ какъ онѣ между собою разговаривали , взяла она записную книжку , написала на оной нѣсколько строкъ , и отдавъ оную губернатору съ великолѣпнымъ Шарфомъ , которой сама она вышивала : Ерихъ , сказала ему , отдай королю Астурійскому сіи знаки моего напоминовенія , и посмотри , какъ онъ поѣдетъ ; и отпустила его послѣ сихъ словъ , дабы не подать подозрѣнія продолжительнымъ разговоромъ ; онъ поѣхалъ въ свой домъ , гдѣ увидѣвшись съ дражайшею своею Лаврою , испыталъ въ первый разъ своея жизни , что бывають такія ночи , кои предпочитаются самымъ прекраснымъ днямъ. Солнце лишь только простерло лучи свои, какъ городъ Аквита раздавался со всѣхъ сторонъ звукомъ трубъ и воинственныхъ инструментовъ возвѣстившихъ открытіе конскаго ристанія. Счастливые на-

ши

ши супруги ополчилися всякимЪ оружїемЪ, и вставЪ, когда пришло время пробудиться ФроилѢ и Абдераму, ЕрихЪ исправилЪ свою комиссїю. Король Астурїйскїй цѢловалЪ стократно сїи невинныя щедроты Принцессы Аквитанской, убралЪ себя немедлѢнно шарфомЪ, развернулЪ записную книжку, и читалЪ сїи слова:

Люби, будь вѢренЪ, но побѢжжай; одно имя Мунузы принуждаетЪ меня трепетать: прости, не оспоривай Прейса вЪ конскомЪ ристанїи, сердце, кое ты повезешь сЪ собою, довлѢетЪ составлять все твое любочестїе.

Влюбленный Фроила такЪ былЪ восхищенЪ сими краткими словами, что перечитывалЪ оныя разЪ со сто; и будучи преисполненЪ совершенно своею страстїю, отвѢтствовалЪ нато слѢдующимЪ образомЪ:

Любовь моя и вѢрность послѢдуютЪ за мною до гроба: исполню твои приказанїи; но дозволь, чтобЪ присоединилЪ я кЪ знаменитому Прейсу, который онѢ мнѢ снискали, то награжденїе,

гражденїе, коимъ долженствуешь ты почтить побѣдителя: а чтобъ увѣрить тебя о Мунузѣ, то помышляй, что Фроила имѣя руку украшенную твоими щедротами, и сердце наполненное твоимъ образомъ, будетъ непобѣдимъ.

Когда Ерихъ взялъ на себя отвести сей отвѣтъ, и Принцы вооружились, тогда поѣхали они всѣ вмѣстѣ въ городъ; губернаторъ провидилъ ихъ до рѣшетки поставленной около боеваго мѣста. Онъ упросилъ Лавру съ великимъ трудомъ, чтобы не въѣжжала она за рѣшетку; но чтобы быть свидѣтельницею ристанія, хотѣла она служить вмѣсто конюшаго Королю Астурїйскому; Абдерамъ и Музаидъ, кои не сомнѣвались, чтобы Фроила не побѣдилъ всѣхъ ему предстоящихъ, стали между смотрителями, не хотя спорить съ нимъ о храбрости. Ристанїе началося, весь дворъ сѣлъ по своимъ чинамъ, Нумерана между Герцогомъ и Менинсю, сїяя безчисленнымъ множествомъ прелестей. Многїе кавалеры двора Евдова одержали уже

побѣду;

побѣду; но Фроила вступивъ за рѣшешку, принудилъ ихъ скоро чувствовать тяжесть своея руки. Прекрасная Принцеса Аквитанская увидѣла его появившагося не безъ движенія; сердце ея, которое бы принудило ее узнать его безъ помощи шарфа, коимъ онъ себя украсилъ, не могло обмануться при семъ знамеменитомъ знакѣ, и глаза ея устремившись на него, не имѣли болѣе другагою предмѣта. Видъ его, станъ и пріятности всей особы привлекли взоры и вниманіе зрителей; а проворство, съ коимъ вышибалъ ланцы всѣхъ на него устремляющихся, причинило безмѣрное во всѣхъ удивленіе. Я не предпріиму описывать происходившаго при семъ случаѣ, приключеніи гораздо важнѣйшія понуждаютъ меня оставить ристаніе, отъ коего бои кровопролитные были изгнаны. Довольно когда скажу, что Король Астурійскій остался одинъ побѣдителемъ всѣхъ другихъ, и объѣхавъ все мѣсто битвы кругомъ, такъ что никто не хотѣлъ выѣхать оспорить ему въ прейсѣ, поѣхалъ онъ для принятія онаго изъ рукъ той, которую обожалъ.

Судьи провели его къ балкону Принцессину при восклицанiи всего собранiя. Монархъ поклонился Герцогу съ опущеннымъ шишакомъ; но наклонившись предъ Нумераною даже до луки своего сѣдла, открылъ часть своего лица; но такъ что не можно было его столько видѣть, чтобъ его узнать. Принцесса подавая ему саблю украшенную брилiантами знатныя цѣны: храбрый кавалеръ, сказала ему, прими отъ руки моея такое воздаянiе, которое ты толь изрядно заслужилъ, и употребляй его точiю на то, дабы защищать жизнь толь драгоцѣнную.

Влюбленный Фроила воспользуясь преимуществами ристанiя, взялъ саблю, и поцѣловалъ съ жаромъ руку подающую ему оную: клянусь, отвѣчалъ онъ ей, не употреблять оной инако какъ для услугъ несравненной Принцессѣ Аквитанской; и въ самую ту минуту пришпоривъ свою лошадь, выѣхалъ онъ изъ боеваго мѣста, и скрылся какъ молнiя отъ глазъ зрителей. Какъ Абдерамъ, Музаидъ и Лавра нагнали его окольными дорогами.

рогами, то выѣхали они вмѣстѣ изъ города, и прибыли въ свою корчму. Между тѣмъ какъ весь дворъ старался угадать, кто бы ето былъ, Менина, надъ коею сей незнакомецъ причинилъ сильныя заразы, домогалася болѣе всѣхъ его угадать, и хотѣла уговорить Герцога приказать за нимъ слѣдовать. Но толико голосовъ поднялося противъ сего совѣта, сказывая, что будетъ чрезъ то нарушенiе законовъ, установленныхъ при случаѣ конскаго ристанiя, такъ что увидѣлъ онъ себя принужденнымъ ослушаться предъ нею въ первый разъ. Въ движенiи, которое причиняло сiе всенародное любопытство, Ерихъ нашедъ случай приближиться къ Iустинѣ, отдалъ ей писмо отъ Фроилы; и ушедши отъ множества народа, для отданiя приказовъ, коихъ требовала его должность, лишь только удовольствовалъ оную, какъ поѣхалъ къ Принцамъ, коихъ увѣдомилъ о томъ что происходило при дворѣ въ разсужденiи незнакомаго Кавалера, прося Фроилу ѣхать въ тотъ самый день, опасаясь, что бы Менина не употребила хитростей къ его открытiю.

Какъ Абдерамъ и Музаидъ присоединились дабы его къ тому принудить, то согласился онъ на то невзирая на безмѣрное мученіе, которое чувствовалъ, оставить Аквитанію, не видя еще Принцессы. Ерихъ взялъ на себя комиссію рассказать ей про то, и не хотѣлъ съ ними разлучиться, пока не увидѣлъ ихъ въ готовности выѣхать изъ окрестностей Аквиты. Фроила держалъ его съ часъ въ своихъ объятіяхъ, и просилъ его воспомянуть о данномъ ему словѣ. Сей любезный Принцъ обнялъ Лавру, и подарилъ ей пукетъ изъ бриліантовъ и жемчугу чрезвычайно великой цѣны; Абдерамъ присоединилъ къ тому также богатую цѣпочку, сказавъ ей, онъ хочетъ, дабы носила она всегда оную; и изъявивъ еще другъ другу множество знаковъ почтенія и дружества, простилися онѣ и поѣхали въ разныя дороги. Абдерамъ, Фроила и Музаидъ въ Ишпанію, а правитель Аквиты и прелестная его супруга въ сей городъ; Лавра, для заключенія себя въ своей комнатѣ, а вѣрный Ерихъ для исправленія данныя ему отъ Фроилы комиссіи.

Нумерана

Нумерана находилась вѣ своей комнатѣ, ожидая бала, коему надлежало окончать сей день. Герцогскїе чертоги наполнены были всѣми знатными чужестранцами, коихѣ ристанїе привлекло ко двору его, и кои не имѣли причинѣ укрываться. Менина имѣла у себя такихѣ придворныхѣ, кои предпочитая милость достоинству, жертвуютѣ даже до своего разума, дабы слѣдовать источнику подлѣйшаго лицемѣрїя; и во всякомѣ мѣстѣ не говорили ни о чемѣ, какѣ о незнакомцѣ, ибо всякѣ хотѣлѣ имѣть честь открыть его первый.

Сїе таинство тѣмѣ болѣе безпокоило Менину, что думала она примѣтить смятенїе вѣ глазахѣ Принцессиныхѣ. Что до Нумераны, совершенно помышляющей обѣ отъѣздѣ Фроилы, то ожидала она Ериха сѣ нетерпѣливостїю, какѣ отправивѣ свою должность, пошелѣ онѣ кѣ ней, разсказалѣ ей подробно обѣ отъѣздѣ короля Астурїйскаго, и вручилѣ ей его писмо. Прекрасная Нумерана, не могла удержаться отѣ пролитїя слезѣ читая оное. Да благоволитѣ Небо, сказала она Ери-

ху, что бы сей великїй государь успѣлъ въ своихъ предпрїятїяхъ; но печальныя предчувствованіи, коими я непрестанно терзаюся, побуждаютъ меня опасаться, чтобы не были мы разлучены навѣки. Ерихъ воздохнулъ тяжко при сихъ словахъ: Принцесса то услышала, и посмотрѣвъ на него быстро, какъ будто желая проникнуть ея сердцѣ, привела его въ толь жестокое состоянїе что не нашелъ онъ болѣе выраженїй, что бы изъясниться. Нумерана разсуждая, что таковая печаль не могла инако быть причиняема какъ чрезвычайною причиною, и помышляя точїю о Фроилѣ: что вижу я, Ерихъ, сказала она ему вся въ слезахъ? не приключилося ли какого нещастїя Королю Астурїйскому? Супругъ Лавринъ видя, что смятенїе его ему измѣнило, а притомъ и вознамѣрясь увѣдомить ее о трактатѣ Евдовомъ, прежде исполненїя онаго, дабы стараться то предъупредить бросился къ ея ногамъ; и увѣривъ ее, что Фроила въ совершенномъ здравїи, объявилъ ей со множествомъ возрыданїй про бѣдственный союзъ Герцога Аквитанскаго съ Мунузою.

Естьли

Естьли бы принесли сей Принцессѣ приговоръ ея смерти по приказу ея родителя, то бы не болѣе она отъ того изумилася, какъ при сей ужасной вѣдомости; но призвавши къ себѣ всю свою добродѣтель въ сїю минуту, и ласкаясь, что Герцогъ не утвердилъ еще сего трактата: ты очень хорошо здѣлалъ, Ерихъ, сказала ему, что не скрылъ отъ меня моего нещастїя; либо для того, чтобъ меня къ тому приуготовить, оному воспрепятствовать или покориться, надобно было, чтобъ я про то знала: между тѣмъ чтобъ ни приключилось, только послѣдую я моей должности. Особливо, продолжала она, не покидай меня никогда, въ какомъ бы мѣстѣ ни принудили меня провождать бѣдственную жизнь мою, и оставь меня на минуту помыслить о моемъ нещастїи. Губернаторъ не имѣлъ труда обѣщать ей, слѣдовать за нею на край вселенныя, отказавъ единственно Фроилѣ, дабы прилѣпиться къ ней, и возвратившись домой, пошелъ онъ къ Лаврѣ, дабы искать въ прїятности ея разговоровъ той отрады, въ которой усердїе его имѣло нужду.

Но между тѣмъ какъ Нумерана попускала свободное теченіе своему отчаянію, сообщая оное Іустинѣ де Севинъ, Герцогъ получилъ гонца отъ Мунузы, который увѣдомилъ его, что принялъ уже онъ оружіе и выгналъ Сарацинъ изъ провинцій своея Губерніи, увѣдомляя его, что Генералъ Абдерамъ и Король Астурійскій находятся въ отсутствіи, и странствуютъ скрытно: что подозрѣвая нѣкоторую тайну проситъ онъ его подвинуться съ Принцессою къ Пюисердѣ, а онъ пріѣдетъ туда для церемоніи своего брака. Когда Евдъ сообщилъ вѣдомость сію Менинѣ, тогда сія злая женщина согласуя оное съ тѣмъ, что увѣдала она о помощи поданной Принцессѣ двумя незнакомцами на дорогѣ ко дворцу Тутельскому, и съ примѣченнымъ ею при конскомъ ристаніи была тотчасъ увѣрена, что Фроила одинъ получилъ прейсъ, что онъ былъ знаемъ Нумераною, и что имѣли онѣ потаенное согласіе; и на семъ основаніи побудивъ чувствовать Герцога, сколь важно было поспѣшить бракомъ сея Принцессы съ Мунузою принудила его ѣхать немедлѣнно.

И такъ увѣдомилъ онъ Арапа, что будетъ къ нему, и что бы готовился онъ его принять; и отдавъ приказъ что бы екипажи его были готовы чрезъ три дни по большой мѣрѣ обьявилъ онъ отъѣздъ свой всему двору, повѣлевъ ему себя провождать, желая, что бы Менина и ея женьщины такожъ Нумерана и ея фрелины за ними слѣдовали. Но какъ не обьявилъ онъ причины своего путешествія, ниже въ какую страну направлялъ онъ стопы свои, то всякъ казался чудившимся толь скорому отъѣзду; одна Принцесса Аквитанская не сомнѣвалась воономъ, хотя по меншей мѣрѣ не предаться своему нещастію не употребивъ напередъ всѣхъ силъ своихъ къ воспрепятствованію онаго, побѣжала она упасть къ ногамъ Герцога своего родителя обьявила ему, что свѣдомъ ей трактакъ имъ заключенный, моля его не жертвовать ею чудовищу, помыслить, что она Католицкаго закона, а Мунуза былъ Арапъ и Магометанинъ. Но слезы ея, увѣщанїи и прелести умножающїяся отъ ея печали, ничего не могли произвесть надъ симъ ослѣпленнымъ Государемъ: на про-

тивъ того вмѣняя ей въ порокъ то что она толь свѣдуща о его тайнахъ, приказалъ онъ ей съ крайнѣю суровостїю готовиться къ отъѣзду, сказывая ей насмѣшливымъ видомъ, что Небо сохранило ее для того, дабы обратить Мунузу, и что будетъ она имѣть славу здѣлать изъ него защитника вѣры посреди самыхъ невѣрныхъ. Сїя насмѣшка здѣлала совершеннымъ справедливое отчаянїе Нумеранино, которая вышла отъ него въ такомъ состоянїи, надъ коимъ бы всякъ другой кромѣ Едва сжалился. Сей союзъ распостранившїйся скоро по городу, наполнилъ оный слезами и воплемъ; комнаты Принцессины раздавалися крикомъ ея женьщинъ; а неутѣшная Іустина у ногъ прекрасныя своея госпожи, просила паче смерти, нежели чтобъ быть свидѣтельницею таковаго брака.

Дражайшїй Монархъ! вскричала Нумерана, какого совмѣстника осмѣливаются тебѣ дать! какой гнусный ударъ для твоего сердца! и какой предмѣтъ для моего! между тѣмъ Менина наслаждалася спокойно удовольствїемъ, причинивъ смятенїе въ сей неповинной, душѣ и радовалася

лася потаенно съ своими наперстниками тѣмъ злополучїямъ, кои она сносить принудила, и какъ стараніями ея все было готово къ отъѣзду, то сей дворъ обремѣненный жесточайшею печалїю, воспрїялъ путь къ границѣ. Крику народа и прискорбїя обывателей города Аквиты, теряя свою Принцессу, неудобно изобразить. Нумерана, наипрекраснѣйшая и совершенѣйшая изъ женщинъ своего времени, будучи отъ девятнатцати до двацати лѣтъ своего возраста, сѣдшая въ свою колесницу въ объятїяхъ Іустины де Севинъ и милѣйшихъ своихъ фрелинъ, погруженная въ слезахъ, простирающая руки къ печальнымъ своимъ подданнымъ, прощаяся съ ними, и прося ихъ молить за нее Небо о помощи, было то чуствительное зрѣлище, кое представляла она взору во время всего своего пути.

Между тѣмъ какъ все сїе происходило въ Аквитанїи, Абдерамъ и Фроила прибывъ въ Ишпанїю, услышали тамъ скоро про явное возмущенїе Мунузы, и о притчинахъ его трактата съ Герцогомъ: Легко разсудить можно о свирѣпствѣ Короля Асту-

Астурійскаго; но не теряя времени вЪ напрасныхЪ жалобахЪ, возбужденный яростію и мщеніемЪ принялЪ онЪ сЪ АбдерамомЪ команду надЪ Арміею СарацинЪ, которая будучи предводительствуема вЪ отсутствіи Принца единственно его намѢстниками, всегда побѢждаема была Мунузою. Сей АрапЪ, коего храбрость простиралась даже до неустрашимости, увѢдомленный чрезЪ своихЪ лазутчиковЪ о возвращеніи ПринцовЪ, приказалЪ Исуфу сЪ частію своихЪ войскЪ туда итти, дабы удерживать точію непріятелей, а самЪ между тѢмЪ сЪ остальными пошелЪ кЪ Герцогу Аквитанскому, потому что желаніе, обладать Нумераною было еще сильняе вЪ сердцѢ его, нежели то чтобЪ побѢдить СарацинЪ. ВЪ самомЪ дѢлѢ ИсуфЪ велЪ себя сЪ такимЪ благоразуміемЪ что подалЪ ему все потребное кЪ тому время. Сей гнусный женихЪ несравненныя дщери Евдовой прибылЪ почти также скоро какЪ и онЪ вЪ назначенное для свиданія ихЪ мѢсто: оное только лишь усугубило отчаяніе Нумеранино, и радость Менинину. ЕвдЪ оказалЪ великую

честь

честь Мунузѣ, а Арапъ принялъ его съ толикою гордостїю, какъ будто бы оная ему принадлежала; обое клялися торжественно въ союзѣ предъ армїею сего невѣрнаго, въ присутствїи всего двора Евдова, и Принцесса отдана была въ ево руки послѣ обыкновенныхъ клятвъ, отложа совершенїе брака до совершеннаго исполненїя трактата съ стороны Мунузиной; а Менинѣ какъ ближайшей ея родственницѣ велѣно было ее проводить, также и всѣмъ ея женьщинамъ, дабы остаться съ нею до заключенїя брака. Сколь ни противна была Менина Принцессѣ, однако имѣла она такое утѣшенїе отъ послѣдняго артикула сего новаго трактата, что взирала на нее съ меньшимъ трудомъ.

Мунуза невзирая на свою любовь не спорилъ сему договору, будучи увѣренъ, что обладая Принцессою, властенъ онъ будетъ поспѣшить дѣйствїемъ онаго; а Менина радуясь такой должности, которая дѣлала ее посредственницею ея жребїя, готовилась тайно привесть ее въ состоянїе, что бы не имѣть никакой надежды. Съ сими то различными

мыслями

мыслями сїи обѣ партїи разъѣхались. Нумерана, которую состоянїе ея дѣлало еще гораздо чувствительнѣе къ движенїямъ природы, прилѣпилась толь сильно къ колѣнамъ Герцога своего родителя, прощаяся съ нимъ, что почитали ее раставающеюся съ свѣтомъ; сей Государь пришелъ отъ того въ жалость, и вырвался отъ ней не инако какъ съ безмѣрнымъ насилїемъ, но варварская Менина и страшный Мунуза принудили ее его оставить, и Герцогъ поѣхалъ немедлѣнно съ своею свитою; а Мунуза отдѣливъ Корпусъ войска для безопасности Принцессъ, принялъ въ команду свою армїю, приказавъ маршировать прикрывающему войску въ подвластный ему городъ Пюисерду, въ которомъ уповалъ онъ совершить свое благополучїе. Но Небо опредѣлившее ему другую судьбину, принудило его отпустить туда однѣхъ Принцессъ, не слѣдуя за ними, получая гонца за гонцемъ, отъ Исуфа, который увѣдомлялъ его, что надлежало подвинуться немедлѣнно съ своими войсками, не могши болѣе противиться силѣ Абдерамовой.

И такъ прекрасная Нумерана освобождена была отъ сего гнуснаго предмѣта, и вступила безъ него въ Пюисерду столицу графства Сенпейнскаго, между Францїею и Ишпанїею, коею Сарацины овладѣли, и которая была одна изъ провинцїй губернїи Мунузиной, изъ коей онъ ихъ выгналъ. Менина не менѣе имѣла досады какъ и Арапъ отъ сего медленїя, будучи принуждена остаться съ сею нещастною Принцессою, пока не будетъ она совершенно женою Мунузиною; но она наградила себя за то, повелѣвъ поступать съ нею съ безприкладною строгостїю, здѣлавъ ее плѣнницею въ ея комнатѣ, и не приказавъ туда входить никому, кромѣ тѣхъ, коихъ разсудила за благо. Однако не смѣла она отнять у ней Іустины Севинъ, которая нашедъ силы въ горячности своей къ несравненной своей повелительницѣ, имѣла смѣлость грозить Менинѣ заколоть ее кинжаломъ, хотя бы была она на части изрублена Арапами, естьли отлучитъ она ее отъ Принцессы. Порокъ обыкновенно провождаемъ бываетъ страхомъ и подлостїю: любов-

любовница Евлова была злобна; но безъ мужества; она опасалась, что бы Іустина не произвела словъ своихъ въ дѣйство; и разсуждая, что мщеніе, кое можетъ за то употребить Мунуза, не возвратитъ ей жизни, естьли Іустина лишитъ ее оныя, довольствовалась тѣмъ, что заключила ее съ Нумераною, которая не жалуясь ниже ропща на свою судьбину, препровождала дни и нощи моля Небо, постараться о ея невинности. Фроила не былъ позабытъ въ набожныхъ ея молитвахъ; и сердцѣ ея чувствуя болѣе состояніе сего государя, нежели свое собственное, зная горячую его любовь, казалося воспріять къ нему гораздо сильнѣйшія склонности послѣ своего нещастія; и онъ былъ причиною всѣхъ ея разговоровъ съ Іустиною. Но хотя страсть ея къ сему Монарху была предмѣтомъ всѣхъ ея мыслей, однако Ерихъ имѣлъ во оныхъ участіе; огорчась на него, что не послѣдовалъ онъ за нею, говорила объ немъ непрестанно своей наперстницѣ, укоряя его нарушеніемъ своего слова.

Любезная Севина старалася его оправдать, подавая ей знать, что будучи губернатором Аквиты, не могъ онъ безъ того обойтись, чтобъ тамъ не остаться, и безъ сомнѣнія онъ тѣмъ болѣе тревожится, нежели она. Въ сихъ то упражненіяхъ препровождали онѣ печальные дни свои, какъ по пяти мѣсячномъ заточеніи и худыхъ поступкахъ, услышали онѣ при восхожденіи утренней зари ужасный шумъ по всему городу, которой дошедъ до дворца, наполнилъ ихъ ужасомъ. Онѣ встали съ торопостію; и приведши себя въ состояніе показаться, ожидали съ трепетомъ, дабы увѣдомили ихъ о происходившемъ. Но лишь только онѣ одѣлися, какъ увидѣли вошедшаго гнуснаго Мунузу, съ обнаженною шпагою, съ окровавленнымъ оружіемъ, въ провожаніи Менины, и трехъ или четырехъ Арапскихъ воиновъ, который приближась къ Нумеранѣ съ свирѣпымъ видомъ, и взявъ ее за руку: поди, сказалъ ей, неблагодарная, городъ взятъ, но Фроила твой не будетъ наслаждаться своею побѣдою; и проведши ее темными дорогами, между тѣмъ

какъ Менина и другїе дѣлали тоже съ Іустиною, вывелъ ихъ на Пюисердское поле; и введши ихъ въ ужасное своимъ положенїемъ мѣсто, окруженное камнями и пропастьми: Нумерана, сказалъ ей Мунуза остановившись, должность добродѣтельныя жены состоитъ въ томъ, чтобы слѣдовать во гробъ за своимъ супругомъ; Абдерамъ и Фроила меня побѣдили, армїя моя изрублена въ куски, остались у меня только тѣ, которыхъ ты видишь; непрїятели мои гналися за мною до Пюисерды, ворвались туда помалу съ остатками моихъ войскъ, они овладѣли симъ городомъ; мнѣ осталася точїю смерть, дабы не впасть живому въ ихъ руки; но я не могу согласиться, что бы была ты добычею ихъ побѣды. Умремъ же, и прими съ радостїю сей любви моея опытъ. При сихъ словахъ поднявши руку хотѣлъ проколоть грудь сея прекрасныя Принцессы, почти уже умершей отъ страха и ужаса, какъ великое число Сарацинскаго войска бросилось съ такою жестокостїю на сего Варвара, что не могши лишить жизни Нумерану, принужденъ

нужденъ былъ помышлять о томъ, что бы защищать свою собственную. Сарацины имѣли предводителями своими двухъ воиновъ толь страшныхъ, что возмутители не могли противиться силамъ ихъ. Между тѣмъ Мунуза оставя Нумерану стоялъ противъ нихъ столь твердо, сколько ему возможно было, но наконецъ не видя болѣе никакой для себя помощи, и не хотя попасть живой въ руки своихъ сопротивниковъ, съ коими бился всегда отступая, дошелъ до береговъ ужасныя пропасти и пустился во оную толь поспѣшно, что разбился прежде на части, нежели примѣтили его намѣренiе.

Проклятая Менина находясь безъ всякiя помощи послѣ сего урона, и не имѣя мужества учинить тоже, старалась убѣжать между каменьями, какъ нѣкая мужественная рука удержавъ ее: жестокая, сказалъ онъ ей, ты бы достойна была еще больше нежели Мунуза ужаснѣйшихъ изтязанiй; но какъ варварское твое сердце нашло смерть надмѣру прiятною, дабы освободиться тебѣ отъ Лавры д' Агенъ, то живи, дабы уми-

рать тысящу разъ въ день, видя ее щасливу съ своимъ супругомъ, и будь свидѣтельницею знаменитаго рока Принцессы Аквитанскія; между тѣмъ какъ говорилъ онъ сіи слова, и сія изумлѣнная женщина не знала что отвѣтствовать, другой воинъ приближился къ Нумеранѣ, держащей Іустину во обьятіяхъ, и скрывающей глаза свои, дабы не видѣть приготовленнаго имъ жребія. Какъ Сарацины оставили своихъ лошадей при вступленіи въ сію ужасную долину, то войско не могло туда инако пройти какъ пѣшкомъ, и онъ подошелъ къ нимъ такъ что онѣ не слышали; и бросясь на колѣни, открывши лице свое: несравненная Принцесса, сказалъ ей, ты не имѣешъ болѣе непріятелей, обрати взоры твои на ихъ побѣдителей, они совершенно тебѣ преданы, и страстный Фроила не для иного чево ополчился, какъ для твоего защищенія. Какъ толь пріятный голосъ возбудилъ Нумерану, то открыла она глаза, обратила оные только на говорящаго ей, и познавъ Короля Астурійскаго: ахъ Государь! вскричала она, тебѣ то

должен-

должествую я еще жизнію! тебя то Небо низпосылаетъ непрестанно на мое вспоможеніе! колико благодарности, о боже! должна я тебѣ приносить? лишь только окончала она сіи слова, какъ Абдерамъ пришелъ къ нимъ, держа Менину (ибо онъ то остановилъ ее въ ея побѣгѣ) и не покидая ее, представивъ Принцессѣ: Государыня, сказалъ ей, вотъ единая вина всѣхъ твоихъ мученій, и единое награжденіе, коего смѣю испрашивать для себя за оказанную нами тебѣ услугу.

Я тебя разумѣю, государь, отвѣтствовала ему Нумерана; она бы безъ сомнѣнія достойна была, что бы оставила я ее твоему гнѣву; но хотя законы войны дѣлаютъ насъ твоими плѣнницами, и я не имѣю права, требовать отъ тебя чего нибудь, однако молю тебя воспомянуть, что она происходитъ отъ крови Герцоговъ Аквитанскихъ. Король Астурійскій не могшій простить сей щедроты Нумеранѣ, ниже терпѣть взора Менинина, пресѣкъ сей разговоръ, дабы проводить любезную свою Принцессу въ городъ. Тогда оставя Менину Принцу

цу Абдераму, подалЪ онЪ руку Принцессѣ; храбрый МузаидЪ взялЪ любезную Іустину, которая не вышедЪ еще изЪ своего ужаса, взирала на сіе счастливое произшествіе какЪ на сновидѣніе. Наши свѣтлѣйшіе воины взявЪ своихЪ лошадей по выходѣ изЪ лощины, посадили женьщинЪ сЪ собою, и готовились ѣхать, какЪ увидѣли ѣдущую кЪ нимЪ колесницу подЪ прикрытіемЪ части ихЪ войскЪ, провождаемую двумя кавалерами, коихЪ ПринцЪ и Фроила узнали тотчасЪ по ихЪ гербамЪ. Избавители Нумеранины остановились, дабы ихЪ ожидать. КакЪ скоро находились они вЪ такой близости, что могли быть видимы Принцессою, какЪ открыли свои шишаки, и возбудили вЪ ней радость и удивленіе, показавЪ ей Ериха и храбрую Лавру. Фроила представилЪ ей ихЪ, сказавЪ ей, что ихЪ храбрости долженствовали они побѣдою и здачею Пюисерды. Сей видЪ вывелЪ совершенно Принцессу и Іустину изЪ смущенія, вЪ коемЪ того дня находились; и какЪ Король Астурійскій приказалЪ имЪ войти вЪ колесницу,

сницу, то доѣхали онѣ всѣ вмѣстѣ до города, который стараніемъ Ериха казался столь спокойнымъ, какъ будто не было въ немъ сраженія. Фроила провелъ Нумерану въ наивеликолѣпнѣйшіе чертоги дворца, гдѣ всѣ ея освобожденныя женьщины пришли къ ней произнося множество радостныхъ восклицаній. Онъ составилъ караулъ ея изъ отборнаго своего войска, надъ коимъ поручилъ команду Музаиду, коему сія должность была тѣмъ пріятнѣе, что любезная Іустина Севинъ начинала подавать ему знать могущество любви. Что касается до Абдерама, то вознамѣрившись привесть Менину въ состояніе не дѣлать вреда никому болѣе, отвелъ онъ ей комнату въ отдаленіи отъ Принцессы, возвратилъ ея женщинъ, приказалъ служить ей съ почтеніемъ, но не дозволилъ ей никуда выходить. Когда Принцы учредили потребный порядокъ для безопасности города, и отвели квартиры для своихъ войскъ, тогда пошли они къ Нумеранѣ, которая не хотѣла никогда взять нужнаго ей покоя, пока не увѣдомится, какимъ

чудомъ освобождена она отъ величайшаго злополучія, и какъ Ерихъ и Лавра прибыли къ арміи ея избавителей.

Фроила увѣдомилъ ее въ короткихъ словахъ, что онъ совокупно съ Абдерамомъ далъ баталію Мунузѣ, и прогналъ его до Пюисерды, въ коей они были надежны въ согласіи, которое тамъ имѣли, потому что Ерихъ и Лавра дали имъ знать, что онѣ туда въѣхали, и отворятъ имъ врата. Потомъ Ерихъ начавъ говорить: естьли бы перемѣна судьбины Вашего Высочества, сказалъ онъ Принцессѣ, не превосходила въ щастіи тѣхъ печальныхъ извѣстій, кои я вамъ принужденъ сказать, то бы принялъ я болѣе осторожностей, оныя тебѣ принесть; но Государыня, присутствіе непобѣдимаго монарха Астурійскаго побуждаетъ меня надѣяться, что услышишь ты съ меньшею прискорбностію смерть Герцога Аквитанскаго и потеряніе твоихъ областей завоеванныхъ Карломъ Мартеломъ. Евдъ отдавъ приказъ при отъѣздѣ, дабы армія его пошла противъ сего Государя, и приказавъ мнѣ охранять

нять Аквиту, лишь только отдалъ тебя въ руки Мунузѣ, какъ принялъ начальство надъ своими войсками, съ коими далъ онъ баталію Карлу, которой его побѣдилъ и убилъ, и продолжая свою побѣду овладѣлъ важнѣйшими твоими городами. Сія вѣдомость принесенная въ Аквиту нашла всѣхъ толь сильно огорченныхъ противъ Герцога, что вмѣсто того, дабы оплакивать его кончину, народъ и воины дали мнѣ знать, что есть ли хощу я обороняться противъ побѣдителя, то оставятъ они меня одного въ городѣ, и перейдутъ въ его армію. Тогда взялъ я мое намѣреніе; и выѣхавъ изъ Аквиты съ дражайшею моею Лаврою, поѣхали мы по дорогѣ къ Пюисердѣ; и тому уже осмнатцать дней какъ мы сюда пріѣхали. Промысливъ тѣмъ въѣздъ во оный, что объявили себя твоея свиты, Лавра, и я такъ уговорили Коменданта, подавъ ему знать, что держалъ онъ худую партію, потому что всѣ Арапы будутъ порублены, естьли Мунуза будетъ побѣжденъ, боясь притворно что Герцогъ Аквитанскій не возможетъ имъ помочь будучи занятъ

другою войною, такъ что сей мужъ уже извѣщенный о уронахъ Мунузиныхъ во многихъ сшибкахъ, обнадеживалъ насъ, что естьли бы имѣлъ онъ надежное средство примириться съ Абдерамомъ, то бы не колебался его принять.

Какъ сїе обѣщанїе подало намъ надежду, то предложилъ я ему отписать къ королю Астурїйскому, коимъ я знаемъ, и что надобно ему только здѣлать свои предложенїи. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не имѣетъ другихъ, кромѣ того, что требуетъ, дабы просить всѣхъ Араповъ заключенныхъ въ Пюисердѣ, а онъ обязуется вручить городъ Сирацинамъ. Я отправилъ въ туже минуту вѣрнаго гонца въ станъ Абдерамовъ, который подписалъ трактатъ съ Королемъ Астурїйскимъ, давъ намъ знать, что дадутъ они баталїю Мунузѣ. Комендантъ плѣненный моимъ усердїемъ, вознамѣрился со мною запереть врата Мунузѣ, естьли восхощетъ онъ уйти въ городъ и отворить оныя Принцу Абдераму, какъ скоро онъ появится. Арапы уговоренные симъ мужемъ обѣщали тоже. Между тѣмъ, какъ поступа-

ли

ли мы такимъ образомъ, Принцы побѣдили мунузу, порубили войско его на части, и гнали ихъ до сихъ мѣстъ. Какъ нѣкоторые бѣглецы увѣдомили насъ о семъ успѣхѣ, то были мы въ готовности принять побѣдителей, кои смѣшавшись съ побѣжденными вошли вмѣстѣ въ городъ. Мунуза, коего искали мы вездѣ, ушедши отъ насъ, здѣлалъ себѣ не смотря на наши старанїи проходъ до твоей комнаты; но Принцы боясь точїю о тебѣ, не теряя его такъ какъ мы изъ виду, и зная всѣ закоулки города, разсыпали свои войска по всѣмъ проходамъ, а сами пошедъ такими дорогами, по коимъ наименѣе ходили, примѣтили его влекущаго тебя въ лощину. Ты знаешь остатокъ, Государыня, продолжалъ Ерихъ; Небо, защитникъ толь прекрасныя жизни, не восхотѣло допустить восторжествовать тѣхъ, кои думали здѣлать ее вѣчно нещастною.

Прекрасная Принцесса Аквитанская благодарила Ериха, и плакала чистосердечно по кончинѣ Герцога своего родителя; но Фроила, Іустина и Лавра старались утѣшать ее

толь

толь сильными причинами, что принудили ея природу уступить любви.

Какъ побѣда Сарацинъ привела всѣхъ бунтовщиковъ ко своей должности, то Абдерамъ и Фроила оставили Нумерану въ Пюисердѣ точїю на то время, которое нужно было ей оправиться отъ претерпѣнныхъ ею злоключенїй; а когда была она въ состоянїи понести трудности новаго пути, тогда влюбленный Фроила молилъ ее ѣхать и возложить на себя корону Астурїйскую. Нумерана, безъ родителя, безъ областей, обожаемая великимъ Королемъ, коего любила страстно, и который дважды былъ ея избавителемъ, не думала долго, дабы согласиться за нимъ слѣдовать. И такъ почитаемая Королевою, везомая торжественно въ Овїедо, подъ прикрытїемъ части армїи, и провождаемая Мениною, которая казалася привязанною къ ея колесницѣ, дабы умножить ея великолѣпїе, была она принята Аладиндою и подданными короля Астурїйскаго съ оказанїями радости и горячности, побудившими ее скоро

ро

ро позабыть печальные дни ею препровожденные.

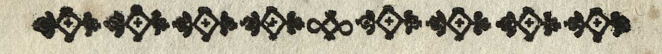
Менина пораженная свирѣпствомъ и отчаянїемъ была свидѣтельницею ея брака и славы: и когда Принцъ Абдерамъ, который не хотѣлъ ее отъ себя отпустить, наслаждался довольно ея печалїю, представляя взорамъ ея толь прїятные предмѣты, тогда отправилъ онъ ее кодвору Мирамолинову, употребивъ собственныя ея выраженїи, когда повелѣла она похитить Лавру д' Агенъ: ты одна, сударыня, сказалъ ей, достойна украшать Сераль Калифа. Нумерана дѣлала что могла, дабы смягчить сего Принца; но какъ Менина была въ самомъ дѣлѣ его плѣнница, и онъ не прощалъ ей того, что вмѣшала она его въ свои измѣны, то былъ онъ неумолимъ. Музаидъ женился на Іустинѣ Севинъ, которая получила въ поздравленїяхъ благополучнаго брака награжденїе за ея вѣрность. Ерихъ и Лавра поселились навсегда въ Ишпанїи, и были всегда любимы Нумераною, которая блажила во всю жизнь свою счастливую минуту выведшую ее изъ

рукъ

рукЪ наигнуснѣйшаго изЪ всѣхЪ мущинЪ, дабы вручить ее вЪ обЪятіи наидостойнѣйшаго любви изЪ всѣхЪ государей.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОМУ ТОМУ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Симъ десятымъ томомъ заключаю я сїе руководство, хотя вмѣсто показанныхъ въ Титулѣ ста новостей находится здѣсь только тритцать четыре, опасаясь, чтобъ большое изданїе не было въ тягость читателемъ какъ въ разсужденїи пространства такъ и цѣны. Но по прошествїи нѣсколькаго времени естьли время и случаи допустятъ не премину издавать на свѣтъ и послѣдующїе томы.

